

Лао Шэ
Рикша
(Сянцзы – верблюд)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мне хочется познакомить вас с человеком по имени Сянцзы, а по прозвищу Лото – Верблюд. Итак, расскажу вам о Сянцзы, а заодно объясню, почему его прозвали Верблюдом.

Каких только рикш не встретишь в Бэйпине¹.

Лучшие из них, молодые и быстроногие, норовят взять напрокат коляску покрасивее, и обязательно на целый день. Но работают как им вздумается. На стоянках, а то и у подъезда, часами дожидаются пассажира, которому непременно нужен хороший бегун. Подвернется такой – сразу отвалит пару юаней. Но бывает, что рикша зря прождет до самого вечера, а потом не знает, как расплатиться с хозяином за коляску. Однако неудачи его не тревожат. Он мечтает устроиться на постоянное место, а главное – обзавестись собственной коляской. Тогда можно работать и по месячному договору, и возить случайных пассажиров – как душа пожелает. Была бы только коляска!

У рикши постарше иные повадки. Здоровье не позволяет ему бегать так же проворно, как прежде, кроме того, он обременен семьей и не может рисковать целым днем работы в надежде на одного выгодного клиента. Одевается он довольно прилично, коляска у него почти новая, поэтому он и цену запрашивает, и даже торгуется с известным достоинством. Он возит пассажиров иногда с утра, иногда со второй половины дня, и тогда задерживается до глубокой ночи. Чтобы работать вечером или ночью, да еще в непогоду, нужны сноровка и осторожность, зато и заработок больше.

Совсем молоденьким рикшам, до двадцати, либо старикам, которым далеко за сорок, не так-то легко войти в одну из этих двух категорий. У них ветхие, ободранные коляски, с наступлением темноты они не рискуют появляться на улицах и выезжают ранним утром в надежде до обеда заработать на плату за коляску и на еду. Быстро бегать они не могут, поэтому работать приходится больше, а запрашивать меньше. Они возят овощи, фрукты, арбузы, дыни и всякую всячину. Платят за это немного, зато не требуют скорости.

Рикши-юнцы обычно впрягаются в коляску лет с одиннадцати и лишь в редких случаях становятся первоклассными бегунами – еще в детстве они надрываются. Многие из них так и остаются рикшами на всю жизнь, и даже среди себе подобных им не удастся выдвинуться.

Те, кому перевалило за сорок, зачастую работают с юных лет. Измученные непосильным трудом, они довольствуются последним местом среди собратьев и мало-помалу свыкаются с мыслью, что рано или поздно придется умереть прямо на мостовой. Зато они так искусно возят коляску, так умело договариваются о цене, так хорошо знают маршруты, что невольно вспоминается их былая слава, да и сами они, помня о ней, смотрят на рикш-новичков свысока. Но страх перед будущим сильнее воспоминаний, и частенько, вытирая пот, они горько вздыхают, думая о том, что их ждет.

И все же их жизнь не так горька, как жизнь тех, кого лишь призрак голодной смерти заставил впрячься в коляску. Среди них можно встретить бывших полицейских и учителей, разорившихся мелких торговцев и безработных мастеровых. Доведенные до отчаяния, с болью в сердце вступили они на эту дорогу – дорогу смерти. Жизнь докопала их, и теперь они влачат жалкое существование, поливая своим потом мостовые. У них нет ни сил, ни опыта, ни друзей – даже рикши их презирают. Этим беднякам всегда достаются самые потрепанные коляски. Они то и дело подкачивают камеры, а когда везут пассажира – заранее молят о снисхождении. Больше пятнадцати медяков в день они заработать не в состоянии.

Есть еще одна, особая категория рикш, они отличаются пристрастием к постоянным маршрутам. Тем, кто живет в Сиюане или в Хайдяне, удобно возить пассажиров в Сишань, в университеты Яньцзин, Цинхуа; тем, кто живет за воротами Аньдинмэнь, в Цинхэ и Бэйюань; тем, кто за воротами Юньдинмэнь, – в Наньюань... Эти рикши предпочитают дальние расстояния. Они сулят хорошую выручку, ничем же, словно нищим, гоняться за несколькими медяками?!

---

¹ Старое название Пекина.

Самая высокая категория – это рикши посольского квартала, которые возят иностранцев. Они знают кратчайший путь от любого посольства до Юйцюаньшаня, Ихэюаня или Сишаня ² и домчат одним духом. Но главное – они умеют говорить по-иностранному, что недоступно простому смертному. Во всяком случае, понимают, когда английские или французские офицеры приказывают отвезти их в Ваньшоушань ³, Юнхэгун ⁴ или Бадахутун ⁵. У них свой жаргон, непонятный другим, и бегают они тоже по-своему: важно, с независимым видом, по самому краю дороги, не глядя по сторонам. Им необязательно носить установленную для рикш форму. На них, как правило, белые курточки с длинными рукавами, белые или черные свободные штаны, подхваченные тесемками у щиколоток, удобные прочные тапки из синей материи. Эти рикши чисто плотны, аккуратны, подтянуты. Никто не осмеливается перехватывать у них пассажиров или состязаться с ними в беге. Они просто недосыгаемы для других рикш.

Теперь, после этого краткого вступления, можно определить место Сянцзы среди рикш, пожалуй, так же точно, как место винтика в сложном механизме.

До того, как Сянцзы получил прозвище Лото, он ни от кого не зависел. Иными словами, был молод, силен и имел собственную коляску. А собственная коляска – это собственная судьба – все в твоих руках! Он стал первоклассным рикшей, что совсем непросто. День за днем, целых четыре года, – сколько пота было пролито, пока он заработал на коляску! Недоедал, трудился и в дождь и в холод, терпел любые лишения. Коляска стала наградой за все мучения и невзгоды, словно боевой орден за отвагу. А до этого Сянцзы с утра до вечера сновал по городу с коляской, взятой напрокат, мечтая о собственной, которая сделает его свободным, независимым. Своя коляска – это как свои руки и ноги!

Он мечтал о том времени, когда не придется больше терпеть обиды от хозяев прокатных контор, кланяться им. Есть силы и коляска – кров и еда обеспечены!

Он не боялся трудностей, не имел свойственных многим рикшам дурных наклонностей – он их не осуждал, но и не подражал им! У него хватило усердия и разума, чтобы добиться своего. Сложись его жизнь удачнее или получи он хоть какое-нибудь образование, Сянцзы не стал бы рикшей. В любом деле он сумел бы себя показать. Но ему не повезло! Однако, став рикшей, он все же проявил свой ум и способности. Пожалуй, такой человек и в аду не пропал бы.

Сянцзы родился и вырос в деревне. Потеряв родителей, он бросил клочок скудной земли и восемнадцати лет ушел в город. Сильный и неприхотливый деревенский парень, за какую только работу он не брался, добывая деньги на пропитание. Но вскоре понял, что деньги проще всего достаются рикшам. У рикши есть хоть какая-то надежда. Кто знает, где и когда на него вдруг свалится вознаграждение! Сянцзы хорошо понимал, что успех просто так не придет. И сам он и коляска должны выглядеть прилично: солидному покупателю нужен хороший товар.

Поразмыслив, Сянцзы решил, что у него есть все для достижения цели. Он молод, силен, только неопытен и не может пока взять напрокат красивую коляску. Но дней через десять – пятнадцать возьмет, как только научится бегать. А подвернется постоянная работа, он за год-два, ну пусть за три-четыре, отказывая себе во всем, непременно «копит денег на собственную коляску. Самую лучшую, самую красивую! Это не пустая мечта. Тут нужно время. И он своего добьется!

Ему было немногим более двадцати. Крепкий и мускулистый, высокий, широкоплечий. Со всем взрослый мужчина, он сохранял юношескую наивность и непосредственность. Увидит первоклассного рикшу и тут же выпатит свою железную грудь. Покосится на свои плечи и думает – до чего могучие и широкие! А если еще надеть белые штаны да подвязать их узкой ленточкой у щиколоток – всем будут видны его крепкие ноги. В общем, рикша хоть куда! При этой мысли Сянцзы заливался радостным смехом...

² Юйцюаньшань, Ихэюань, Сишань – живописные окрестности Пекина.

³ Ваньшоушань – одно из живописнейших мест в окрестностях Пекина.

⁴ Юнхэгун – знаменитый буддийский храм в северо-восточной части Пекина.

⁵ Бадахутун – квартал в Пекине, где в старое время находились публичные дома.

Внешность у него была самая заурядная, но располагающая. Голова не большая и не маленькая, всегда выбритая до блеска, мясистый нос, круглые глаза под густыми бровями, короткая толстая шея багрового цвета, у правого уха глубокий шрам – в детстве Сянцзы как-то уснул под деревом, и его укусил осел.

Красавцем он себя не считал, но любил свое лицо, как и свое пышущее здоровьем тело. И очень гордился своей силой. Когда Сянцзы только приехал в город, он мог подолгу стоять на руках, такие они у него были сильные! Ему иногда казалось, что он прямой и крепкий как дерево. Он и в самом деле чем-то походил на дерево, могучее, молчаливое.

Он ни с кем не делился своими надеждами и мечтами. Обычно рикши изливают друг другу душу на стоянках, в чайных, труппах, жалуются на обиды, невзгоды, и потом эти истории, словно песни, передаются из уст в уста. Красноречие – своего рода талант. Сянцзы вырос в деревне и таким талантом не обладал. Да и не стремился научиться говорить красиво, как горожане. Свои переживания он таил в душе, был молчалив, зато любил поразмышлять, благо времени у него на это хватало. Казалось, он всегда погружен в свои мысли. «Главное, – думал он, – принять решение, а уж сердце подскажет, что делать дальше». Даже в минуты отчаяния он, – стиснув зубы, искал силы только в самом себе.

Итак, Сянцзы добился своего – стал рикшей. Взял напрокат старую коляску и прежде всего принялся тренировать ноги. В первый день он ничего не заработал, на второй кое-что выручил, но после этого слег: ноги распухли и стали как тыквы. Лишь на третий день Сянцзы смог подняться, несмотря на мучительную боль. Он терпел, зная, что это неизбежно, что таков удел всех начинающих рикш. Иначе не научишься легко и свободно бегать.

Когда боль прошла, Сянцзы испытал необычайную радость. Теперь его ничто не страшило! Он запомнил расположение улиц, а если иной раз и приходилось поколесить, беда не велика – сил хватало. Чем только он не занимался в жизни – возил, грузил, таскал. Поэтому работа рикши не казалась ему такой уж тяжелой. Главное – соблюдать, осторожность и не лезть на рожон, чтобы не было неприятностей. Он еще не умел, как его опытные собратья, торговаться и перехватывать пассажиров прямо из-под носа у других. Поэтому держался подальше от стоянок и бойких мест. Цену не всегда запрашивал, а частенько просто говорил: «Садитесь, дадите сколько можете».

Добродушный с виду, с простым и открытым лицом, он внушал доверие и никто даже мысли не допускал, что этот простоватый верзила может оказаться вымогателем. В одном лишь, бывало, сомневались пассажиры: сможет ли неопытный деревенский парень проехать по городу. Но в ответ на вопрос, знает ли он дорогу, Сянцзы глуповато и вместе с тем загадочно улыбался, сбивая с толку.

Прошло две-три недели, и Сянцзы ощутил в ногах легкость, он почти скользил и знал, что бегают красиво. Новички, едва приехавшие из деревни, отбрасывают ноги в стороны, старики, которым перевалило за пятьдесят, волочат ноги по земле. Они лишь делают вид, что бегут, а на самом деле еле тащатся. Рикши опытные, но уже измотанные тяжелым трудом, бегают, подавшись всем телом вперед и ссутулившись, высоко поднимают колени и на каждом шагу скидывают голову с таким видом, будто несутся во всю прыть.

Сянцзы, разумеется, не прибегал к таким уловкам. Ноги у него были длинные, шаг широкий, спина сильная, бегал он бесшумно, плавно. Он не дергал коляску, и пассажир чувствовал себя спокойно и уверенно. Он мог остановиться в любой миг, как бы быстро ни бежал, и в этом случае делал несколько шагов на месте. Его сила, казалось, подчиняла себе коляску. Чуть подавшись вперед, он держал ручки свободно, был проворен, ловок и точен в движениях. Бегал осторожно и не уставал. Даже среди рикш, имеющих постоянную работу, такие встречаются не часто. И пассажиры ценили Сянцзы.

Наконец Сянцзы взял напрокат новую коляску с упругими рессорами, медной отделкой и прорезиненным тентом от дождя, с двумя фонарями и медным рожком. Такую коляску, он узнал, можно купить за сотню с небольшим юаней, а если чуть похуже, то и за сто. В общем, все дело в деньгах. И тут он подумал: если откладывать в день по одному цзяо, за тысячу дней наберется сто юаней. Тысяча дней. Как долго! И все же он принял решение. Пусть тысяча дней, пусть десять тысяч – он купит коляску! Но для этого надо прежде всего найти постоянную работу.

Хозяин должен быть человеком влиятельным, чтобы к нему ходило много гостей, а дважды в неделю он устраивал бы банкеты, и Сянцзы, глядишь, перепадет юань-другой чаевых, да еще юань из месячного заработка, вот и наберется три – пять юаней в месяц, а за год – пятьдесят – шестьдесят. Это уже не мечта, а реальность. Он не обременен семьей, не курит, не пьет, не играет в азартные игры, у него нет никаких пороков. Он может всего добиться, только не надо бояться трудностей.

Сянцзы дал себе клятву, что через полтора года у него будет своя коляска! Новая, непременно новая!

Он нанялся на помесечную работу, отказывал себе буквально во всем, но прошло полтора года, а мечта его так и не сбылась. Жизнь не всегда идет нам навстречу. Сянцзы исправно выполнял свои обязанности, был предупредителен, услужлив, однако это не мешало хозяевам его увольнять. Редко удавалось продержаться на одном месте месяц-другой. И пока Сянцзы искал новую работу, он возил кого придется; недаром говорят: «Не бросай коня, пока не найдешь другого». Сянцзы не хотел терять время.

За эти полтора года Сянцзы совершил немало промахов. Он трудился изо всех сил, чтобы прокормиться и пополнить свои сбережения. Но всему надо знать меру. Бегая с коляской, он постоянно думал о своем будущем, мысли его путались, и страх не давал покоя. А что, если этому не будет конца? Когда же он купит коляску? Отчего ему так не везет? Разве он не старается все делать как можно лучше? И Сянцзы забывал об осторожности. Как-то раз наехал на что-то острое; лопнула шина, пришлось прекратить работу. Случалось и похуже: налетал на пешеходов. А однажды, протискиваясь вперед, даже потерял колпак от втулки колеса и должен был возместить убыток хозяину. Что и говорить! Работать на одном месте было бы куда спокойнее! Но с постоянным местом дело не ладилось, и в душу Сянцзы закралась тревога, которая росла с каждым днем. В страхе перед новыми неприятностями он спал допоздна, а потом досадовал, что день прошел даром. Его грызло раскаяние, он ненавидел себя и от этого страдал еще сильнее. Даже забывал о еде.

Уверенный, что здоровье у него железное, Сянцзы вдруг заболел, но на лекарства тратиться не хотелось, и он решил, что и так поправится. Но ему становилось все хуже и пришлось раскошелиться, да еще потерять несколько дней.

Сянцзы стал еще усердней, еще терпеливей, только от этого сбережения нисколько не увеличались.

Прошло целых три года, пока он собрал сто юаней. Ждать больше нечего, надо покупать коляску. Конечно, не такую, о которой он мечтал – самую лучшую, самую красивую, совсем новую. Ведь у него было всего сто юаней! Но медлить с покупкой опасно. Мало ли что случится, и снова придется потратить часть денег. К счастью, подвернулась коляска, сделанная на заказ и не выкупленная в срок. Она мало чем отличалась от той, о которой мечтал Сянцзы. Такая коляска, конечно, стоила больше ста юаней, но задаток хозяин не обязан был возвращать и согласился немного уступить.

При виде коляски Сянцзы весь покраснел, руки у него задрожали.

– Бери! – сказал он и отсчитал девяносто шесть юаней.

Но хозяин решил выжать кругленькую сумму и принялся на все лады расхваливать свой товар. Он то вывозил коляску, то завозил обратно, то поднимал, то опускал, нажимал на рожок, и все это сопровождал потоками красноречия. Наконец, стукнув ногой по спицам, сказал:

– Ты только послушай, как звенят! Ну, прямо колокольчики! Бери! Ни одна спица не ослабнет, хоть разбей коляску. А если выскочит, придешь и швырнешь ее мне в лицо! Сто юаней, и ни цзяо меньше!

Сянцзы снова пересчитал деньги:

– Девяносто шесть! – Он стоял на своем.

Хозяин понял, что больше не выжмешь. Поглядел на деньги, затем на Сянцзы, вздохнул.

– Ладно, по рукам, коляска – твоя! Гарантия на шесть месяцев. Починка – бесплатно, если, конечно, ты ее не разобьешь вдребезги! Вот квитанция, держи!

Руки у Сянцзы задрожали еще сильнее. Он спрятал квитанцию, подтянул к себе коляску и чуть не расплакался от счастья. Заехав в укромное место, внимательно осмотрел покупку и полю-

бовался на свое отражение в блестящем кузове.

Коляска нравилась ему все больше и больше. Конечно, не совсем о такой он мечтал, но ведь это его собственность, а остальное не важно. Он еще раз оглядел коляску, решил, что теперь можно передохнуть, и уселся на подножку, рассматривая блестящий медный рожок.

Вдруг он вспомнил, что в этом году ему должно исполниться двадцать два года. Когда именно, он не знал – родители давно умерли, а сам он ни разу не отмечал этой Даты. Пусть же счастливый нынешний день станет днем Рождения и его и коляски. Ведь коляска заработана его потом и кровью, они – одно целое.

Как же отпраздновать этот двойной день рождения? Сянцзы решил: первым пассажиром непременно должен быть элегантно одетый мужчина. Хорошо бы довезти его до Цяньмэня или до рынка «Восточное спокойствие». А там в самой лучшей закусочной поест горячих жареных пи-Рожков с бараниной. Потом отвезти еще одного-двух пассажиров. Не попадутся – тоже не беда: можно закончить работу пораньше. Ведь сегодня – день его рождения!

С тех пор как у Сянцзы появилась собственная коляска, жизнь ему улыбалась. Имел он постоянную работу или возил случайных пассажиров, все равно не надо было платить хозяину за прокат. Сколько ни заработает – все его. А зарабатывал он теперь гораздо больше. Сянцзы успокоился, стал приветливей, веселей.

Прошло полгода, и Сянцзы снова начал мечтать: если дела и дальше пойдут так же успешно, через год, самое большее через два он сможет купить еще одну коляску... потом еще одну и, может быть, откроет собственную контору по прокату!

Но мечты редко сбываются.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Радость от покупки коляски придала Сянцзы уверенность. Он стал бегать еще быстрее. Собственную коляску, конечно, надо особенно беречь, но не пристало такому рикше, как он, еле тащиться.

В городе Сянцзы заметно вырос, однако надеялся, что еще подрастет. Он стал крепче, над верхней губой пробилась усики. Ему доставляло огромное удовольствие, когда он пригибался, чтобы пройти в дверь, но хотелось быть еще выше. Он походил на большого ребенка и часто выглядел очень забавно. Рослый и сильный, он катил красивую коляску, свою собственную. Рессоры мягко пружинили, ручки слегка подрагивали, кузов сверкал, сиденье сияло белизной, рожок заливался. Нет, быстрый бег – не пустое тщеславие, это дело чести. Только в быстром, стремительном беге можно показать свою силу и все достоинства коляски. А коляска и в самом деле хороша! За полгода она научилась понимать своего хозяина: откликается на каждое движение и охотно ему помогает.

Между Сянцзы и коляской было полное согласие. Когда он бежал по ровным немногочисленным улицам, то держался только за одну ручку, колеса сами катились позади, с легким шумом, подгоняя его, словно попутный ветер. Сянцзы бежал быстро и в то же время плавно. Когда он довозил пассажира до места, одежда его прилипала к спине, и весь он бывал такой мокрый, будто его только что вытащили из воды. Конечно, он уставал, но испытывал гордость и счастье, словно наездник, проскакавший несколько десятков ли на прославленном коне.

Иногда смелость граничит с неосторожностью, но Сян-цзы был осмотрителен. Бежать надо быстро, чтобы не позориться перед пассажиром, но не мчаться сломя голову, рискуя разбить коляску. Коляска – вся его жизнь. Осторожность в сочетании со смелостью придавала Сянцзы уверенность: ни с ним, ни с коляской ничего не случится. Эта уверенность проявлялась не только в беге: теперь он не очень спешил выходить на работу. Знал, что коляска прокормит, и выходил когда вздумается. Профессия рикши – самая надежная в Поднебесной! Его не волновали слухи о том, что в Сиюань снова пришли солдаты, что в Чансиндяне идут бои, что за воротами Сичжимэнь хватают людей и заставляют работать на армию, что ворота Цихуамэнь закрыты. Вот если бы закрылись лавки, а улицы наводнили полицейские и охранники, Сянцзы не стал бы рисковать, а поторопился, как другие рикши, закончить работу. Но слухам он не верил и не поддавался панике,

как настоящий деревенский парень, не то что горожане – они могут из мухи сделать слона. Зато он верил в себя. Если даже с ним что-нибудь и приключится, он все равно вывернется и не даст себя в обиду. Попробуй тронь детину с такими широченными плечами!

Слухи о войне приходят обычно, когда начинают подниматься весенние всходы. Колосья пшеницы для северян – символ надежды, штык – символ страха.

С тех пор как Сянцзы купил коляску, прошло полгода. Весенним всходам нужен был дождь, но дождя не было. Война никому не нужна, но слухи о ней поползли. Да и только ли слухи? Сянцзы словно забыл, что когда-то сам был землепашцем; его мало беспокоил ущерб, который принесет война полям, не очень заботили весенние дожди. Он пекся лишь о своей коляске – она давала ему горячие лепешки, кормила его. Коляска все равно что клочок земли, послушной, живой, драгоценной. Дождей давно не было, слухи о войне множились, но Сянцзы не принимал этого близко к сердцу. Он роптал лишь, что цены на продовольствие подскочили, – но тут ничего не поделаешь. Ничто не интересовало Сянцзы, только его собственная жизнь; к остальным он оставался безучастным.

Горожане мало на что способны, зато мастера распускать самые невероятные слухи. Наговорят с три короба и рады. Знай, мол, наших, мы тоже кое-что смыслим! Пузыри пускают – как рыбы.

Разговоры о войне вызывают особый интерес, не то что прочие слухи. О дьяволе сколько ни болтай, он все равно не появится. Но в слухах о войне всегда есть доля правды. Пусть они не до конца соответствуют истине, но раз пошли Разговоры – значит, война грядет. Если говорят: «Скоро начнутся бои», – рано или поздно они начнутся. А вот кто с кем воюет и где, тут уж каждый плетет, что взбрет на ум.

Нельзя сказать, чтобы Сянцзы совсем не верил слухам, но люди рабочие, в том числе и рикши, не считают войну таким уж несчастьем. Больше всех войны боятся богачи, страшатся за свою жизнь, за свое богатство. При первых же тревожных вестях спешат уехать подальше. И при этом пользуются услугами многих людей: одни им служат руками, другие – ногами – таскают их имущество, перевозят родичей, жен и детей. В такие дни все, кого кормят руки и ноги, в большой цене. «Цяньмэнь, Дунчэчжань!» – «Куда?» – «Дун... чэ... чжань!» – «Полтора юаня, и ни цзяо меньше. Время смутное, а вы торгуетесь!»

Однажды Сянцзы решил выехать со своей коляской за город. Дней десять ползли разные слухи, но война, казалось, еще далеко и не может так сразу очутиться у стен Бэйпина. Сянцзы не верил слухам. Но в тот день, оказавшись в западной части города, почуял неладное. На перекрестке улиц Хугосы и Синьцзекоу никто не нанимал рикш, чтобы ехать в Сиюань или в Цинхуа. Он повертелся на улице Синьцзекоу и понял, что рикши боятся выезжать за город. Рассказывали, будто за воротами Сичжимэнь отбирают все подряд: арбы, телеги, повозки, коляски.

Сянцзы решил выпить чашку чая и отправиться в южную часть города. На стоянке царила мертвая тишина, словно предупреждая о грозящей опасности. Сянцзы не был трусом, однако рисковать жизнью не собирался.

Тут с южной стороны подъехали две коляски: пассажиры, видимо, были студентами. Рикши кричали на бегу:

– Есть желающие отвезти господ в Цинхуа? Эй, кто повезет в Цинхуа?

Никто не отзывался. Одни ухмылялись, другие сидели, покуривая трубки, и даже не оглядывались.

– Вы что, оглохли? Кто повезет в Цинхуа?

– Я повезу! За два юаня! – как будто шутя отзывался, наконец, молодой коренастый парень с бритой головой.

– Идет! Нужна еще коляска!

Парень оглянулся в нерешительности, но охотников больше не нашлось.

Сянцзы понял: за городом опасно. Иначе кто отказался бы от двух юаней – обычно до Цинхуа платят в десять раз меньше. Он тоже не собирался ехать. Но парень, видно, и впрямь решил заработать свои два юаня, если кто-нибудь составит ему компанию. Сянцзы ему приглянулся, и он спросил:

– Ну что, богатырь, поедем?

Польщенный таким обращением, Сянцзы не мог отказать смельчаку. К тому же не каждый день можно заработать два юаня, сумма порядочная. И Сянцзы решился. Ехать, конечно, опасно. Но, может быть, они проскочат? Два дня назад болтали, будто в храме Неба полным-полно солдат, но, проезжая мимо, он убедился, что это вранье. И Сянцзы подкатил свою коляску.

Подъехали к Сичжимэню. У ворот никого не было, и на сердце у Сянцзы похолодело. Спутник его тоже приуныл, однако сказал с улыбкой:

– Поднажмем, приятель! Чему быть, того не миновать! Сянцзы понял, что дело плохо, но за годы работы привык держать слово и не хотел выглядеть трусом.

Ворота Сичжимэнь остались позади. Ни одна коляска не попала им навстречу. Сянцзы бежал, опустив голову, не решаясь смотреть по сторонам. Только у моста Гаолянця осмотрелся: солдат нет. От сердца отлегло.

«Два юаня – шутка ли, – думал он. – Трусу столько за месяц не заработать!»

Обычно неразговорчивый, Сянцзы решил переброситься несколькими словами с напарником. Вокруг стояла

гробовая тишина.

– Поедем проселочной дорогой. На шоссе...

– Да, да! – Тот угадал его мысль. – Проселочной дорогой спокойнее...

Но не успели они свернуть, как были схвачены солдатами.

В это время года на горе Мяофэншань открывают храмы Для жертвоприношений, однако ночи все еще холодные, и в одной рубашке легко замерзнуть. А на Сянцзы не было ничего, кроме старой гимнастерки серого цвета и ветхих военных брюк. Глядя на это драное, пропахшее чужим потом обмундирование, он с тоской вспоминал свою белоснежную рубашку, добротную куртку и синие штаны – все недорогое, но чистое и приличное. Конечно, есть вещи и получше. Но какой ценой они достаются! Сянцзы с гордостью думал о своем былом достатке и удачах, которые казались ему теперь особенно значительными, и еще сильнее ненавидел солдат. Они отняли у него все: одежду, башмаки, шляпу, коляску – даже пояс! А взамен он получил синяки, ссадины и волдыри на ногах. Одежда – это пустое, ссадины скоро заживут, но он лишился коляски, своей коляски, заработанной потом и кровью! Она исчезла, как только он попал к солдатам в лагерь. Можно забыть все невзгоды и огорчения, но как забыть коляску!

Не так-то просто заработать на новую. Для этого нужно по меньшей мере несколько лет. Старания его пошли прахом, придется все начинать сначала, не имея за душой ни гроша. Сянцзы заплакал. Он ненавидел сейчас не только солдат, но и весь белый свет. За что такая обида?

– По какому праву? – крикнул он и почувствовал облегчение, но тут же спохватился. Не стоит шуметь, главное – спасти жизнь.

Сянцзы не знал толком, где он. Все эти дни, обливаясь потом, брел за солдатами. Таскал тяжести, возил солдатское имущество, носил на привалах воду, разводил огонь, кормил скот. Работал с утра до ночи, выбиваясь из сил. На душе было пусто. А ночью он сразу забывался мертвым сном, едва голова касалась земли. Заснуть бы и не проснуться!

Вначале он еще понимал, что солдаты отступают к Мяо-фэншаню. Но когда перевалили хребет, совсем запутался и лишь покорно карабкался по горам, опасаясь оступиться, полететь вверх тормашками в пропасть и быть съеденным коршунами.

Много дней шли они по горным дорогам. Но вот горы расступились, начало пригревать солнце. Внизу показалась долина. Солдаты, как только раздался сигнал к ужину, разбили лагерь и дожидались остальных, тех, кто вел за собой верблюдов.

Верблюды! Сердце у Сянцзы дрогнуло, и он стал соображать, где находится, как путник, вдруг увидевший знакомый перекресток. Верблюды не пасутся в горах – значит, неподалеку равнина. Он помнил, что к западу от Бэйпина – в Баличжуане, Хуанцуне, Бэйсиньане, Мошикоу, Улитуне, Саньцзядяне – всюду держат верблюдов. Неужели эти вояки, побродив по горам, снова пришли в Мошикоу? Может быть, это военная хитрость? Вряд ли, эти солдаты только и умеют, что таскаться по дорогам да грабить. Ясно одно: если это действительно Мошикоу, значит, сол-

даты не смогли перебраться через горы и решили снова спуститься вниз. Из Мошикоу они могут двинуться куда угодно: пойдут на северо-восток – окажутся в Си-шане, повернут на юг – попадут в Чансиндянь или Фэнтай, отправятся на запад – и там есть дорога. Поразмышляв так, Сянцзы решил: надо бежать! Если солдаты снова уйдут в горы, оттуда не удерешь, умрешь с голоду-До Хайдяня далеко, но добраться можно.

Сянцзы закрыл глаза и мысленно представил себе весь путь. Места знакомые. Это же Мошикоу! Бог мой, конечно, Мошикоу! Он повернет на северо-восток, пройдет Цзинь-диншань, Ливанфэн, Бадачу; от Сыпинтая подастся на восток в Синзыхоу и попадет в Наньсиньчжуан. На всякий случай будет держаться поближе к горам. Из Бэйсинь-чжуана, забирая на север, он пройдет Вэйцзяцунь, НаньХэ-тань, Хуншаньтоу, Цзеванфу и Цзиньйюань. А от Цзиньйюаня, как говорится, с закрытыми глазами доберется до Хайдяня.

Кровь прилила к сердцу, оно едва не разорвалось от радости. Сянцзы даже задрожал весь.

Долго не мог Сянцзы сомкнуть глаз. Надежда на спасение окрыляла, мысль, что побег не удастся, вселяла ужас. Сянцзы лежал, разметавшись на сухой траве, и тщетно пытался уснуть. Вокруг царил тишина, и звезды, казалось, мерцали в такт биению сердца. Вдруг неподалеку раздался жалобный крик верблюда. Он напомнил Сянцзы пение петуха на рассвете – от него веет и грустью, и покоем.

Где-то далеко, но отчетливо загрохотала канонада. В лагере поднялась паника. Сянцзы замер – пришел его час! Он знал наверняка, что солдаты снова будут отступать, и непременно в горы. Он успел понять, что эти вояки мечутся словно пчелы, залетевшие в дом. Орудийные залпы все слышнее. Сейчас солдаты наверняка пустятся наутек. Только бы не упустить момент. Затаив дыхание, Сянцзы осторожно пополз. Надо найти верблюдов. Они, пожалуй, будут ему мешать, но ведь животные тоже попали в беду, они – его товарищи по несчастью.

Сянцзы воспользовался суматохой и отыскал верблюдов. Они неподвижно лежали, похожие в темноте на живые холмики, будто вокруг все было спокойно, и дышали прерывисто и шумно, как всегда. Это придало Сянцзы храбрости. Он спрятался за верблюдами, как солдаты за мешками во время боя. Мгновенно пронеслась мысль: канонада Доносится с юга, значит, путь там закрыт, если даже настоящих боев нет. Вряд ли солдаты возьмут с собой верблюдов. Что будет с верблюдами, то и с ним, решил Сянцзы. Возьмут солдаты верблюдов – все кончено, не возьмут – Удастся бежать. Приложив ухо к земле, Сянцзы прислушался. Сердце бешено колотилось.

Он ждал, ждал, – никто не приходил за верблюдами. Осмелев, Сянцзы привстал, огляделся – кромешная тьма. Бежать! Будь что будет! Бежать!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сянцзы пробежал десяток-другой шагов и остановился: жаль расставаться с верблюдами. Единственное, что удалось сохранить, это жизнь. Но зачем ему жизнь, если он нищий? Хоть бы веревку найти – все лучше, чем с пустыми руками! А может, прихватить верблюдов? Для начала пригодятся, хотя неизвестно, что с ними делать.

Сянцзы потянул связанных веревкой верблюдов. Он не умел с ними обращаться, но не боялся, потому что вырос в деревне и к животным привык. Верблюды медленно поднялись. Он не стал проверять, крепко ли они связаны. Главное, что он не с пустыми руками. Сянцзы сразу пустился в путь, не заботясь о том, все ли верблюды на месте.

Но вскоре раскаялся. Верблюды двигались медленно, как обычно, когда тащили тяжелую поклажу. К тому же в темноте боялись поскользнуться, споткнуться в грязной колдобине и сломать или вывихнуть ногу – тогда конец. А Сянцзы прежде всего надо было спастись самому!

И все же расстаться с животными он не мог. Ведь они ему даром достались. И он положился на волю неба.

Сянцзы часто возил коляску по ночам, к темноте привык и легко находил дорогу. А сейчас боялся заблудиться из-за верблюдов. В душу закралась тревога. В другое время он мог бы определить направление по звездам, но теперь даже звездам не решался довериться. Они, казалось, еще больше взволнованы – мерцают, мечутся по небу, то сталкиваются, то разбегаются.

Сянцзы опустил голову и медленно брел вперед. Не сразу он понял, что с верблюдами следует идти по дороге, а не по горным склонам. От Мошикоу – если это Мошикоу – в Хуанцунь дорога хорошая. По ней обычно водят караваны, а главное – путь этот прямой, что рикшу особенно привлекает. Правда, укрыться негде. А вдруг опять встретятся солдаты? И вообще, кто поверит, что он хозяин каравана? Заросший и грязный, в рваном обмундировании, он даже на погонщика не похож! Скорее на дезертира. Дезертир! Схватят солдаты, еще полбеда, а попадешь в руки селян, живым закопают.

От таких мыслей Сянцзы бросило в дрожь. Верблюды мягко ступали, но каждый их шаг отдавался в ушах. Надо избавиться от этой обузы. Но он никак не мог выпустить уздечку из рук! «Ладно, – решил он, – пойду куда глаза глядят. Жив останусь – верблюды мои, помру – значит, так суждено».

Чтобы не вызывать подозрений, он подвернул штаны, снял гимнастерку, оторвал воротничок и медные пуговицы, которые еще могли бы пригодиться, и выбросил. Темнота сразу их поглотила. Гимнастерку он скатал в жгут, перебросил через плечо и связал узлом на груди. Правда, и в таком виде он не очень-то похож на погонщика верблюдов, зато хоть не примут за дезертира! Грязный и потный, он скорее напоминал возчика угля. Сянцзы тщательно обдумывал свое положение.

Ночь темная, вокруг ни души, зачем же спешить? И все же ему не терпелось поскорее покинуть эти места. Он не знал, сколько времени. А вдруг скоро рассвет?

Днем на дороге негде укрыться. Значит, надо вести себя так, чтобы не привлекать внимания. Не робеть, идти смело!

Сянцзы повеселел, будто опасность миновала и перед ним лежал Бэйпин. Во что бы то ни стало нужно побыстрее добраться до Бэйпина, не терять попусту время: и есть нечего, и за душой ни гроша. Хорошо бы сесть на верблюда – сбережешь силы, – легче голод терпеть. Но чтобы сесть на верблюда, надо заставить его опуститься на колени. А сколько времени на это уйдет! К тому же с высоты не видно, что делается под ногами. Упадет верблюд, и сам полетишь головой вниз. Нет, уж лучше пешком.

Сянцзы шел по дороге, но не знал точно, куда она ведет. Глубокая ночь, усталость многих дней, страх – все давало о себе знать. И хотя он шел медленно, вскоре почувствовал себя разбитым. Непроглядная тьма, сырой воздух, туман. И снова Сянцзы охватило смутное беспокойство.

Он не отрываясь смотрел под ноги, ему мерещились то бугры, то выбоины, но дорога была совершенно ровной. В полном отчаянии он решил идти на ощупь, глядя прямо перед собой. Казалось, тьма многих ночей сгустилась и окружила его. Сянцзы шел сквозь нее, и за ним неслышно ступали верблюды.

Постепенно Сянцзы привык к темноте, словно слился с ней, но сердце то и дело замирало. Он уже не знал, идет он или стоит, все колыхалось, расплывалось перед глазами. Вдруг что-то ему померещилось: не то какой-то предмет, не то звук. Сянцзы вздрогнул, открыл глаза. Оказывается, он спал на ходу, ничего не помня, ничего не замечая. Но вокруг все было спокойно, и он испытал облегчение. Сянцзы старался разогнать сон, собраться с мыслями. Главное – поскорее добраться до города. Когда ни о чем не думаешь, глаза слипаются... Нет, надо думать, бодрствовать! Стоит ему свалиться, и он проспит несколько дней подряд. Но о чем думать? Голова кружится, сырость пронизывает насквозь, кожа зудит, ноги ноют, во рту пересохло. Одно чувство владело им – чувство острой жалости к самому себе. Мысли путались, меркли, как гаснущая свеча в подсвечнике. Сянцзы словно плыл во мраке. Да, он еще жив, может двигаться, только не понимает, куда идет. Он будто затерялся в безбрежном море и утратил надежду на спасение. Никогда еще он не был так бесконечно одинок!

Обычно Сянцзы не тянулся к друзьям. Днем, при свете солнца, среди машин, колясок, пешеходов он не чувствовал одиночества. Но сейчас ему стало не по себе. У него не было никакого дела. Были бы верблюды упрямы, как мулы, он понукал бы их, подгонял! Но они, как нарочно, ступали неслышно, покорно. Сянцзы даже вдруг усомнился, идут ли они за ним, и вздрогнул от страха, словно эти великаны и в самом деле могли свернуть в сторону и раствориться во тьме бесшумно, как тает лед.

Доведись ему умереть, а потом ожить, он все равно не вспомнил бы, где и когда сел. Не знал,

просидел несколько минут или час. Не знал, когда уснул. По всей вероятности, прежде, чем опуститься на землю: от усталости можно и стоя заснуть.

Вдруг он очнулся. С каким-то странным чувством. Будто очутился совсем в другом мире. По-прежнему было темно, но до слуха донесся крик петуха, так отчетливо, будто раздался над самым ухом. Сянцзы окончательно пробудился. «Верблюды!» – пронзила мысль. Но веревка была в руке, верблюды стояли рядом. Сянцзы успокоился. Лень было подниматься, все тело ныло, но он боялся снова заснуть. Надо все хорошенько обдумать и принять решение. Вспомнилась коляска, и он опять закричал: «По какому праву?»

Но что толку кричать? Все равно никто не услышит. Сянцзы на ощупь пересчитал верблюдов, он не знал, сколько их, – оказалось, три. Много это или мало? Он еще не решил, что с ними делать, но смутно чувствовал: от них зависит его будущее.

Он может продать верблюдов и купить коляску! Сянцзы готов был запрыгать от счастья! Такая простая мысль! Как это раньше она не пришла ему в голову! Даже досадно. Но досаду тут же сменила радость: совсем близко пропел петух! Значит, недалек рассвет. А где петух, там и деревня. Кто знает, может быть, это Бэйсиньянь? А в Бэйсиньяни держат верблюдов. Надо успеть туда до рассвета. Он сбудет верблюдов, а в городе купит коляску. – В тревожное время они дешевле. Он думал лишь о коляске, словно продать верблюдов было так просто. Эти мысли ободрили Сянцзы. Усталость как рукой сняло. Если бы ему предложили за верблюдов сотню му⁶ земли или несколько жемчужин, пожалуй, он отказался бы ради коляски.

Сянцзы быстро поднялся и потащил за собой верблюдов. От кого-то он слышал, что в прежние времена, когда еще не было железных дорог, они были в цене: верблюды выносливы, едят меньше, чем мулы. Разбогатеть Сянцзы не мечтал, хватило бы на коляску.

Начало светать. Занималась заря, и теперь Сянцзы увидел, что идет на восток. Если даже и перепутал дорогу, направление взял верное: горы позади, впереди долина. Мрак рассеивался, и, хотя было еще темновато, очертания полей и дальнего леса становились все явственней. Звезды бледнели, небо было не то в тумане, не то в облаках и казалось немного выше.

Сянцзы поднял голову. Он ощутил запах травы, услышал пение птиц, увидел вырисовывающиеся в предрассветной дымке холмы; к нему вернулись слух, зрение, обоняние. Он был в лохмотьях, зато руки-ноги остались целы. Он словно пробудился от страшного сна и почувствовал, как хороша жизнь!

Верблюды выглядели такими же измученными, как он сам, и были ему так же дороги, как собственная жизнь. Верблюды линяли, шерсть сползала с них клочьями, обнажая розоватую кожу. Они походили на нищих великанов. Особенно жалкое впечатление производили их голые, изогнутые, как у отощавших драконов, шеи и тупой надменный вид. Однако Сянцзы не испытывал к ним отвращения – ведь это живые существа! Он считал себя самым счастливым человеком на свете – небо послало ему три живые драгоценности, на которые можно выменять коляску. Не каждый день такое случается. Сянцзы счастливо рассмеялся.

Близился восход солнца. Земля и лес вдаль потемнели; серый полумрак утра отступал. На небе появились фиолетовые и красные полосы. Вскоре солнце прорвалось сквозь тучи, и краски стали ярче. Неожиданно небо на востоке вспыхнуло багрянцем и из серого стало чисто-голубым. Тучи расступились, и на землю хлынул золотой поток. На юго-востоке засверкал исполинский занавес, сотканный из облаков и солнечных лучей. Темная зелень полей, яркая листва деревьев и трав засверкали, словно малахит. На соснах заиграли желто-красные зайчики. Золотом отливали крылья птиц. Вокруг все искрилось радостью. Сянцзы хотелось громко приветствовать восходящее светило, ему казалось, что он не видел его с тех пор, как попал к солдатам. Сколько страданий вынес он за эти дни. Не смел поднять головы, забыл о солнце, о луне, о небе. А теперь шел свободно навстречу свету. Солнце позолотило росу на траве, обжигало лицо, согревало душу. Невзгоды и горести позади. Пусть он в лохмотьях, в грязи, но солнце по-прежнему светит, а мир такой ласковый, теплый! Радость переполняла душу, хотелось громко петь и кричать!

Еще раз взглянув на свои лохмотья и плетущихся позади облезлых верблюдов, Сянцзы рас-

---

⁶ Му – мера площади, равная 0,06 га.

смеялся. Не этот ли жалкий вид спас его от смерти? Он снова увидел зарю. Удивительно! Невероятно! Но на все воля Неба.

Сянцзы успокоился и не спеша пошел вперед. Бояться нечего, лишь бы Небо от него не отвернулось. Сянцзы не знал, где он сейчас находится, но у крестьян, которых видел на полях, ни о чем не спрашивал. Надо торопиться. Не удастся сразу продать верблюдов – не беда! Главное – скорее добраться до города. Город был теперь для Сянцзы родным домом, хотя там его не ждали ни родители, ни родственники, ни богатство. И все же он рвался в город, в любой город! Из самого отчаянного положения там можно найти выход.

Вдали показалась большая деревня. Вдоль дороги, словно стражи, стояли высокие зеленые ивы и, склонив ветви, поглядывали на низенькие хижины. Над крышами вились дымки. Издалека доносился милый сердцу лай собак. Сянцзы быстро и смело шел по деревне. Он не какой-нибудь разбойник, ему нечего опасаться селян. Солнце в этом светлом мире греет всех одинаково! Может быть, он даже попросит воды, не дадут – обойдется. Раз уж в горах не умер, ничего не случится, потерпит еще немного.

Он не обратил внимания на собак, поднявших лай при его приближении, но огорчился, увидев, как дети и женщины в страхе таращат на него глаза. Значит, он не похож на погонщика верблюдов и выглядит странно. Ему стало не по себе. Солдаты не считали его человеком, а теперь крестьяне плятятся как на чудище! Сянцзы оробел. Он всегда гордился своим ростом и силой, но сейчас из-за всех обид и оскорблений потерял уверенность в себе.

Над домами вставало солнце – оно уже не казалось ему таким приветливым, как ранним утром.

Единственная дорога через деревню была завалена всяким мусором и покрыта зловонными лужами. Сянцзы боялся, как бы верблюды не оступились. Они устали, да и ему надо передохнуть. Дом слева от дороги, видимо, принадлежал человеку зажиточному: он был под черепицей, проем в ограде прикрыт дощатым щитом. Сердце Сянцзы встрепенулось от радости. Дом под черепицей – наверняка там живет богач. В воротах – щит, признак того, что хозяин держит верблюдов. Отлично! Он отдохнет здесь. А может быть, и сбует верблюдов.

– Сэ! Сэ! Сэ! – Сянцзы сделал верблюдам знак опуститься на колени.

Из всех команд, которым повинуются верблюды, он усвоил лишь эту и рад был щегольнуть своими познаниями, – пусть селяне видят, что он в этом деле кое-что смыслит. Верблюды послушно опустились, а сам он с важным видом сел на землю под низенькой ивой. Люди глазели на него, он – на них. Он понимал, что только его спокойствие может рассеять их подозрения.

Сянцзы сидел недолго. Вскоре со двора вышел старик с лоснящимся лицом, в распахнутой синей куртке. С первого взгляда было видно, что это деревенский богач. Сянцзы решил действовать:

– Отец, есть у тебя вода? Испить бы...

– А!... – Вертя в руке комочек глины, старик испытующе поглядел на Сянцзы, затем, очень внимательно, на верблюдов и сказал: – Вода найдется. А ты откуда?

Сянцзы сам точно не знал, откуда идет, и сказал:

– С запада.

– Там солдаты? – Старик уставился на военные брюки Сянцзы.

– Да, едва ноги унес.

– А с верблюдами на дороге не опасно?

– Нет. Солдаты в горы ушли, кругом спокойно.

– Н-да. – Старик кивнул. – Погоди, воды вынесу.

Сянцзы вошел следом за ним во двор и увидел четырех верблюдов.

– Купи, отец, и моих, соберешь караван.

– Хм, караван. Тридцать лет назад я держал три каравана! Времена нынче не те. Как их прокормишь! – Старик поглядел на своих верблюдов. – Несколько дней назад собрались с земляками погнать их на подножный корм. Но куда ни ткнись – везде солдаты. Как быть?! Держать их летом дома – душа разрывается. Смотри, сколько мух! А станет жарче, появятся слепни! Гибнут самые лучшие верблюды, сущая беда! – Старик сокрушенно качал головой.

– Купи, отец! Отгонишь и моих на подножный корм. А то и вправду летом их заест всякий гнус. – Сянцзы почти умолял старика.

– Да, но откуда взять деньги? В наше время трудно держать верблюдов.

– Дашь сколько сможешь. Мне они ни к чему, пойду в город работу искать.

Старик снова внимательно посмотрел на Сянцзы. Уже не так подозрительно, – как на честного человека, а не бандита. Да и верблюды, стоявшие за воротами, пришлись ему по душе, хотя нужды у него в них не было. Но как ни один книголюб не может пройти мимо редкой книги, а лошади – расстаться с хорошим конем, так и этот старик, державший когда-то три каравана, не мог равнодушно смотреть на верблюдов. К тому же он знал, что парень отдаст их задешево, а это большой соблазн.

– Эх, дружище! Будь у меня деньги, я купил бы твоих верблюдов.

– Бери! Как-нибудь столкнемся. Старику стало жаль простодушного Сянцзы.

– Скажу тебе правду, парень: лет тридцать назад цена на них была лянов сто – сто пятьдесят серебром, а в такое беспокойное время... Лучше поищи кого-нибудь побогаче!

– Дай сколько можешь! – твердил Сянцзы, он не хотел таскаться с верблюдами по дорогам – того и гляди в беду попадешь!

– Сам подумай! Двадцать – тридцать юаней даже предлагать неудобно, хотя мне и их выложить нелегко. Но такие теперь времена, что поделаешь!

У Сянцзы похолодело на сердце. Двадцать – тридцать юаней? Разве на них купишь коляску! Но надо поскорее отделаться от верблюдов – ведь неизвестно, попадется ли другой покупатель.

– Давай, старик, сколько есть.

– Чем ты вообще занимаешься, парень? Вижу, ты не мастак в этом деле. Где верблюдов-то взял?

Сянцзы рассказал все как было.

– О-о! Так ты вместе с ними спасал свою жизнь! Старик посочувствовал Сянцзы и в то же время успокоился: верблюды вроде бы не ворованные. Скорее трофейные, забытые на войне. В смутное время на подобные вещи смотрят проще.

– Ладно, парень, заплачу тебе тридцать пять юаней. Не хочу душой кривить – это дешево, но больше дать не могу. Мне уже за шестьдесят, и обманывать не стану: это все, что у меня есть.

Сянцзы колебался. Он никогда не упускал случая заработать лишнюю монету, но после всего, что вытерпел от солдат, постеснялся торговаться со стариком, который говорил с ним так искренне и участливо. Да и тридцать пять юаней в руках лучше сотни в мечтах. Жаль, конечно, что так дешево. За трех верблюдов можно бы выручить куда больше. Но что поделаешь!

– Считай, отец, верблюдов своими. Только есть к тебе еще одна просьба: найди для меня какую-нибудь куртку и чего-нибудь поесть.

– Это можно.

Сянцзы залпом выпил холодной воды, взял тридцать пять блестящих серебряных юаней, две кукурузные лепешки, надел белую поношенную куртку, еле прикрывавшую грудь, и направился в город.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Три дня пролежал Сянцзы в одной из харчевен Хайдяня. Его лихорадило, несколько раз он терял сознание, десны покрылись фиолетовыми волдырями. Он ничего не ел, только пил без конца. Потом жар спал, но одолевала страшная слабость. Вероятно, в бреду он все время говорил о верблюдах, о своих трех верблюдах. Люди подслушали и с тех пор Сянцзы стали звать Лото – Верблюд.

Когда он впервые попал в город, его звали просто Сянцзы, будто фамилии у него вовсе не было. Теперь же вообще никто не интересовался его фамилией, поскольку к имени прибавилось прозвище Лото. Сянцзы это не беспокоило. Было только обидно, что он получил за верблюдов всего тридцать пять юаней, да еще кличку Лото в придачу.

Как только Сянцзы поднялся, его потянуло на улицу. Но у самой двери ноги от слабости

подкосились, и он опустился на землю. Долго сидел, словно в забытьи, обливаясь потом. Когда же слабость немного прошла и Сянцзы открыл глаза, напомнил о себе голод: в животе урчало. Сянцзы с трудом добрался до продавца пельменей, заказал порцию и снова сел на землю. Отпил глоток бульона – и стало мутить, едва проглотил. Но вскоре горячая жидкость вызвала аппетит, и Сянцзы почувствовал, как к нему возвращается жизнь.

Поев, Сянцзы впервые после болезни оглядел себя. Он сильно похудел, штаны были драные и в грязи.

Не хватало сил шевельнуться, а надо было немедленно умыться и привести себя в порядок: в таком виде просто невозможно появиться в городе. Но где взять денег на бритые, одежду, тапочки, носки? Из тридцати пяти юаней, вырученных за верблюдов, нельзя тратить ни одного. Ведь даже их на коляску не хватит! Сянцзы стало жаль себя. Не так уж долго таскали его за собой солдаты, но эти дни вспоминались как страшный сон; Сянцзы как-то ссутулился и постарел. Огромные руки и ноги казались чужими. На душе было тяжело. Он не мог забыть пережитые опасности и обиды, как ни старался. Так в пасмурный день, даже не глядя на небо, ощущаешь его тяжесть и хмуристь.

Сянцзы и прежде дорожил своим здоровьем, а сейчас особенно. Первым делом он решил вымыться и переодеться, как будто от этого мог стать здоровее.

На брюки и куртку из грубой некрашеной ткани, синие матерчатые тапочки, соломенную шляпу и дешевые носки ушло два юаня и два мао. Свою драную одежку Сянцзы обменял на две коробки спичек. И с этими двумя коробками, преодолевая слабость, отправился по большой дороге к Сичжимэню. Не мог же он взять рикшу! С любой точки зрения не мог. Действительно, что такое восемь – десять ли для деревенского парня? К тому же он сам рикша. Но не в этом дело. Смешно, что его, такого здорового и сильного, скрутила какая-то пустяковая болезнь. Нет, он сам доберется до города, чего бы это ему ни стоило. Нельзя сдаваться. Отступит, потеряет веру в себя, значит, конец.

Шатаясь, брел Сянцзы по дороге. Прошел совсем немного, и в глазах у него потемнело. Земля и небо завертелись. Он долго стоял, прислонившись к иве – не хотел садиться. Постепенно все встало на свои места, и сердце успокоилось. Сянцзы отер пот с головы и снова двинулся в путь. Теперь, когда голова выбрита и на нем новая одежда, ноги не должны подводить. Вперед!

Вскоре Сянцзы добрался до предместий Бэйпина. Увидел снующих повсюду людей, услышал резкие выкрики продавцов, вдохнул зловонный городской воздух, ощутил под ногами пыль и грязь, и ему захотелось припасть к этой усыпанной отбросами, милой, кормившей его земле и поцеловать ее.

У Сянцзы не осталось родных, единственный друг – этот древний город. Он давал ему все. Здесь и голодать не так тяжело, как в деревне, здесь есть что послушать и на что посмотреть – всюду огни, шум, суета. Город сулил верный заработок, была бы только сила, которую можно продать. А сколько здесь еды и одежды – не съесть, не переносить. Милостыню попросишь – и то перепадет что-нибудь вкусное, а в деревне и в хорошие дни приходилось довольствоваться сухой кукурузной лепешкой.

Перейдя мост Гаоляняо, Сянцзы присел на берегу. По щекам скатилось несколько горячих слезинок.

День клонился к закату. Поникли над рекой старые ивы, позолоченные лучами заходящего солнца. Река обмелела, заросла водорослями, похожими на длинные засаленные ленты, узкие и темно-зеленые, от них пахло гнилью. На северном берегу колосилась пшеница, низкая, тощая, серая от пыли. Листья лотоса лениво плавали в заводи у южного берега. По мосту взад-вперед сновали пешеходы, катились коляски с пассажирами. Царила обычная в конце дня суета. Все это было так близко, так дорого сердцу Сянцзы. Только такую реку, такие деревья, лотосы и мосты мог он любить по-настоящему. Потому что все это – город Бэйпин.

Сянцзы некуда было торопиться, и он сидел и сидел. Все было знакомым, до боли родным, здесь даже умереть легко. Наконец Сянцзы поднялся, подошел к мосту, купил у разносчика чашку соевого творога – с уксусом, соей, перцем и мелко нашинкованной черемшой. Горячий, белый, как снег, творог издавал такой аромат, что у Сянцзы Дух захватило. Дрожащими руками держал он

чашку и смотрел на темно-зеленую черемшу. Попробовал, добавил перца. Сразу стало жарко, да же вспотел весь. Прикрыв глаза, он попросил: – Еще чашку!

Насытившись, Сянцзы почувствовал себя человеком. В реке отражались красноватые лучи заходящего солнца. Сянцзы едва не плакал от счастья. Он погладил шрам на лице, нащупал в кармане деньги, бросил взгляд на башню, залитую вечерним светом. Забыв обо всем на свете, даже о болезнях, он, словно одержимый, устремился вперед.

У городских ворот скопились люди и коляски. Никто не решался обгонять других, но каждый старался поскорее проскочить это место. Щелканье хлыстов, звонки, гудки рожков, крики, брань сливались в сплошной гул.

В толпе Сянцзы бросало из стороны в сторону, руки беспомощно болтались, как плавники оглушенной, увлекаемой потоком рыбы. С трудом пробрался он наконец в город.

Перед ним предстала Синьцзекоу – широкая и прямая улица. Глаза Сянцзы вспыхнули, словно окна в закатных лучах. Шел он быстро и весело, покачивая головой в такт шагам.

Постель его осталась на улице Сианьмэнь, и прежде всего он пошел туда. Как многие холостяки, Сянцзы жил при конторе проката «Жэньхэчан», хотя довольно редко брал там коляски.

Хозяину конторы Лю Сые было около семидесяти. Но, несмотря на преклонный возраст, честностью он не отличался. В молодости, еще при маньчжурах, Лю Сые служил солдатом, потом держал игорный притон, торговал живым товаром, давал деньги в рост. У него было все необходимое для подобного рода занятий, – сила, смекалка, коварство, связи, везенье. Он участвовал в поножовщинах, похищал женщин. В полиции на допросах он молча сносил пытки, никогда не просил пощады, и ничего нельзя было с ним сделать. Тем он и прославился. Последний раз Лю Сые вышел из тюрьмы после провозглашения республики⁷. Полиция приобретала все большую силу. Она прижала бы, пожалуй, и самого Хуан Тяньба⁸, будь он жив. Лю Сые понял, что «подвигам» его пришел конец.

Этот проходимец знал, как обращаться с бедняками: кого поманит пряником, кого хлестнет кнутом. Он держал людей в страхе, и рикши не смели ему перечить. От одного его взгляда, ухмылки бросало в дрожь.

Сейчас у Лю Сые было шестьдесят колясок, а то и больше. И все почти новые: старых он не держал, за прокат брал больше других, зато по праздникам освобождал рикш от платы за коляску не на один день в году, как другие хозяева, а на целых три. В «Жэньхэчане» было где разместиться, и холостяки жили там бесплатно, но за коляски должны были расплачиваться своевременно. Должников, если они еще и пререкались, Лю Сые выбрасывал на улицу. Если рикша заболел или просто нуждался в помощи, хозяин неизменно выступал в роли благодетеля и этим тоже прославился.

Лю Сые все еще держался прямо и мог без труда пройти двадцать ли. Ростом он был с Сянцзы, брил голову, усов не отпускал. У него были большие круглые глаза, огромный нос, квадратный рот и всего два зуба – два клыка. Оскалится – настоящий тигр! Своим сходством с тигром Лю Сые очень гордился. У старика, к его великому огорчению, не было сыновей, – только дочь лет тридцати семи. Кто знал Лю Сые, знал и его дочь Хуню. В ней тоже было что-то от тигрицы, мужчинам она внушала страх. Хуню была хорошей помощницей отцу, но претендентов на ее руку не находилось. Она была груба, ругалась, как рикши, а то и похлеще. Отец хозяйничал во дворе, дочь – в доме. Во всем царил строжайший порядок.

Контора «Жэньхэчан» пользовалась солидной репутацией. Владельцы других контор, да и сами рикши цитировали старика, как образованные люди – каноны.

Сянцзы брал коляску напрокат у Лю Сые, пока у него не было своей. Свои сбережения он отдавал хозяину на хранение, а когда накопил нужную сумму, купил собственную.

– Лю Сые, взгляни на мою красавицу! – похвастался тогда Сянцзы, прикатив коляску в

⁷ Имеется в виду буржуазная республика, провозглашенная в 1911 г. после свержения маньчжурской династии Цин.

⁸ Хуан Тяньба – персонаж популярного средневекового романа «Деяния судьи Ши», обладавший необычайной силой и смекалкой.

«Жэньхэчан».

Старик поглядел, кивнул головой:

– Ничего!

– Пока поживу здесь. А как только найду постоянную работу, перееду к хозяевам! – гордо сказал Сянцзы.

– Ладно, – снова кивнул Лю Сые.

Жить у Лю Сые просто так казалось рикшам делом неслыханным. Поэтому одни считали Сянцзы дальним родственником Лю Сые, другие думали, что Сянцзы приглянулся старику и тот задумал женить его на своей дочери.

Многие завидовали Сянцзы. Если и в самом деле такое случится, то после смерти Лю Сые «Жэньхэчан» перейдет к Сянцзы. Конечно, это были лишь догадки, и при Сянцзы никто не позволял себе никаких шуток. В действительности же старик Лю хорошо относился к Сянцзы совсем по другим причинам. Сянцзы всегда оставался самим собой. Стань он, допустим, солдатом, он не смог бы без всякой причины жестоко обходиться с людьми только потому, что напялил на себя солдатскую форму. Вот и в прокатной конторе он никогда не сидел сложа руки. Вернется с работы, смочит пот и тут же принимается за дело: накачивает камеры, просушивает прорезиненные тенты, чистит и смазывает коляски. Его не надо было ни о чем просить, он сам охотно помогал хозяину, словно находил в этом удовольствие. В «Жэньхэчане» обычно жило человек двадцать рикш, а то и больше. Все они, поставив коляски на место, либо болтали, либо заваливались спать. Один лишь Сянцзы работал без устали. Сперва все считали, что он выслуживается перед Лю Сые. Но вскоре убедились, что делает он все бескорыстно, искренне, от души. И пересуды прекратились.

Лю Сые никогда не хвалил его и ничем не выделял, однако у старика был свой расчет. Он понимал, что Сянцзы мастер на все руки, и хотел, чтобы парень жил у него. По крайней мере, во дворе и у дома всегда чисто, не говоря уже о других услугах, которые он оказывает.

Хуню тоже нравился этот глуповатый верзила. Что бы она ни говорила, он ее внимательно выслушивал, никогда не перечил, не огрызался, как другие рикши, хлебнувшие горя. Хуню не боялась пререканий, она просто не обращала на рикш внимания. Все добрые слова она оставляла для Сянцзы. Когда он находил постоянную работу, отец и дочь словно теряли старого друга. А когда возвращался, старик даже бранился по-другому, мягко и добродушно.

На этот раз Сянцзы вернулся в «Жэньхэчан» без коляски, с двумя коробками спичек. Сумерки еще не наступили. Отец и дочь как раз ужинали. Увидев Сянцзы, Хуню опустила палочки для еды.

– Тебя что, Сянцзы, волки съели? Или ты был на золотых приисках в Африке?

Сянцзы только вздохнул.

Старик ничего не сказал, но его большие круглые глаза испытующе оглядели Сянцзы от тапочек до новой соломенной шляпы.

– Поужинай с нами, если голоден, – пригласила его Хуню как близкого друга.

Сянцзы не ответил, но на сердце потеплело. Он давно считал «Жэньхэчан» своим домом, все остальное было слишком непостоянным: и хозяева, и пассажиры. Только здесь ему всегда позволяли жить, и он мог излить душу. Вот и сейчас, едва он вошел, сразу увидел знакомых, его пригласили поужинать. А ведь он мог вообще не вернуться. Сянцзы чуть не расплакался от радости.

– Я только что съел две чашки соевого творога, – вежливо объяснил он.

– Где ты был? – Круглые глаза Лю Сые все еще в упор смотрели на Сянцзы. – Где коляска?

– Коляска? – Сянцзы сплюнул.

– Ты сначала поешь, не бойся, не отравишься. Соевый творог разве еда? – Хуню потащила его к столу как любимого брата.

Однако Сянцзы не сразу взял чашку. Сначала он достал деньги.

– Сые, возьми, здесь тридцать юаней, – сказал он, положив мелочь в карман.

– Откуда они? – Старик вопросительно вскинул брови.

За едой Сянцзы рассказал о своих злоключениях.

– Эх ты, дурья башка! – Лю Сые покачал головой. – Продай бы их в городе мясникам и то

получил бы больше. А зимой, когда верблюды обрастают шерстью, выручил бы, пожалуй, все шестьдесят юаней.

Сянцзы и раньше жалел, что продешевил, а теперь окончательно расстроился. Но тут же решил, что продать трех здоровехоньких верблюдов мясникам на убой было бы просто нечестно. Ведь это его товарищи по несчастью. Они вместе спасались! Этого Сянцзы вслух не сказал, но успокоился.

Хуню убрала посуду. Лю Сые запрокинул голову, будто вспомнил что-то, и вдруг рассмеялся, обнажив клыки, которые с каждым годом, казалось, становились длиннее.

– Дурень! Говоришь, три дня провалялся в Хайдяне? Почему же ты из Хуанцуня не шел напрямик, по большой дороге?

– Я обошел Сишань, боялся, что на большой дороге меня, чего доброго, примут за дезертира и схватят.

Лю Сые снова захохотал, прищутив глаза. Уж не обманывает ли его Сянцзы? А что, если парень ограбил кого-нибудь? В таком случае он, Сые, укрывает краденое? В молодости он сам занимался темными делишками, но сейчас как будто встал на праведный путь и должен быть осторожным. А это он умеет.

В рассказе Сянцзы была только одна эта неувязка, но Сянцзы говорил без запинки, и старик успокоился.

– Что думаешь с этим делать? – спросил Лю Сые, указывая на деньги.

– Послушаю, что ты скажешь.

– Снова хочешь купить коляску? – Лю Сые обнажил клыки, словно собираясь упрекнуть Сянцзы: мол, купишь коляску, а жить у меня останешься?

– Денег маловато. Покупать надо новую. – Сянцзы старался не смотреть на клыки старика.

– Может, одолжить? Под один процент, только для тебя. Другим – под два с половиной.

Сянцзы покачал головой.

– Лучше платить проценты, чем брать коляску в рассрочку, – продолжал старик.

– Я и не собираюсь, – проговорил Сянцзы решительно. – Накоплю сколько надо, тогда и куплю.

Старик удивленно взглянул на Сянцзы. «Ишь какой умный стал!» – но не рассердился и взял деньги.

– Здесь тридцать? Смотри, не обманывай!

– Ровно тридцать. – Сянцзы поднялся. – Пойду спать. Прими от меня в подарок! – Он положил на стол коробку спичек, помялся и добавил: – Только никому не рассказывай о верблюдах.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Старик Лю сдержал слово и никому ничего не сказал. Но об этой истории очень быстро ведали рикши. Прежде они хорошо относились к Сянцзы, его замкнутость объясняли неумением сходить с людьми. Когда же узнали про историю с верблюдами, стали смотреть на него по-другому, хотя Сянцзы по-прежнему трудился не покладая рук. Одни говорили, что он нашел золотые часы, другие – что ему с неба свалились триста долларов, наиболее сведущие утверждали, будто он пригнал из Сишаня тридцать верблюдов.

Много было предположений, но все сходились в одном: раз он что-то скрывает, значит, разбогател нечестным путем. Этому ему простить не могли, но в душе уважали. Труд рикши тяжелый, и каждый мечтает разбогатеть. Лишь счастливицам на долю выпадает богатство.

Молчаливость и замкнутость Сянцзы теперь принимали за спесь. Впрочем, богачу и положено вести себя таким образом, а рикшам – заискивать перед ним.

– Ну, хватит тебе, расскажи, как разбогател! – донимали они Сянцзы изо дня в день. Он отмалчивался. Но, бывало, и огрызался. При этом шрам у него на щеке багровел.

– Разбогател?! А где же моя коляска, дьявол вас побери!

В самом деле, где коляска! Но всегда приятнее радоваться чужому счастью, чем делить чужое горе. Поэтому о коляске забывали и помнили только об удаче. Когда же убедились, что про-

фессию он не переменял, не обзавелся ни домом, ни землей, потеряли к нему интерес. Его называли теперь Лото Сянцзы, ни никто не спрашивал, откуда у него эта кличка, словно он с ней родился.

Зато сам Сянцзы не мог забыть о случившемся. На покупку коляски денег не было, Сянцзы очень страдал и все чаще вспоминал о постигшей его беде. Он работал, не зная отдыха, с утра до позднего вечера, а душу терзала тревога. Что ждет впереди? Станет ли мир справедливее оттого, что какой-нибудь человек выбьется в люди? По какому праву у него отобрали коляску? Вот он купит другую, но как знать, не постигнет ли ее та же участь?

Прошлое казалось страшным сном, а в будущее он утратил веру. Другие пьют, курят, ходят в дома терпимости, даже зависть берет. Раз нельзя выбиться в люди, почему не пожить в свое удовольствие? Правильно поступают его собраты! Не обязательно бежать в публичный дом, но почему не выпить рюмку-другую? Его тянуло к табаку и вину. Стоит это не так уж дорого, зато можно забыться и смело смотреть вперед, как и прежде.

Нет, он не притронется ни к вину, ни к табаку. Нужно беречь каждый медяк, иначе не видать ему коляски. А купить ее он обязан. Без собственной коляски не стоит жить. Он не мечтал ни о карьере чиновника, ни о богатстве. Только о собственной коляске.

Целыми днями Сянцзы думал о ней и пересчитывал деньги. Забыть о коляске – значит остаться просто быстроногим животным, без всякого будущего. Какой бы хорошей ни была коляска, взятая напрокат, Сянцзы возил ее без всякой радости, словно таскал кирпичи. Он никогда не бросал коляску где попало, сдавал ее хозяину вычищенной До блеска, но делал это равнодушно, в силу своей аккуратности и добросовестности. Была бы это его коляска, тогда совсем другое дело, он испытывал бы настоящую Радость.

Он по-прежнему не курил, не пил, отказывал себе даже в хорошем чае. Первокласные рикши, такие, как он, в свободную минуту любили выпить чашку крепкого чая с сахаром, чтобы восстановить силы. Когда везешь коляску, пот льет ручьями, в горле пересыхает и так хочется настоящего чая, не ради шика, это просто необходимо! Однако Сянцзы лишь мечтал о хорошем чае, а пил самый плохой. Иногда он ругал себя за то, что во всем себе отказывает. Но иначе нельзя, если хочешь скопить хоть немного денег. И Сянцзы не давал себе поблажек. «Куплю коляску, все пойдет по-другому, – думал он. – Тогда мне ничего не страшно!»

Он экономил буквально на всем и старался побольше заработать. Когда не было постоянной работы, возил кого придется. Выкатывал коляску рано, возвращался поздно, бегал до тех пор, пока не набирал определенной суммы. Иногда работал день и ночь без передышки. Раньше он не перехватывал пассажиров у других рикш, особенно у старых, изнуренных трудом. Что они заработают, если он, молодой и сильный, с хорошей коляской, станет соперничать с ними?! Теперь это его не заботило. Главное – деньги. Заработал лишнюю монету – и хорошо. О товарищах он не думал. Он был подобен дикому зверю, обезумевшему от голода. Возил всегда бегом – чтобы никакие мысли не тревожили. Так спокойнее! Стоя на месте, на коляску не заработаешь.

Лото Сянцзы не походил на прежнего Сянцзы. О нем шла дурная слава. Выхватив пассажира из-под носа у другого рикши, он слышал, как вслед ему несутся проклятья, но не отвечал, а старался поскорей убежать. «Я никогда не поступал так бессовестно, – думал он. – Эх, если бы не коляска!» Он, казалось, готов был у всех просить прощения, но боялся в этом признаться даже самому себе. На стоянках или в чайных он часто встречал недружелюбные взгляды рикш. Ему хотелось все объяснить, но сдерживала их холодность. Он не пил, не играл в карты, не любил судачить, и рикши чуждались его, а он замыкался в себе и молчал.

Постепенно ощущение неловкости уступило место наглости. День ото дня Сянцзы становился все злее. Рикши смотрели на него с укором, но ему было наплевать. С каким сочувствием его встретили, когда он возвратился после всех своих злоключений! Теперь все его презирали. Это задевало Сянцзы. Даже в чайной он сидел один перед своим чайником и один пересчитывал на стоянках заработанные медяки, еле сдерживая закипавшую злобу. Он не собирался драться с рикшами, хотя и не боялся потасовок. Рикши тоже не боялись, но связываться с Сянцзы? В одиночку его не одолеешь, а идти скопом на одного – нечестно.

Сянцзы решил не давать воли гневу. Вот он приобретет коляску, и все уладится, он почув-

ствует себя свободнее, не надо будет волноваться из-за платы за прокат, перехватывать пассажиров и обижать собратьев. Рассудив так, он посматривал на рикш спокойно, словно хотел сказать: «Поживем – увидим, кто был прав».

Зря только он так надрылся. Еще не оправившись после болезни, сразу впрягся в работу. Он старался побороть слабость, не отдыхал, но усталость давала себя знать. Вся надежда была на то, что во время бега он пропотеет, и ломота в теле пройдет. В еде он себе не отказывал, но и не позволял ничего лишнего. Он сильно похудел, но утешался тем, что высок ростом и мускулист. А значит, и выносливее других. Ему не приходило в голову, что именно поэтому и есть он должен больше.

Хуню не раз ему выговаривала:

– Если ты, дурная башка, и дальше будешь так бегать – захаркаешь кровью! Пеняй тогда на себя!

Она говорила так из самых добрых побуждений, но дела его шли неважно – где уж тут заботиться о здоровье?!

– Если я не буду так бегать, мне никогда не купить коляски! – вскипел он однажды, злобно уставившись на Хуню.

На другого Хуню орала бы добрых полдня, но с Сянцзы была покладиста и терпелива, поэтому сказала:

– Не все сразу делается, и ты не железный! Отдохнул бы день-другой!

Сянцзы не обратил внимания на ее слова, и Хуню добавила:

– Как знаешь! Протянешь ноги – сам будешь виноват!

Лю Сые тоже был недоволен. Сянцзы выезжал рано, возвращался поздно, а это не шло коляскам на пользу. Конечно, это дело рикши, когда начинать и заканчивать работу, но если все будут лезть из кожи вон, коляски наверняка износятся на полгода раньше. Ни одна вещь такого не выдержит. Кроме того, у Сянцзы совсем не оставалось времени ухаживать за колясками хозяина. Старик хмурился, но молчал.

Сдавая коляску, хозяин не ограничивал рикш во времени – так было принято. Приводить коляски в порядок не входило в обязанности рикш; это делалось по доброй воле, а потому Лю Сые, дорожа своей репутацией, не мог выказывать Сянцзы недовольство. Но оно затаилось в его глазах и в уголках крепко сжатых губ. Бывало, ему хотелось просто выгнать Сянцзы, но он сдерживал себя из-за дочери. Хуню нравился этот неотесанный малый – так что лучше не вмешиваться. Дочь-то у него одна! Мужа ей уже не найти. Не лишать же ее единственной Радости!

Говоря по совести, Лю Сые не стремился выдать дочь замуж, Хуню была нужна ему самому, поэтому он чувствовал себя перед ней виноватым и немного побаивался. Он, никогда ничего не страшившийся, на старости лет стал бояться собственной дочери! Его мучила совесть, и он старался себя успокоить. Раз он кого-то боится, значит, не такой уж пропащий человек, и после смерти ему не грозят страшные кары. В общем, из-за дочери он не мог выгнать Сянцзы. Это вовсе не значило, что он во всем ей потворствует. Выдавать ее замуж за этого неотесанного дурня он, конечно, не собирался! Хотя догадывался, что дочь имеет на Сянцзы виды. Сам парень, похоже, этого и не подозревал. На всякий случай старик был начеку, но раньше времени огорчать дочь не хотел.

Сянцзы не замечал, что хозяин сердится, у него просто не было на это времени. И если он мечтал покинуть «Жэнь-хэчан», то вовсе не из-за Лю Сые – просто ему хотелось найти постоянное место. Надоело возить кого попало, отнимая чужой заработок и вызывая всеобщую ненависть. Кроме того, он никогда не знал, сколько заработает; сегодня больше, завтра меньше, трудно было рассчитать, когда наберется нужная сумма. А ему так хотелось знать точно. Пусть у него пока немного денег, главное – каждый месяц откладывать определенную сумму, тогда будущее обеспечено. В жизни все должно быть ясно и определенно.

После долгих поисков Сянцзы нашел постоянное место. Но оно не пришлось ему по душе. На этот раз он нанялся к Янам. Господин Ян был шанхайцем, одна его жена – северянка, уроженка Тяньцзиня, другая – южанка, из Сучжоу. Господин и обе госпожи, хоть и говорили на разных диалектах, наплодили бог знает сколько детей!

В первый же день Сянцзы сбился с ног. Ранним утром он повез жену-северянку на рынок за продуктами. Возвратившись, стал развозить господских детей: одних в среднюю школу, других – в начальную, третьих – в детскую группу. Школы разные, возраст разный, физиономии разные, но все отпрыски Яна были одинаково несносны, особенно когда сидели в коляске. Даже самые спокойные вертелись, как обезьяны! Развез детей, вези на службу господина. Вернулся домой – доставь вторую госпожу на рынок, а потом к родственникам, а потом к знакомым. Не успел вернуться – надо везти детей к обеду. После обеда снова в школу. Теперь как будто можно и поесть, но госпожа на своем тяньцзиньском диалекте приказала ему натаскать воды. Питьевую воду доставляли Янам на дом, для стирки обычно носили слуги. Это не входило в обязанности Сянцзы, но, чтобы не портить отношений с хозяевами, он не отказывался. Не говоря ни слова, Сянцзы наполнил водой чан, ведра и только собрался поесть, как вторая госпожа послала его за покупками.

Госпожи не ладили между собой, но в управлении домом придерживались единых взглядов: не давали слугам ни минуты покоя, даже поесть. Сянцзы этого не знал, подумал, что просто выдался такой суматошный день, и по дороге купил себе несколько лепешек. Деньги он любил больше жизни, но ради коляски следовало поберечь здоровье.

Не успел Сянцзы вернуться с покупками, как первая госпожа приказала ему подмести двор. Господа одевались красиво, очень заботились о своей внешности, но комнаты и двор напоминали свалку. Сянцзы не терпел грязи и взялся за уборку, забыв о том, что это не его дело. Убрал двор, и тут же ему велено было подмести в комнатах. Сянцзы не перечил, только удивился, как могли эти с виду приличные и красивые дамы развести у себя такую грязь! После уборки вторая госпожа вручила ему годовалого чумазого дьяволенка. Сянцзы не знал, что с ним делать. Бывало, он брался за всякую работу, но нянчить детей не приходилось. Он крепко и вместе с тем бережно держал маленького господина, боясь, как бы тот не выскользнул из рук. Сянцзы был весь в поту. Он попытался отдать это сокровище большеногой деревенской служанке Чжанма, но та встретила его бранью.

В доме Янов прислуга держалась не больше трех – пяти дней. Господа считали слуг домашними рабами и драли с них три шкуры, – иначе за что платить? Только Чжанма жила в доме уже шестой год. Лишь потому, что сама могла обругать кого угодно. Как только ее задевали, она тут же раздражалась потоками брани. Ехидство господина Яна, бойкий язычок первой госпожи и трескотня второй меркли перед руганью разъяренной Чжанма, и господа чувствовали, что перед ними достойный противник.

Сянцзы вырос среди вежливых северян и очень не любил, когда ругались без всякого повода. Он не посмел ударить Чжанма – порядочный человек не бьет женщин, и не стал отвечать на ругань. Он в упор посмотрел на Чжанма, да так, что она почувствовала опасность и замолчала. Как раз в эту минуту первая госпожа приказала Сянцзы ехать за детьми в школу. Он поспешил отдать ребенка второй госпоже. Та приняла это за оскорбление и обругала его последними словами. Первая госпожа была недовольна, что он нянчится с ребенком второй госпожи, и в свою очередь тоже напустилась на Сянцзы. Сянцзы оказался под перекрестным огнем. Он схватил коляску и умчался, рассердиться и то не успел. Ему никогда не случалось бывать в подобных переделках, с непривычки даже кружилась голова.

Когда он доставил одного за другим всех детей, поднялся галдеж, какого не бывает и на рынке. Женщины ругались, дети ревели – во дворе творилось что-то невообразимое, как у театра после спектакля. Хорошо, что Сянцзы надо было ехать за господином Яном, и он быстро покинул двор. Уличный шум показался ему ласковым шепотом.

Лишь часам к двенадцати ночи Сянцзы смог перевести дух. Он сильно устал, голова трещала. Все в доме Янов, и старые и малые, наконец утомонились, а в ушах Сянцзы все еще стояла разноголосая брань, словно рядом прокручивали сразу несколько патефонных пластинок.

Не в силах ни о чем думать, он решил лечь спать. Но когда вошел в свою каморку, сердце сжалось и сон как рукой сняло. Каморку разделяла пополам дощатая перегородка, в каждую половину вела отдельная дверь. В одной половине жила Чжанма, другую отвели для Сянцзы. Лампы не было, в крохотное оконце проникал тусклый свет уличного фонаря. От земляного пола отвра-

тительно пахло сыростью и пылью, ничего кроме топчана в каморке не было. Да и как на нем спать? Вытянуть ноги нельзя, упрешься в стену. А спать полусидя или свернувшись калачиком Сянцзы не привык. Он поставил топчан наискосок, – правда, ноги будут свисать, но ничего, перебьется. Сянцзы принес постель, устроился кое-как, но долго не мог уснуть. Он старался не открывать глаз, уговаривал себя: спи, завтра рано вставать! Кормят плохо, работа тяжелая, – пусть, но, может быть, хозяева часто устраивают банкеты, приглашают гостей, играют в карты... Зачем ты сюда нанимался? Разве не ради денег? Лишь бы побольше платили, все стерпишь.

Он почти совсем успокоился, перестал ощущать скверный запах. Незаметно Сянцзы уснул. Он почувствовал, как его кусают клопы, но был не в силах даже пошевелиться. Прошло два дня. Сянцзы словно окаменел, все стало ему безразлично. На четвертый день пришли в гости две дамы. Чжанма быстро приготовила картонный столик. Словно весенний теплый ветерок повеял в душе Сянцзы. Началась игра. Чжанма прислуживала гостям, и всех детей поручили заботам Сянцзы. Ему быстро надоела эта шумная орава, но, украдкой заглянув в комнату, он увидел, как первая госпожа деловито собирает выигрыш, и подумал: пусть у нее скверный характер, но она, должно быть, знает, что в таких случаях нужно и слуге подкинуть три-четыре мао. Ради чаевых он решил быть терпеливым с этими мартышками и относиться к ним, как к маленьким господам.

Когда игра кончилась, госпожа велела Сянцзы отвезти гостей. Обе гостьи заволновались: они хотели ехать домой вместе. Пришлось искать еще одну коляску. Сянцзы крикнул рикшу. Первая госпожа, шаря в карманах, орала во все горло:

– Что вы, что вы, мои дорогие! Приехали к нам, да еще платить за проезд! Удобно ли вам? Хорошо ли разместились?

Наконец госпожа вытащила один мао.

Сянцзы видел, как дрожали ее руки, когда она отдавала деньги.

Сянцзы отвез гостей и принялся помогать Чжанма убирать, время от времени поглядывая на госпожу. Та приказала Чжанма принести кипяченой воды и, когда та вышла, протянула Сянцзы один мао:

– На, чего глаза пялишь!

Сянцзы побагровел, выпрямился во весь рост – голова его едва не коснулась балки. Схватив монету, он швырнул ее в заплывшее жиром лицо госпожи:

– Плати за четыре дня!

– Чего разошелся? – заверещала госпожа, но, взглянув на Сянцзы, умолкла.

Она выдала ему деньги за проработанные дни. Он бросил постель на сиденье коляски и покати ее. Вслед ему неслась ругань.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Стояла ранняя осень. Легкий ветерок шевелил листву. Сянцзы поднял голову, посмотрел на Млечный Путь, вздохнул. Вечер был прохладный, но Сянцзы не хватало воздуха. Сердце его наполнилось безысходной тоской. Ему хотелось плакать от горя: его, такого сильного и выносливого, мечтавшего встать на ноги, заставили уйти, выгнали Со Двора, как последнюю скотину! Он возненавидел весь Род Янов!

Выкатив коляску на ярко освещенный безлюдный проспект, Сянцзы еще сильнее ощутил пустоту и растерянность. Медленно, в полном отчаянии тащился он со своей коляской. Трудно было узнать в теперешнем Сянцзы прежнего – неутомимого, полного радужных надежд парня. Куда идти? Разумеется, в «Жэньхэчан».

Торговцы и рабочие люди никогда не боятся остаться без дела, – куда страшнее упустить покупателя или постоянную работу! Обидно, когда посетитель уходит из закусочной или парикмахерской, не воспользовавшись твоими услугами. Обидно, когда теряешь место. Сянцзы хорошо знал, как часто хозяева отказывают рикшам. Что ж, не уживешься с одним, найдешь другого. Но ведь он работал безропотно, унижался ради коляски, и все-таки его выжили как последнего проходимца.

Больно и стыдно возвращаться в «Жэньхэчан» и выслушивать насмешки рикш: «Смотрите,

смотрите, Лото Сянцзы, оказывается, тоже поперли!»

Но идти больше некуда. И он решительно направился в «Жэньхэчан».

Главная его постройка, если смотреть с фасада, состоит из трех помещений. В среднем – контора, сюда рикши заходят только для переговоров с хозяином и денежных расчетов, торчать без дела здесь запрещается, справа и слева от конторы размещаются комнаты отца и дочери. К главной постройке с западной стороны примыкают выкрашенные темно-зеленым лаком двусторчатые ворота двора, откуда выкатываются коляски; над воротами на железном крюке болтается яркая электрическая лампочка. Под ней – вывеска с большими золотистыми иероглифами: «Жэньхэчан».

Лампочка освещает и темную зелень лака на воротах и позолоту иероглифов на вывеске. Взад-вперед снуют красивые коляски, покрытые темным или желтым лаком, с белоснежными чехлами – даже рикши ими гордятся, – эти коляски аристократы среди прочих. За воротами, позади главного помещения, широкий квадратный двор, где растет могучий ясень. По обеим сторонам двора тянутся навесы для колясок. В южной постройке и в маленьких комнатах за ней, на заднем дворе, живут рикши.

Был, наверное, уже двенадцатый час ночи, когда Сянцзы увидел яркую, но удивительно одинокую лампочку над вывеской «Жэньхэчан». В конторе и в комнате хозяина было темно, только в комнате дочери горел свет. Сянцзы понял – Хуню не спит. Он решил войти потихоньку, чтобы она не услышала. Именно потому, что она хорошо к нему относилась, Сянцзы не хотелось, чтобы Хуню первая узнала о его неудаче. Но едва поравнявшись с ее дверью, он услышал:

– Ой, Сянцзы, это ты?

Она хотела было пуститься в расспросы, но, взглянув на приунывшего Сянцзы и сверток с постелью, удержалась.

Чего больше всего боишься, то непременно случается. Стыд и тоска в сердце Сянцзы слились воедино, он молча стоял, не сводя глаз с Хуню. Она выглядела как-то необычно. То ли от света лампочки, то ли от пудры лицо ее казалось блее, чем всегда, и как-то добрее. Слегка подкрашенные губы придавали миловидность. Сянцзы удивился: он никогда не видел в Хуню женщину и сейчас, глядя на ее подкрашенные губы, смутился. На ней были светло-зеленая шелковая кофточка и темные штаны. При свете лампы кофточка переливалась мягкими, чуть грустными тонами; она была коротенькая, из-под нее виднелось тело, что еще больше подчеркивало легкость шелка. Ветерок трепал штаны, они словно хотели убежать от предательски яркой лампочки и слиться с темнотой ночи.

Сянцзы в смятении опустил голову, но перед ним назойливо маячила зеленая сверкающая курточка. Хуню – он знал – никогда прежде не одевалась так. Она, конечно, имела возможность ходить в шелках, но целыми днями Пыла занята с рикшами, а потому носила штаны и куртку из простой, иногда цветной, но неяркой ткани. И вот сейчас Сянцзы увидел что-то необычное – хорошо знакомое, но необычное, – и на душе стало тревожно.

Сянцзы надеялся, что Хуню уйдет в комнату или прикажет ему что-нибудь сделать: никогда еще он не испытывал такой мучительной, невыразимой растерянности. Однако Хуню шагнула к нему и тихо произнесла:

– Ну, что ты застыл на месте? Поставь коляску и скорее возвращайся! Мне нужно с тобой поговорить.

Обычно он во всем ей повиновался, но сегодня она выглядела по-другому, и Сянцзы призадумался. Он попытался собраться с мыслями, однако усталость мешала сосредоточиться. Сянцзы вкатил коляску во двор и бросил взгляд на комнаты, где жили рикши, – там было темно, наверное, все уже спали, а некоторые еще не возвратились. Поставив коляску на место, он подошел к комнате Хуню. Сердце тревожно билось.

– Входи же! Поговорим! – сказала она не то всерьез, не то шутя. Он помедлил и вошел.

На столе – еще неспелые груши с зеленоватой кожицей, водка и три фарфоровые рюмочки. На великолепном блюде – цыпленок в соевой подливке, жареная печенка и прочая снедь.

Хуню предложила ему сесть:

– Я уже перекусила, теперь ты угощайся!

Она налила ему водки. Резкий запах спиртного, смешиваясь с запахом жареного цыпленка, дразнил аппетит.

– Выпей и закуси! Не стесняйся! Я уже сыта, знала, что ты вернешься, только что гадала на косточках.

– Я не пью, – сказал Сянцзы, рассеянно глядя на рюмку.

– Не пьешь, так убирайся вон! Я ведь из добрых чувств, а ты не ценишь! Глупый ты, Лото, выпьешь – не умрешь. Я и то могу выпить еще четыре лян. Не веришь? Гляди!

Она налила почти полную рюмку и, закрыв глаза, залпом выпила.

– Теперь ты! – сказала она, подняв его рюмку. – Не выпьешь, за ворот вылью!

Злоба душила Сянцзы, он готов был ударить Хуню – как она смеет над ним издеваться! Но Хуню всегда была с ним добра, да и со всеми держалась запросто – зачем же ее обижать!

«Не хочешь обижать, – подумал он, – расскажи о своей беде!» Он не был словоохотлив, но тысячи слов готовы были сейчас сорваться с его уст. Хуню над ним не смеется – она угощает его от души.

Он взял рюмку, отпил. Живительная влага медленно разлилась по телу. Сянцзы поднял голову, расправил плечи и вдруг совсем некстати икнул. Хуню рассмеялась. Он с трудом допил рюмку и опасливо покосился на комнату хозяина.

– Отца нет. – На лице Хуню блуждала улыбка. – Он уехал в Наньюань к тетке на день рождения. Его не будет три дня.

Она снова наполнила его рюмку. Сянцзы стало не по себе, в сердце закралось недоброе предчувствие. Но уйти он не мог. Лицо Хуню было так близко, яркие губы улыбались, кофточка сверкала и переливалась. Сянцзы почувствовал какое-то неведомое ему волнение. Хуню не стала красивой, но в ней появилось что-то живое, привлекательное. Казалось, это не она, а другая, незнакомая женщина.

Он не старался понять, что именно в ней изменилось, не мог принять ее сразу такой, но и уйти не хватало сил. Он раскраснелся. Отпил еще глоток для храбрости.

Он даже забыл, что собирался пожаловаться ей на свою судьбу. Он то и дело поглядывал на Хуню и ощущал какую-то смутную тревогу. Наконец он понял, чего ей от него нужно, и желание горячей волной захлестнуло его. Теперь он видел в Хуню только женщину.

Напрасно Сянцзы предостерегал себя, сдерживал. После трех рюмок он забыл об осторожности.

Он смотрел на Хуню затуманенными глазами и удивлялся, почему ему так весело, с чего это он так расхрабрился. Ему хотелось испытать что-то неизведанное, радостное. Он больше не боялся Хуню, она уже не казалась ему свирепой тигрицей, он мог взять ее на руки, как котенка, такой ощущал прилив сил...

Свет в комнате погас.

На другой день Сянцзы проснулся очень рано и тотчас выкатил коляску. В голове шумело, мучила изжога – вероятно, оттого, что впервые выпил, но Сянцзы старался не замечать этого. Наслаждаясь утренним ветерком, он сел на землю и стал размышлять. Головная боль пройдет, а вот душевный покой не скоро вернется.

Сянцзы находился в смятении. Его мучил стыд, сердце сжималось в предчувствии беды.

Почему Хуню так поступила? Оказалось, она – не девица, а ведь Сянцзы уважал ее... Да и никто о ней плохо не отзывался. Говорили только, что она очень сердитая и невоздержанная на язык.

Случившееся ночью казалось нелепым, как дурной сон. Сянцзы последнее время не бывал в «Жэньхэчане», как же она могла его ждать? А может, ей все равно – с кем?...

Сянцзы опустил голову. О женитьбе он пока не думал, но, как у всякого деревенского жителя, у него были на этот счет свои взгляды. Если он обзаведется собственной коляской и наладит жизнь, то поедет в деревню и возьмет в жены молодую, сильную и трудолюбивую девушку, которая умеет и сготовить и постирать. Обычно его ровесники, Даже семейные, тайком бегают по белым домам⁹. Сянцзы никогда этого не делал: он решил во что бы то ни стало выбиться в люди и

---

⁹ Белыми домами в старом Китае назывались низкоразрядные публичные дома.

не хотел тратить деньги на женщин, кроме того, он знал, как страдают от дурных болезней всегдатаи публичных домов. А ведь некоторым из них нет и двадцати! Наконец он просто хотел остаться порядочным человеком, достойным своей будущей жены. Он мечтал жениться на невинной девушке и сам желал быть чистым. А теперь... теперь...

Он вспомнил о Хуню. Друг она, может быть, неплохой, но какая она безобразная, старая и бесстыдная! Вспоминать о ней было противнее, чем о солдатах, которые отняли у него коляску и чуть не лишили жизни! И она – его первая женщина! Из-за нее Сянцзы стал распутником...

А что, если пойдут сплетни? Если это дойдет до Лю Сые? Знает ли старик, что его дочь – подпорченный товар? Ведь иначе Сянцзы может оказаться виноватым. А если старику все известно и он махнул на это рукой – что же они за люди? Подонки? А он водится с ними. Значит, и сам он такой! А вдруг его захотят женить? Нет, ему не нужна такая жена. Не важно, сколько у ее отца колясок – шестьдесят, шестьсот или шесть тысяч. Надо немедленно оставить «Жэньхэчан», порвать с ними. Когда-нибудь он купит коляску и найдет себе достойную пару.

Сянцзы приободрился: зачем бояться и печалиться, главное – не жалеть сил, и все желания исполнятся.

Подвернулись два пассажира, но Сянцзы с ними не сговорился, и настроение снова испортилось. Он старался не думать о Хуню, но мысли о ней его преследовали, волновали кровь. Он никогда не переживал ничего подобного. Даже если он порвет с ней, забыть все равно не сможет. Ему казалось, что он осквернил не только тело, но и душу, и этого пятна никогда не смыть. Однако ни ненависть, ни отвращение не могли прогнать мысль о Хуню. Бесстыдная, голая, безобразная и в то же время влекущая, она стояла перед глазами. Сянцзы словно попал в зловонную трясиину, из которой не выбраться. Все было грубо, отвратительно, но Сянцзы не мог забыть эту ночь. Воспоминания появлялись сами собой, словно пустили корни в его сердце. Он впервые, познал женщину, и это чувство тревожило, не давало покоя. Сянцзы не знал, как теперь вести себя с Хуню. Он был словно муха, попавшая в паутину.

Мысль о случившемся не покидала его, даже когда ой бежал с коляской, в памяти всплывали какие-то неясные образы, горячечные, бередящие сердце. Ему захотелось напиться до потери сознания – может быть, станет легче, и он избавится от этих мучений! Но он не решился. Нельзя губить себя из-за женщины! Даже мысли о коляске стали туманными, неясными – словно заслоненное тучами солнце.

Вечером, после работы, ему стало еще тяжелее. Но никуда не денешься, придется возвращаться в «Жэньхэчан». Как он встретится с ней? Что скажет? Сянцзы кружил по улицам с пустой коляской, раза три приближался к «Жэньхэчану», но поворачивал и катил куда глаза глядят. Ему было страшно, как школьнику, который впервые сбежал с урока и боится идти домой.

Но при этом, как ни странно, его все сильнее влекло к Хуню. Особенно с наступлением темноты. Он знал, что не должен думать об этой женщине, но разбуженное желание толкало его к ней. Такое же чувство он испытал в детстве, когда разорял осиные гнезда: страшно, а руки дрожат от нетерпения, будто дьявол подстрекает! Вспыхнувшая страсть могла его погубить, но он не в силах был ей противиться.

Сянцзы возвратился к Сианьмэню и решил идти прямо к Хуню. Кровь бурлила. Он помнил лишь об одном: Хуню – женщина.

Уже собираясь войти в ворота, Сянцзы столкнулся с мужчиной лет сорока. Лицо и походка показались знакомыми, но Сянцзы не решился его окликнуть, только машинально спросил:

– Вам коляску? Человек удивился:

– Сянцзы?

– Да, – улыбнулся Сянцзы. – Господин Цао? Господин Цао, тоже с улыбкой, кивнул головой.

– Как дела, Сянцзы? Если у тебя нет работы, приходи. Мой рикша до того ленив, что даже коляску не вытрет, хотя бегают быстро. Ну, что, согласен?

– Как же не согласиться, господин? – Сянцзы от волнения непрерывно вытирал мокрую от пота голову. – Когда можно приступать к работе?

Подумав, господин Цао сказал:

– Послезавтра.

– Хорошо, господин Цао, а сейчас я отвезу вас домой.

– Не стоит. Я вечерами обычно прогуливаюсь. С прежней квартиры я съехал, когда вернулся из Шанхая. Живу сейчас на улице Бэйчанцзе. Так что до послезавтра!

Господин Цао назвал номер дома и на прощанье сказал:

– Возить меня будешь на моей коляске, как и раньше. Сянцзы чуть не запрыгал от радости: словно ливнем

смыло все огорчения этих дней.

У господина Цао Сянцзы работал недолго, но воспоминания сохранил самые теплые. Господин Цао такой симпатичный. И семья небольшая: жена да сынишка.

Когда Сянцзы пришел в «Жэньхэчан», у Хуню еще горел свет. Сянцзы замер.

Он долго стоял в нерешительности, но надо было сообщить, что он нашел постоянную работу, расплатиться за коляску, взять свои сбережения и разом покончить с этим. Всего, конечно, он сказать прямо не сможет, но она сама поймет.

Он поставил коляску, храбро подошел к двери, окликнул Хуню.

– Входи!

Хуню полулежала на кровати, босая, в своей обычной одежде. Не поднимаясь, она лениво спросила:

– Что, понравилось?

Он покраснел как рак, долго молчал, потом медленно произнес:

– Я нашел место. Послезавтра уйду. У хозяина своя коляска...

– Ах, негодяй! Неблагодарный!

Хуню села на постели и принялась его уговаривать:

– У тебя будет все: и еда и одежда. Неужели тебе так хочется проливать свой вонючий пот? Мне надоело ходить в старых девах. Если даже старик заупрямится, у меня у самой кое-что есть про запас. У нас будет несколько колясок – а это значит юань в день, по крайней мере лучше, чем месить грязь на улицах. А я чем плоха? Ну, немного старше тебя. Чуть-чуть. Зато будет кому тебя пожалеть, позаботиться о тебе!

– Но я хочу быть рикшей, – только и мог вымолвить Сянцзы.

– Соломенная твоя башка! Сядь, не съем же я тебя, – осклабилась Хуню, обнажив торчащие вперед зубы.

Сянцзы в смятении сел.

– А где мои деньги?

– У отца. Не бойся, никуда не денутся. Ты пока их не спрашивай. Знаешь ведь, какой он! Вот накопишь на коляску, тогда и бери. А сейчас он тебя обругает – и все, даю слово, – хотя неплохо к тебе относится. Да не пропадут твои деньги, а чего не хватит – вдвойне доложу. Понял, деревенщина? Так что лучше не выводи меня из терпения!

Сянцзы ничего не ответил. Долго рылся в кармане, наконец достал деньги и положил на стол.

– Вот плата за день. – Помолчав, добавил: – Сегодня я сдам коляску, а завтра денек отдохну.

У него и в мыслях не было отдыхать, но так лучше: расплатится и уйдет из «Жэньхэчана». Хуню сунула деньги ему в карман.

– На этот раз и коляска и я – все бесплатно. Тебе повезло! Скажи спасибо...

Она заперла дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сянцзы покинул «Жэньхэчан» и переехал к Цао.

Он не считал себя виноватым перед Хуню. Сянцзы не зарился ни на нее, ни на ее деньги – она сама втянула его в эту историю. И все же его не покидало чувство стыда. К тому же не давала покоя мысль о том, что деньги остались у Лю Сые. Если потребовать – старик еще заподозрит неладное. Да и Хуню чего-нибудь ему наговорит со зла – и плакали денежки. Можно, конечно, и

дальше отдавать деньги Лю Сые на хранение, но тогда придется бывать в «Жэньхэчане» и встречаться с Хуню. Сянцзы не знал, что делать. Хорошо бы посоветоваться с господином Цао, не может же он рассказать ему о своих отношениях с Хуню! Как Сянцзы. раскаивался, вспоминая о ней, да что толку! Сразу с этим не покончишь, как не смоешь родимое пятно. И за что такие напасти? Сперва коляски лишился, теперь новая беда. Нет, не выбиться ему в люди! Еще, чего доброго, придется жениться на Хуню. И вовсе не из-за нее и не из-за колясок, а потому, что так случилось, и никуда не денешься!

Сянцзы снова потерял уверенность в себе. Его рост, сила, воля ничего не значили. Он-то считал себя хозяином собственной жизни, а на деле им распоряжаются другие, люди без стыда и чести.

Если бы не эта история, все было бы хорошо, лучшего хозяина, чем господин Цао, не найти. Платит он столько же, сколько другие, чаевые, правда, дает лишь по праздникам, три раза в год, зато обходителен и добр. Хорошо, конечно, заработать побольше, но жилье и сытный обед тоже не последнее дело. У господина Цао даже в комнатах Для прислуги чисто, и кормят неплохо, во всяком случае, не тухлятиной. Сянцзы поселился в отдельной просторной комнате, где можно спокойно поесть и отдохнуть. А главное – хозяева люди деликатные. Поэтому Сянцзы согласился на небольшое жалованье. Когда платишь за еду из собственного кармана, приходится во многом себе отказывать. А теперь Сянцзы на всем готовом – почему же не поесть вволю? Есть – не воду возить! Да, нелегко найти место, где можно сытно поесть, хорошенько выспаться и всегда быть опрятно одетым.

У господина Цао в карты не играли, гости бывали редко, больших чаевых не перепало, но за каждое, даже пустяковое поручение Сянцзы получал мао – другой. Пошлет, например, госпожа за пилюлями для ребенка – всегда даст мао на проезд, хотя знает, что быстрее добраться пешком. Деньги небольшие, зато доброе отношение, – хозяева всегда стараются сделать приятное.

На своем веку Сянцзы перевидал немало хозяев; каждый старался хоть на день задержать жалованье и выдавал его с таким видом, словно мог вообще не платить, относился к слуге, как к собаке, а иногда и хуже.

Господа Цао были совсем другие и потому нравились Сянцзы. Он убирал двор и поливал цветы, не дожидаясь, когда ему об этом скажут. Хозяева всякий раз хвалили его и дарили какую-нибудь старую вещь, чтобы он мог обменять ее на спички, но вещи были вполне пригодные, и Сянцзы оставлял их себе.

В представлении Сянцзы Лю Сые очень походил на Хуан Тяньба. Но есть еще один важный господин – Конфуций¹⁰. Кто он такой, Сянцзы толком не знал, но слышал, будто очень образованный и вежливый.

Сянцзы приходилось работать и у военных и у штатских. Среди штатских встречались преподаватели университетов и крупные чиновники, люди грамотные, но вежливостью не отличались. Бывало, господин попадется сносный, но попробуй угодить госпоже или дочерям. Господин Цао был и добрым и образованным. Именно таким Сянцзы представлял себе Конфуция.

На самом же деле господин Цао не отличался особой ученостью: был просто грамотным человеком, где-то преподавал и вел еще кое-какие дела. Сам он считал себя социалистом и большим ценителем прекрасного, увлекался передовыми идеями и Вильямом Моррисом. Но настоящих, глубоких познаний у него не было ни в политике, ни в искусстве. Впрочем, господин Цао, видимо, и сам понимал, что большие дела ему не по плечу, и все свои идеалы старался воплотить в повседневной работе и домашней жизни. Разумеется, обществу это не приносило особой пользы, но, по крайней мере, в личной жизни слова у господина Цао не расходились с делом.

Маленьким делам господин Цао придавал особое значение, видимо, считал, что главное – хорошо устроить свою семейную жизнь, а общество пусть существует само по себе. Правда, иногда его мучили угрызения совести, но они исчезали, как только он оказывался дома, в семье, этом оазисе, где путник находит и пищу и свежую воду.

Сянцзы тоже посчастливилось набрести на этот оазис. Он так долго блуждал по пустыне, что

---

¹⁰ Конфуций (551 – 479 гг. до н. э.) – выдающийся философ Древнего Китая.

встреча с господином Цао показалась ему чудом, а сам господин Цао почти святым. Может быть, потому, что Сянцзы знал не так уж много людей, или же такие, как господин Цао, попадаются редко.

Господин Цао одевался просто, но изысканно. Сянцзы, здоровый и сильный, тоже выглядел очень опрятно и возил господина Цао с искренним удовольствием, считая это для себя честью.

Дома у господина Цао было так чисто и тихо, что Сянцзы не мог нарадоваться. В его деревне в зимние или осенние вечера ему часто доводилось видеть, как старики молча сидят у огня и по-пыхивают трубками. «Что-то они в этом находят», – думал он, глядя на стариков. Он был слишком молод, чтобы последовать их примеру. Тишина в доме господина Цао живо напомнила Сянцзы родную деревню, ему захотелось так же молча посидеть, выкурить трубочку, вкушать неведомые ему радости.

Но мысль о Хуню и оставшихся у Лю Сые деньгах не давала покоя. Он запутался, словно зеленый лист в клейких нитях гусеницы-шелкопряда. Бывало, смотрит на кого-нибудь, даже на самого господина Цао, а взгляд отсутствующий, и отвечает невпопад. Сянцзы измучился.

В доме Цао рано ложились спать, и к девяти часам вечера Сянцзы освобождался. Сидя в своей комнате или во Дворике, он вновь и вновь обдумывал свое положение. Додумался до того, что надо немедленно жениться: брак избавит его от мыслей о Хуню. Но прокормит ли рикша семью? Он знал, как живут бедняки: мужчины возят коляски, женщины латают одежду, дети собирают несгоревший Уголь, летом жуют найденные на помойках арбузные корки, зимой бегают за даровой похлебкой на раздаточные пункты.

Сянцзы не мог обречь свою семью на такую жизнь. И потом, если он женится, Лю Сые не отдаст ему денег, Разве Хуню его пощадит? А Сянцзы добыл эти деньги, рискуя жизнью.

Еще осенью у него была коляска, а сейчас нет ничего, кроме душевных мук да тридцати юаней, которые попробуй еще верни. От этих дум Сянцзы все больше мрачнел.

Вскоре после осенних праздников наступили холода. Понадобилась теплая одежда. Но потратишься – опять ничего не отложишь. А коляска? Ведь даже на постоянной работе нельзя без нее.

Как-то господин Цао возвращался позднее обычного – он ездил в восточную часть города. Сянцзы осторожно вез коляску по ровной и в этот вечер почти безлюдной дороге. Уличные фонари излучали спокойный свет. Сянцзы ускорил шаг, и тоска, терзавшая его все эти дни, поутихла. Прислушиваясь к своим шагам, к поскрипыванию рессор, он на минуту забыл обо всем. Холодный ветер, свистя, дул прямо в лицо, но Сянцзы расстегнул куртку и почувствовал странное облегчение. Ему казалось, что он мчится на крыльях. Быстрее, быстрее. В миг площадь Тяньаньмэнь осталась позади. Ноги, словно пружины, отталкивались от земли. Колеса вертелись так быстро, что не видно было спиц, шины едва касались мостовой. Коляску словно подхватил вихрь.

Господин Цао, видимо, задремал, иначе наверняка запретил бы Сянцзы нестись с такой скоростью. А Сянцзы бежал с одной-единственной мыслью: «Устану, пропотею и хорошенько высплюсь. Главное – ни о чем не думать».

Неподалеку от Бэйчанцзе деревья у Красной стены отбрасывали тень на дорогу. Сянцзы не успел остановиться, вместе с коляской налетел на груды камней и упал. Что-то треснуло – ручки коляски сломались.

– Что? Что случилось? – закричал господин Цао, его выбросило прямо на землю. Сянцзы вскочил. Господин Цао тоже поднялся на ноги. – Что произошло?

Перед ними громоздились камни для ремонта дороги, а красный фонарь почему-то не был выставлен.

– Ушиблись? – спросил Сянцзы.

– Нет... Я пойду пешком, а ты вези коляску.

Господин Цао не мог прийти в себя. Он шарил среди камней – не обронил ли чего-нибудь.

Сянцзы поднял отломившийся кусок ручки.

– Вроде все цело, – сказал он, выкатывая коляску на дорогу. – Садитесь, прошу вас, садитесь.

Уловив мольбу в голосе Сянцзы, господин Цао залез в коляску. Когда доехали до перекрестка, господин Цао увидел при свете фонаря ссадину на правой руке.

– Сянцзы, остановись! – Сянцзы обернулся – по лицу его текла кровь. Господин Цао перепугался. – Нет, нет, давай скорее!

Сянцзы решил, что господин велит ехать быстрее, и, напрягши последние силы, вмиг домчался до дома. Поставив коляску, он увидел кровь на руке господина Цао и хотел бежать к господам за лекарством, но господин Цао сказал:

– Не беспокойся, взгляни лучше на себя, – и поспешил в дом.

Только теперь Сянцзы почувствовал боль; оба колена и правый локоть были разбиты, лицо все в крови. Не зная, что делать, он присел на ступеньку и тупо уставился на сломанную коляску, совершенно новую, покрытую черным лаком. Сломанные ручки безобразно торчали, обнажив белую сердцевину. Коляска напоминала красивую куклу с оторванными ногами.

– Сянцзы! – крикнула служанка Гаома. – Куда ты запропастился?

Он не отозвался. Белые осколки дерева словно вонзились в самое сердце!

– Ты что притаился? Перепугал меня до смерти, – продолжала Гаома. – Пойдем, господин зовет!

Гаома, когда что-нибудь передавала, не обходилась без замечаний, и, хотя получалось это очень непосредственно, понять ее было не всегда легко.

Гаома, вдова лет тридцати трех, была шустрой, добросовестной, работающей, но чересчур разговорчивой. Не всем хозяевам это нравится. А вот в доме Цао полюбили эту опрятную, смышленную женщину. Она служила у них уже более двух лет, и ее всегда брали с собой, когда выезжали куда-нибудь.

– Господин зовет тебя! – повторила Гаома. Заметив, что лицо у Сянцзы в крови, она вскрикнула:

– Ой, страх-то какой! Что случилось? А ты сидишь! Будет заражение крови, тогда узнаешь. Иди скорее! Господин даст лекарство!

Гаома пошла следом за Сянцзы, продолжая его журить. Они вместе вошли в кабинет, где госпожа бинтовала руку мужа. При виде Сянцзы она так и ахнула.

– Госпожа, этот негодник здорово расшибся, – сказала Гаома, словно боясь, что хозяйка не увидит. Она быстро налила в таз холодной воды и затараторила: – Я знала, что этим кончится. Вечно летит как бешеный. Рано или поздно это должно было случиться. Ты чего стоишь? Умойся скорее приложи лекарство. Ну!

Но Сянцзы не шевелился, поддерживая рукой правый локоть. Ему не верилось, что деревенский парень с разбитым в кровь лицом может очутиться в таком чистом и красивом кабинете. Все, казалось, угадали его мысли, даже Гаома притихла.

– Господин, наймите другого рикшу, – проговорил Сянцзы тихим, но твердым голосом и опустил голову. – Мое жалованье за этот месяц пусть пойдет на починку коляски; сломаны ручки, с левой стороны разбит фонарь, остальное в порядке.

– Обмой раны и приложи лекарство, а потом потолкуем, – ответил господин Цао, глядя на свою забинтованную руку.

– Да, да, умойся сначала, – снова зачастила Гаома. – Ведь господин тебя не ругает, так и не суйся раньше времени.

Однако Сянцзы не шевельнулся.

– Не нужно мне ничего, и так заживет. Что я за рикша! Вы мне дали постоянную работу, а я сломал коляску, и вы ушиблись...

Он не мог выразить словами свои переживания, но в голосе его звучала мука. Сянцзы чуть не плакал. Лишиться места, отдать заработанные деньги – это равносильно самоубийству. Но честь важнее жизни: ведь пострадал не кто-нибудь, а господин Цао! Случись это с госпожой Ян, он и ухом не повел бы. С ней он мог вести себя по-уличному грубо; раз она не считает его человеком, нечего разводить церемонии. Для нее главное деньги, так стоит ли говорить о приличиях? Но ведь господин Цао совсем другой человек. И Сянцзы был готов пожертвовать даже своими деньгами, лишь бы сохранить честь. Он никого не винил, только собственную судьбу. Он решил никогда больше не браться за коляску. Можно рисковать собственной жизнью, она ничего не стоит. Но жизнь других людей?! Что, если он расшибет кого-нибудь насмерть? Прежде его не трево-

жили подобные мысли, но сейчас Сянцзы был в отчаянии, ведь пострадал господин Цао!

Придется, видно, расстаться со своим опасным ремеслом, которое он считал самым лучшим и самым надежным. А это значит – расстаться с мечтой. Вся жизнь его пошла прахом. Никогда он не станет первоклассным рикшей. Напрасно вырос таким верзилой. Перевозя случайных пассажиров, он без зазрения совести отбивал заработок у других, вызывая общее негодование. И все ради коляски. Тогда у него было оправдание. А сейчас? Натворить столько бед, нанявшись на постоянную работу! Что скажут люди, когда узнают, что из-за него расшибся человек, что сломана коляска... Какой из него рикша?! Нет, он не станет ждать, пока хозяин Цао его выгонит, лучше сам уйдет.

– Умойся, Сянцзы, – услышал он вдруг голос господина Цао. – Зачем тебе уходить? Это не твоя вина. Когда выгружают на дороге камни, надо выставить красный фонарь. Обмой раны, – повторил он, – и смажь мазью.

– Верно говорит господин, – снова вмешалась Гаома. – Тебе, Сянцзы, должно быть стыдно. Ведь из-за тебя пострадал господин! Но раз господин говорит, что не твоя вина, – не расстраивайся! Поглядите на него – вон какой вымахал, а совсем ребенок. До чего разволновался! Успокойте его, госпожа, скажите что-нибудь!

Гаома тараторила, как заведенная.

– Умойся же, – промолвила госпожа Цао. – На тебя страшно смотреть.

Сянцзы все еще не мог прийти в себя, но, сообразив, что госпожа боится крови, вынес таз из кабинета и ополоснул лицо несколькими пригоршнями воды. Гаома ждала его в комнате, держа мазь наготове.

– А руки и ноги? – спросила она, смазав Сянцзы лицо.

– Да ничего...

Господа ушли отдыхать. Гаома с пузырьком в руках проводила Сянцзы, но не ушла – у порога остановилась и снова заговорила:

– Смажь все ссадины. И не убивайся из-за такого пустяка. Не стоит. Раньше, когда жив был муж, я тоже часто бросала работу. Так, бывало, устану, а мужу хоть бы что. Вот я и злилась. Молодые все вспыльчивы! Скажут слово, – беру расчет. Кто собственным потом зарабатывает на жизнь, вовсе не раб. У них – поганые деньги, у меня – гордость. Госпожам я, видите ли, не угождала! А сейчас на Рожон не лезу. Муж умер, забот поубавилось и характер стал лучше. Девятого сентября будет три года, как я здесь служу. Чаевых, правда, не густо, зато хозяева не обижают. Заработать побольше каждому хочется, но все надо делать с умом. Уйдешь от хозяина, а пока другого найдешь, полгода пройдет. Какой в этом толк? Нет уж, если хозяин хороший, надо подольше служить. Пусть чаевых мало, зато работа постоянная, так что понемногу можно денег накопить. Хозяин молчит, и ты помалкивай. Не думай, я не для них стараюсь. Ты мне как младший брат. Хоть и молодой, а горячиться не надо. Упрямством сыт не будешь! Простак ты, как я посмотрю. Я бы на твоём месте поработала здесь подольше. Все-таки пристанище есть. Я не о них, о тебе пекусь. Мы ведь с тобой друзья! – Гаома перевела дух – Ну ладно. До завтра. Не упрямясь. Я человек откровенный. Что думаю, то и говорю.

Разбитый локоть сильно болел, и Сянцзы долго не мог уснуть. Он многое передумал за эту ночь и понял, что Гаома права. Все ерунда, главное – деньги. Накопит денег, купит коляску. «Упрямством сыт не будешь!» – с этой мыслью Сянцзы спокойно уснул.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Господин Цао ничего не удержал из жалованья Сянцзы на починку коляски. Таблетки, которые дала госпожа, Сянцзы не стал принимать, но об уходе больше не заговаривал. Несколько дней он чувствовал себя неловко, но, вспоминая слова Гаома, в конце концов успокоился.

Жизнь вошла в свою колею, и у Сянцзы снова проснулись надежды. Глаза его загорались, когда, оставшись один в комнате, он мечтал о коляске. Сянцзы не был силен в арифметике, но постоянно что-то подсчитывал, и голова его была забита цифрами.

К Гаома Сянцзы относился с уважением. Она казалась ему умнее и сообразительнее многих

мужчин: она знала жизнь. Он не заговаривал с ней, но, встречаясь во дворе или в доме, охотно выслушивал и подолгу обдумывал каждое ее слово. Стоило ему увидеть Гаома, как он расплывался в улыбке, выражая этим свою почтительность. Ей это было приятно, и она всегда находила время с ним поболтать, как бы ни была занята. Гаома посоветовала Сянцзы отдавать деньги в рост, но он не решился. Получать проценты, конечно, заманчиво, но дело это рискованное. Доверять деньги кому-то чужому! Это было выше его сил. А вообще к рассуждениям Гаома Сянцзы прислушивался охотно, надеясь перенять ее житейский опыт.

Гаома и в самом деле была женщиной практичной. После смерти мужа она все свои сбережения из месяца в месяц ссуживала слугам, полицейским или мелким торговцам – кому юань, кому два, – взимая самое малое по три процента. Бедняк, которому нечего есть, с радостью возьмет деньги и под сто процентов, если это единственный способ их раздобыть. Долги для бедняка погибель, он расплачивается за них кровью, но к ростовщику идет. Он готов на все, лишь бы передохнуть, и старается не думать о завтрашнем дне.

Гаома все это на себе испытала. Муж напьется, бывало, придет и требует денег, скандалит возле дома хозяина, пока она не раздобудет любой ценой юань-другой. Сама жизнь привела ее к ростовщичеству. Гаома и не помышляла о мести за свои прошлые мучения, она считала, что делает доброе, разумное дело, выручая людей из беды. Так уж заведено: одним нужны деньги, другие готовы их одолжить, одни расставляют сети, другие сами в них лезут.

Раз в ростовщичестве нет ничего постыдного, рассуждала она, – значит, не надо упускать своей выгоды. Надо быть дальновидной, ловкой и в то же время безжалостной, чтобы самой не попасть впросак. Она тратила на свои маленькие операции не меньше сил, чем управляющий банком, была осторожна и предусмотрительна.

И при большом капитале и при малом в буржуазном обществе действует один закон: деньги просеиваются словно сквозь сито – сверху их много, внизу мало, сверху крупные, внизу мелочь. Иначе обстоит дело с принципами. Оно и понятно: принципы бесплотны и могут проскочить через любое, даже самое крошечное отверстие!

Гаома считали жестокой, и она сама это признавала. Но ее жестокость родилась от трудностей и нищеты. Стоило ей вспомнить о покойном муже и пережитых мучениях, как все вокруг начинало казаться несправедливым, бесчестным, и она закипала от гнева. Она бывала то слишком Добра, то не в меру сурова – иначе в этом мире не проживешь.

Гаома из самых добрых побуждений не переставала уговаривать Сянцзы отдавать деньги под проценты:

– Вот что я скажу тебе, Сянцзы. В кубышке монета так и останется монетой, а отдашь в рост, одна монета родит другую, поверь мне! Но прежде чем отдать, хорошенько все разузнай! Для этого у тебя и голова на плечах. Если полицейский вовремя не заплатит процентов или не возвратит Долг, иди к его начальнику. Одно слово – и его выгонят. Узнай хорошенько, когда он получает жалованье, пойди в участок, потребуй! Пусть попробует не вернуть! А барыш хороший. Главное – знать, кому можно одолжить, а кому нет. Послушай меня – не пожалеешь!

Сянцзы не знал, что отвечать. Пока он слушал Гаома, все виделось ему в радужном свете. Но стоило остаться наедине со своими мыслями, и он приходил к выводу, что самое верное – держать деньги у себя. Пусть лежат мертвым грузом, зато не пропадут.

Вот и сейчас он тихонько достал из своего тайника несколько юаней, заработанных за последние три месяца, – все серебряные – повертел каждую монету, тихонько, чтобы не звякали. Какие они блестящие – душа радуется! Нет, он ни за что не расстанется с ними, только за коляску отдаст. Каждый живет по своему разумению. Сянцзы так и не послушался совета Гаома.

В доме Фанов, где ему довелось как-то работать, вся семья от мала до велика, даже слуги, имели сберегательные книжки. Госпожа Фан уговаривала и Сянцзы:

– Почему бы тебе не завести книжку? На нее можно положить даже юань. Недаром говорят: «Береги деньги про черный день». Пока ты молодой, сильный, всегда можешь подработать. Но в году триста шестьдесят пять дней, и не все безоблачные. Дело это несложное, надежное и выгодное. Когда нужно, можно взять деньги обратно. Очень удобно! Принеси бланк, я заполню его, а то ведь ты писать не умеешь. Я тебе добра желаю!

Сянцзы знал, что госпожа говорит искренне, знал также, что повар Ванлю и кормилица Цинма имеют сберегательные книжки. Решился было и он завести книжку. Но тут госпожа велела ему отнести в сберегательную кассу десять юаней. Сянцзы очень внимательно рассмотрел книжку: сверху иероглифы и маленькая красная печать, в общем, не внушает доверия. Когда он сдал деньги, в книжку вписали несколько иероглифов и поставили еще одну маленькую печать. Конечно, здесь дело не чисто: берут сверкающее серебро, пишут что-то, и готово. Нет, Сянцзы не попадет на эту удочку! Может быть, у господина Фана какие-то дела с этой сберегательной кассой? Сянцзы казалось, что сберкасса – это торговая фирма и у нее везде свои филиалы. Такая же почтенная, как известные торговые фирмы – «Жуй Фусян» и «Хун Цзи», – наверное, потому госпожа и уговаривала его. Может быть, он ошибается, но все равно деньги лучше держать у себя. Куда надежнее! Деньги на книжке – это несколько иероглифов и все!

Сянцзы знал, что возле банков и денежных контор легко взять пассажира и хорошо заработать. Если бы не полицейские, лучшего места для стоянки не найти. Но он не мог понять, что делается в самом банке. Там наверняка кучи денег, но почему именно здесь ведутся все денежные операции? Впрочем, стоит ли ломать голову, если двери банка для него все равно закрыты? Много в городе казалось ему непостижимым. Прислушиваясь к разговорам своих приятелей-рикш в чайных, он порой терялся: каждый болтает, что на ум взбредет, – поди-ка тут разберись! Ни слушать их, ни думать не хотелось. Он знал одно: если уж грабить, то лучше всего банк, а не собираешься стать взломщиком, – держи покрепче свои денежки и не заботься о чужих. Это казалось ему самым надежным.

Зная, что Сянцзы и во сне видит свою коляску, Гаома уже в который раз принялась его уговаривать:

– Зря ты не хочешь отдавать деньги под проценты, ведь так ты быстрее купишь коляску. Будь я мужчиной, да еще рикшей, я непременно обзавелась бы своей коляской; была бы сама себе хозяйкой и ни от кого не зависела! Даже начальником уезда не согласилась бы стать. Труд рикши тяжелый, но я бы взялась только за это дело! Это еще лучше, чем быть полицейским! Стоять на улице и зимой и летом в одной и той же черной форме, а получать гроши, и никакого тебе дохода, никакой свободы. До старости стой да свисти, а надеяться не на что. Если хочешь побыстрее купить коляску, послушайся моего совета: собери компанию, человек десять – двадцать, пусть каждый внесет по два юаня. Ты возьми первый взнос. Сразу наберется юаней сорок, да и у самого, наверное, тоже кое-что скопилось. Берись сразу за большое дело! Купишь коляску, постепенно со всеми расплатишься. И выгодно и удобно! Решишься, я первая войду в долю, можешь не сомневаться! Ну, как?

Сердце Сянцзы забилося сильнее. Пожалуй, верно – он соберет тридцать – сорок юаней, прибавит тридцать, что у Лю Сые, еще несколько юаней ему удалось сберечь, – вот и наберется больше восьмидесяти. Не хватит на новую, купит подержанную. Все равно своя. А со временем купит новую. К тому же это единственный способ взять деньги у Лю Сые.

Но где найти таких людей? Нужно, чтобы тебе верили. Сегодня ты возьмешь деньги, а завтра они понадобятся Другим. Что тогда? Времена тяжелые, а затея ненадежная. Нет, самостоятельный человек не станет прибегать к чьей-то помощи. Соберет на коляску – купит, а просить займы не станет.

Сянцзы ничего не ответил Гаома. Она хотела его высмеять, но, вспомнив, какой он простодушный, сочла за лучшее промолчать.

Когда Гаома ушла, Сянцзы одобрительно кивнул головой, гордясь своей стойкостью. Он был очень доволен собой.

Наступили первые зимние дни. По вечерам на улицах раздавались крики торговцев: «Жареные каштаны в сахаре! Орехи, земляные орехи! Горшки, кому горшки!».

Продавцы ночных горшков торговали заодно и копилками... Сянцзы купил самую большую. Он был первым покупателем, и у торговца не оказалось сдачи. Сянцзы приглянулся самый маленький зеленый горшочек, и он с легким сердцем сказал:

– Сдачи не надо, я возьму еще вот эту штуку. Оставив копилку у себя в комнате, Сянцзы взял горшочек и пошел к хозяевам.

– Маленький господин еще не спит? Я принес ему игрушку!

Как раз в это время взрослые любовались, как купается Сяо Вэнь, сынишка господ. Увидев «игрушку», все расхохотались. Господа ничего не сказали, им, видимо, было неловко за Сянцзы, но подарок следовало принять – ведь Сянцзы хотел сделать им приятное! И они поблагодарили. Однако Гаома не удержалась:

– Ну и Сянцзы! Отличился! Большой уже детина, а что умудрился выбрать? Глаза бы не глядели!

Зато Сяо Вэшо «игрушка» очень понравилась: он тут же принялся наливать в горшок воду из ванночки, приговаривая:

– У маленького чайника большой ротик!

Все рассмеялись. Сянцзы был очень доволен собой и гордо выпрямился. Еще бы, такая радость! Ему казалось, что все смотрят на него с уважением, никогда еще он не испытывал подобного чувства.

У себя в комнате он, все еще улыбаясь, вытащил накопленные серебряные монеты и потихоньку, одну за другой, опустил в копилку. «Так, пожалуй, надежнее! Наберется нужная сумма, разобью копилку об стену, серебряных монет будет больше, чем черепков!»

Сянцзы больше ни на кого не надеялся. Даже на Лю Сые, хоть он человек надежный. Деньги, конечно, не пропадут, но все же Сянцзы испытывал беспокойство. «Деньги как кольцо на руке – с ними нельзя расставаться», ^ думал он.

Становилось все холоднее, но Сянцзы согревали мысли о будущем, оно представлялось ему ясным и светлым. Землю сковали первые заморозки, ноги ощущали жесткость дорог. Земля высохла и приобрела сероватый оттенок. Особенно холодно было по утрам. От колес оставались на инее темные полосы; резкий ветер разгонял утренний туман, и тогда можно было увидеть небо, высокое, голубое, чистое.

Однажды ранним утром Сянцзы захотелось пробежаться. Холодный ветер забирался в рукава, по телу бегали мурашки, но это было приятно, как освежающий душ. Порою от ветра было трудно дышать, но Сянцзы неслись вперед, как рыба против течения; наклонил голову и стиснул зубы: чем сильнее дул ветер, тем отчаяннее мчался Сянцзы, будто решил вступить с ветром в смертельную схватку. Но вот налетел такой бешеный вихрь, что у Сянцзы перехватило дыхание. Он долго стоял с закрытым ртом, наконец сделал глубокий вдох, словно вынырнул из-под воды. И снова помчался вперед – ничто не могло остановить этого великана! Каждый мускул его напрягся, он был весь мокрый от пота, зато, когда остановился и стер с губ песок, почувствовал себя победителем. Подставив грудь ветру, Сянцзы гордо вскинул голову.

Ветер гнул деревья, трепал полотняные вывески лавчонок, срывал со стен объявления, вздымал тучи песка и пыли, заслонявшие солнце. Он выл, гудел, ревел, метался, как обезумевшее чудовище, слетевшее с небес на землю. Неожиданно вихрь закружил и завертел все вокруг, словно разбушевавшийся злой дух, а потом устремился вперед, сокрушая все на своем пути: он ломал деревья, срывал с крыш черепицу, рвал провода. Сянцзы стоял и смотрел. Он-то вырвался из объятий ветра, ветер не одолел его! Сянцзы покрепче ухватился за ручки, повернул назад, и ветер, как надежный друг, сам покатил за ним коляску.

Сянцзы то и дело попадались на глаза старые и слабые рикши. Плохонькая одежонка не защищала их даже от легкого ветерка, а налетевший вихрь рвал ее в клочья. Ноги у них были обмотаны тряпками, бедняги дрожали от холода на стоянках и наперебой предлагали пешеходам коляску, избегая смотреть друг на друга. На ходу они согревались, ветхая одежонка становилась мокрой от пота. Но стоило им остановиться, пот, замерзая, леденил спину. Навстречу ветру они и шага не могли сделать, только зря напрягали силы, пытаясь сдвинуть коляску с места. Налетал ветер сверху, они низко опускали голову; дул снизу, земля уходила у них из-под ног; при встречном ветре они поднимали Руки, будто собираясь взлететь, а когда ветер дул в спину, не в силах были удержать коляску. Бедняги принаравливались как могли; бежали из последних сил, полумертвые от усталости. Ради нескольких медяков рисковали жизнью. И когда наконец доставляли пассажира, на их черных от пыли и пота лицах выделялись покрасневшие на морозе глаза и потрескавшиеся губы.

Зимой дни коротки, на улицах почти нет людей. Промаясь до вечера и не всегда заработав на чашку риса. А дома ждут жены и дети, родители, сестры, братья. Зима для рикши сущий ад, и сам он похож на выходца из иного мира, только не бесплотного, и к тому же лишённого всех благ, которые есть в том мире. Ведь настоящим духам не приходится так мыкаться! Для рикши собачья смерть на мостовой – чуть ли не счастье и, уж во всяком случае, избавление от всех страданий. Говорят, эти бедняги у Мира-ют с блаженной улыбкой на устах.

Мог ли Сянцзы этого не знать? Но не стоит заранее думать и тревожиться. Пусть его ждет такой же конец, а пока он молод, силен и не боится ни холода, ни ветра. Одет он прилично, живет в чистой теплой комнате. Не то что эти горемыки. Конечно, зимой и ему нелегко, но не в такой мере. Сейчас он не бедствует и надеется в будущем избежать горькой участи: не будет он возить ободранную коляску и страдать от голода и холода, если доживет до преклонных лет. Сила и здоровье обеспечат ему безбедную старость. Шоферы, встречаясь с рикшами в чайной или у дома богача, считали для себя унижением даже разговаривать с ними, боялись уронить свое достоинство. Почти так же относился к старым и слабым, изувеченным рикшам Сянцзы. Рикши жили словно в аду, но каждый в своем круге. Им и в голову не приходило, что нужно действовать сообща. Каждый брел в потемках своей дорогой, мечтал создать свою семью, свой дом. Так и Сянцзы был ко всем равнодушен, заботился лишь о заработке и собственном будущем.

Все ошутимее становилось приближение Нового года. Дни стояли ясные, холодные и безветренные, улицы выглядели нарядно: в витринах новогодние картинки, фонарики, красные и белые свечи, шелковые цветы для женских шляпок, праздничные лакомства – все радовало взор и наполняло надеждой сердца людей. Каждый мечтал повеселиться под Новый год, у каждого были свои заботы.

У Сянцзы глаза разгорались, когда он смотрел на разложенные по обеим сторонам дороги новогодние товары. Господа Цао будут посылать новогодние подарки друзьям, и Сянцзы наверняка перепадет несколько мао. К тому же по праздникам хозяева обычно дарят слугам два юаня на угощение. Это, конечно, немного, но слуги всякий раз получают еще несколько медяков, провожая приехавших с поздравлениями гостей. В общем, набирается довольно приличная сумма. Не стоит пренебрегать и мелочью: давали бы побольше, а копилка не подведет.

Вечерами, на досуге, Сянцзы глядел и не мог наглядеться на своего верного друга – глиняную копилку, – она жадно поглощала деньги и ревниво их хранила. Он тихонько приговаривал: «Глотай, дружок, заглатывай монеты! Ты будешь сыт, и я буду сыт!»

Незаметно наступило восьмое декабря. Все радовались празднику и в то же время беспокоились, прикидывая, как бы получше устроить свои дела. Сутки по-прежнему состояли из двадцати четырех часов, но распоряжаться своим временем, как обычно, люди не могли. Перед Новым годом скопилось много всяких дел. Само время, казалось, напоминало о себе, заставляло торопиться и все ускоряло свой бег. Настроение у Сянцзы было отличное: оживление на улицах, бойкие крики торговцев, надежда на добавочные чаевые, предвкушение отдыха и вкусной еды в дни Нового года – все радовало.

Сянцзы решил истратить юань на подарок Лю Сые. Дорог не подарок – внимание. Да, он непременно что-нибудь купит, пойдет к старику, извинится, скажет, что был очень занят и не мог навестить его раньше, а заодно возьмет у него свои тридцать юаней. Стоит истратить один юань, чтобы вернуть тридцать!

Сянцзы ласково поглаживал глиняную копилку, представляя, как приятно будет она звенеть, когда прибавятся еще тридцать с лишним юаней. Вернуть бы только эти Деньги, тогда не о чем беспокоиться.

Как-то вечером, когда он собирался полюбоваться своей сокровищницей, его позвала Гаома: – Сянцзы, там у ворот стоит какая-то женщина, спрашивает тебя. – И тихонько прибавила: – Ну и уродина – страшна, хуже не придумаешь!

Лицо Сянцзы вспыхнуло. Он понял – дело принимает плохой оборот.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сянцзы с трудом нашел в себе силы выйти за ворота. Еще со двора он увидел под уличным фонарем Хуню и едва не лишился чувств. Ее напудренное лицо при электрическом освещении казалось зеленовато-серым, как покрытый инеем сухой лист. Сянцзы отвел глаза.

На лице Хуню были написаны самые противоречивые чувства: глаза горели желанием, рот кривился в усмешке, брови были вопросительно подняты, нос морщился от досады. Но главное, что бросалось в глаза и пугало – это выражение холодной жестокости.

Увидев Сянцзы, Хуню в растерянности сглотнула слюну. Но тут же напустила на себя безразличный вид и с отцовской ухмылкой проговорила:

– Хорош, нечего сказать! Нашкодил и носа не кажешь. Знает кошка, чье мясо съела!

Хуню говорила громко, как у себя дома, когда ругалась с рикшами. Но вдруг улыбка сползла с ее лица: она, видимо, поняла всю унижительность своего положения и закусил губу.

– Не кричи! – Сянцзы постарался, как мог, придать голосу внушительность.

– А чего мне бояться! – Хуню засмеялась недобрым смехом и уже тише продолжала: – Ясно теперь, почему ты прячешься! Видела я твою маленькую старую ведьму! Давно знаю, что ты подлец, только с виду простак. Дурачком прикидываешься!

– Тише! – Сянцзы боялся, как бы не услышала Гаома. – Сказал: не кричи! Пойдем отсюда. – Он зашагал от ворот.

– А я не боюсь! И не кричу. Просто у меня голос громкий! – огрызнулась Хуню, но последовала за ним.

Они перешли улицу и пошли по тротуару к Красной стене. Здесь Сянцзы остановился и по старой деревенской привычке присел на корточки.

– Зачем пришла?

– Дело есть! – Она выпятила живот, украдкой оглядела себя, поколебалась минутку и ласково проговорила: – Дело очень важное, Сянцзы.

Ее тихий, ласковый голос умерил его гнев. Он взглянул на Хуню. В ней по-прежнему не было ничего привлекательного, но «Сянцзы», произнесенное с нежностью, тронуло его сердце, всколыхнуло воспоминания, от которых он никак не мог избавиться. Сдержанно, но уже не так сурово, он спросил:

– Что случилось?

– Сянцзы, я жду, – она приблизилась к нему.

– Чего?

– Посмотри. – Она указала на свой живот. – Ты должен что-то придумать.

Сянцзы все понял и обомлел. Случилось то, о чем он и подумать не мог. Мысли хлынули потоком, стремительные, беспорядочные, и вдруг оборвались, как обрывается кинолента, оставляя экран пустым.

Облака скрыли луну. Пробежал ветерок, покачивая сухие листья на ветках. Тишину на улице лишь изредка нарушали кошачьи вопли. Но Сянцзы ничего не слышал. С ним творилось что-то неладное. Подперев рукой щеку, он тупо смотрел вниз, и все плыло перед глазами. Он не мог, да и не хотел ни о чем думать. Чувствовал только, что весь как-то съежился и вот-вот совсем исчезнет. Хоть бы провалиться сквозь землю! Вся жизнь рушилась, осталась лишь безысходная тоска. Сянцзы знобило, даже губы тряслись.

– Ну что ты молчишь? Скажи что-нибудь!

Хуню тоже дрожала. Она пошла вперед, Сянцзы поплелся за ней. Слова не шли на ум, руки и ноги не слушались, он словно окаменел.

– Так ничего и не скажешь? – Хуню взглянула на Сянцзы влюбленными глазами.

Сянцзы не промолвил ни слова.

– Двадцать седьмого день рождения отца, ты должен прийти.

– Я буду занят, это канун Нового года. – Несмотря на смятение, охватившее душу, Сянцзы не забыл о делах.

– Ты, негодяй, видно, не понимаешь добрых слов! Она снова повысила голос, и в мертвой тишине он

прозвучал особенно громко. Отчаяние охватило Сянцзы.

– Думаешь, я испугалась? Не хочешь по-хорошему – заплачешься. Лучше не выводи меня из терпения, а то подниму такой шум, что чертям тошно станет! Я тебя из "од земли достану! Нигде не скроешься!

– Да не кричи ты, – урезонивал ее Сянцзы, пятясь назад.

– Испугался?! Не лез бы! Побаловался – и в кусты, а мне, значит, опозоренной ходить?! Надо было думать, скотина! Что таращишься, бесстыжие твои глаза, забыл, с кем дело имеешь?

– Не надо ругаться!

Сянцзы уже не знобило, его бросило в жар от такого потока брани. Все тело чесалось, особенно голова.

– Со мной лучше не ссориться! – Хуню оскалила свои клыки. – Скажу, не кривя душой, люблю я тебя. Будь благодарен и не упрямься, а то худо будет!

– Не... – Сянцзы хотел сказать: «Не корми пряником, отхлестав кнутом», но пословица вылетела из головы. Пословиц и поговорок Сянцзы знал много, но они не приходили на ум, когда нужно.

– Договаривай!

– Ладно, я уж тебя послушаю.

– Давно бы так! – Хуню перевела дух и продолжала: – Свах присылать не надо, старик ни за что не согласится, не захочет породниться с человеком ниже себя. Он владелец конторы, ты – рикша. А мне все равно. Ты мне нравишься, и плевать мне на то, что скажут другие! Сколько ко мне ни сватались, все без толку, старик тут же начинает считать свои коляски. Отказывал женихам почище тебя. Теперь я сама за это дело возьмусь. Поженимся, там видно будет. Я жду ребенка, от этого никуда не денешься! Но если прямо сказать отцу, ничего не получится. На старости лет он совсем рехнулся; узнает, молодуху в жены возьмет, а меня выгонит. Не гляди, что ему вот-вот семьдесят, он еще в силе. Двух-трех детей сработает, – хочешь верь, хочешь не верь!

– Пойдем поговорим в другом месте!

Мимо уже два раза прошел постовой, и Сянцзы стало не по себе.

Перехватив его взгляд, Хуню тоже заметила полицейского.

– Никуда не надо ходить, какое ему дело до нас? Ты без коляски, чего же бояться? Съест он, что ли, тебя? Не обращай внимания... Слушай, я вот что думаю: двадцать седьмого, в день рождения старика, ты придешь к нему с поклоном. В Новый год тоже поздравишь, задобришь. А я в подходящий момент принесу закуски, вина. Он напьется, а ты его крестным отцом назови. Я намекну, что беременна. Он станет расспрашивать, что да как, – промолчу. Когда же у него лопнет терпение, скажу, что от нашего соседа Цяоэра, второго хозяина лавки похоронных принадлежностей. Он, конечно, тут ни при чем, вот уже месяц как лежит на кладбище за Дунчжимэнем, но попробуй докопайся до истины! Старик растеряется, а мы повернем дело так, что лучше всего выдать меня замуж за тебя: что крестник, что зять – не все ли равно, главное – избежать позора. Ну, как тебе мой план?

Сянцзы молчал.

Хуню предложила пройтись. Она была явно довольна собой и хотела дать Сянцзы время подумать. Ветер разорвал пелену облаков, и в просвете показалась луна. Улица заканчивалась у рва с водой. Замерзшая твердая поверхность была ровной, с сероватым отливом. Сразу за рвом высились стены Запретного города¹¹. В нем стояла мертвая тишина. Изящные башни, позолоченные мемориальные арки, ворота, покрытые киноварью, беседки Цзиншаня¹² – все безмолвствовало, будто прислушиваясь к чему-то. Печально вздохнул-прошелестел ветерок между дворцами и башнями – словно принес важную новость.

Хуню шла впереди, Сянцзы – за ней. Вот и искусственные озера перед дворцами. На мосту пустынно и тихо; бледный свет озарял два больших ледяных поля по обе стороны моста. Вдали на озерных берегах неподвижно застыли беседки, отбрасывая едва различимые тени и поблескивая

¹¹ Бывшая резиденция императоров Минской и Цинской династий

¹² Один из парков Запретного города

желтыми черепичными крышами. Деревья на ветру слегка раскачивались. Луну окутала туманная дымка. От изваяний на берегах трех озер¹³, взявших в кольцо дворцы, веяло холодом. Зловещую картину дополняла устремленная в небо белая пагода.

Хуню и Сянцзы поднялись на мост. Сянцзы замерз и дрожал. Обычно, когда он катил через мост коляску, то смотрел под ноги, боясь оступиться. Сейчас он мог оглядеться, но картина, представшая перед ним, вселила в сердце страх: серый лед, покачивающиеся тени деревьев, скорбно-белая пагода; казалось, все это с дикими воплями сейчас сорвется с места и куда-то умчится. Особенно пустынно и жутко было на белокаменном мосту, даже фонари излучали какой-то леденящий мрачный свет.

Сянцзы не хотел идти дальше, не желал ни на что смотреть, а тем более оставаться с Хуню. Он с удовольствием бросился бы вниз головой, пробил лед и замер в глубине, как мертвая рыба.

– Ну, я пошел, – буркнул он и повернул обратно.

– Значит, до двадцать седьмого! – бросила Хуню вслед удалявшейся широкой спине Сянцзы. Она кинула взгляд на пагоду, вздохнула и пошла по мосту.

Сянцзы шагал быстро, словно за ним гнался сам дьявол, ин шатался как пьяный и возле Туаньчэна¹⁴ едва не наткнулся на стенду. Прислонился к ней и чуть не расплакался. Так простоял он несколько минут, как вдруг со стороны моста донесся голос Хуню:

– Сянцзы, Сянцзы, вернись!

Он медленно повернул к мосту. Хуню с улыбкой шла ему навстречу.

– Иди сюда, Сянцзы, я тебе кое-что дам...

Не успел он сделать и десятка шагов, как она оказалась рядом.

– Возьми свои тридцать юаней! Здесь недоставало нескольких мелких монет – я добавила. Держи! Видишь, как я к тебе отношусь – забочусь, душой болею. Ничего мне не надо, только не будь неблагодарным. Возьми и спрячь хорошенько. Потеряешь – пеняй на себя!

Сянцзы взял деньги – целую пачку кредиток, – постоял молча, не зная, что сказать.

– Ну, ладно, увидимся двадцать седьмого! – засмеялась Хуню. – Не пожалеешь!

Сянцзы держал деньги и растерянно глядел ей вслед, пока она не скрылась за мостом.

Луна снова спряталась за облака, свет фонарей стал ярче. На мосту по-прежнему было пустынно, холодно, бело. Сянцзы бросился бежать как сумасшедший. И все время перед глазами у него стоял белый безлюдный мост.

У себя в комнате Сянцзы первым делом пересчитал кредитки. Пересчитал несколько раз – от потных рук бумажки слипались. Наконец засунул их в копилку и, присев на край кровати, тупо уставился на свою глиняную сокровищницу. Он решил пока ни о чем не думать. С деньгами можно найти выход из любого положения. Он был уверен, что копилка решит все вопросы, и незачем ломать голову. Юйхэ, Цзиншань, белая пагода, Хуню, ее живот... все это сон. А проснется – увидит, что в копилке тридцатью юанями больше. Это – действительность.

Налюбовавшись копилкой, Сянцзы спрятал ее и решил хорошенько выспаться. Во сне забываются и не такие неприятности. К тому же утро вечера мудренее...

Он лег, но уснуть не мог. Заботы пчелами кружились вокруг, жужжали, жалили, причиняя острую боль.

Он гнал от себя всякие мысли, да и о чем, собственно, думать, если Хуню отрезала ему все пути. Выхода не было.

Проще всего бежать из столицы куда глаза глядят. Но Сянцзы согласился бы даже сторожить пагоду на Бэйхае, лишь бы не возвращаться в деревню. А что, если уехать подальше? Но он не знал города лучше Бэйпина и не в силах был его покинуть. Даже умереть он хотел бы только здесь.

¹³ Имеются в виду Бэйхай, Чжунхай и Наньхаи (Северное, Центральное, Южное моря), окружающие Запретный город.

¹⁴ Туаньчэн (Круглый городок) – часть дворцового комплекса за южными воротами Бэйхая.

В таком случае вообще не о чем думать. Хуню сделает, как сказала. Пока своего не добьется, не отстанет. И всюду его разыщет. А с ней шутки плохи! Обозлится, так чего доброго, втянет в это дело Лю Сые. А тот подкупит одного-двоих – и прихлопнут его где-нибудь в темном углу.

Сянцзы вспомнил, что говорила Хуню, и почувствовал себя в ловушке. Он связан по рукам и ногам. Трудно разобраться во всех хитростях этой женщины, но одно он знал точно: из ее сетей не ускользнет даже самая маленькая рыбешка! Что-то огромное надвигалось на Сянцзы, давило своей тяжестью.

Не в силах избавиться от гнетущих мыслей, Сянцзы решил, что вся жизнь рикши заключается в одном слове – «горемыка». Раз ты рикша, знай свое дело и не связывайся с бабами. Свяжешься – попадешь в беду. У Лю Сые – богатство, у Хуню – бесстыдство, вот они и будут тобой помыкать. Раздумывать нечего. Хочешь жить – пойдя поклонись Лю Сые, назови крестным отцом, а потом женись на этом чудище. А недорога жизнь – плюнь на все.

Дело не только в Хуню. Такая уж у рикши жизнь! Над рикшей, как над собакой, можно поиздеваться. Стоит ли дорожить этой жизнью? Что будет, то и будет!

Сянцзы, сбросив одеяло, сел на постели. Напиться! Напиться до потери сознания, к черту дела, к черту приличия! Напиться и уснуть. А двадцать седьмого? Нет, не пойдет он кланяться Лю Сые!

Он накинул ватную куртку, взял пиалу, из которой обычно пил чай, и выбежал.

Ветер усилился и разогнал облака. Луна посылая на землю холодный свет. Сянцзы только что вылез из-под ватного одеяла и ежился, жадно вдыхая свежий воздух. На улице не было ни души; только у дороги стояли две коляски, и рикши, прикрыв уши руками, прыгали, стараясь согреться.

Сянцзы мигом добежал до лавочки. Двери были закрыты, чтобы не выдувало тепло: получали деньги и выдавали товар через маленькое окошечко. Сянцзы попросил четыре лян водки и на три медяка земляных орехов. Он осторожно нес пиалу, держа ее перед собой; бежать боялся, но шел довольно быстро, как носильщик паланкина. Возвратившись к себе, Сянцзы юркнул в постель. От холода зуб на зуб не попадал, даже страшно было высунуть руку из-под одеяла; пропало всякое желание выпить. От водки шел Резкий, неприятный запах. Не хотелось и орехов. Сон прошел, словно Сянцзы окатили ледяной водой. Постепенно он успокоился и долго лежал с открытыми глазами, иногда поглядывая на водку.

Нет, он не должен губить себя, не должен спиваться. Дела его действительно плохи, но выход можно найти. А не найдет, все равно не станет лезть в грязь. Пусть попробуют его заставить!

Сянцзы погасил свет, укрылся с головой, но сон не шел. Он снова откинул одеяло, огляделся; лунный свет поглубил бумагу на окнах. Казалось, скоро рассвет. У Сянцзы замерз даже кончик носа, торчавший из-под одеяла. Сянцзы быстро сел, нащупал в темноте пиалу и осушил одним духом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сянцзы не умел решать трудности постепенно – у него не хватало ни ума, ни терпения, а разрубить узел сразу не доставало мужества. Как всякое живое существо, он старался уйти от беды. Даже сверчок, лишившись больших ног, пытается уползти на маленьких. Но Сянцзы некуда было ползти. Он лишь надеялся, что со временем все уладится само собой, целиком положился на судьбу и перестал бороться.

До двадцать седьмого оставалось полторы недели, но Сянцзы только и думал об этом дне, даже во сне его видел. Казалось, пройди двадцать седьмое, и все образуется. Однако в душе Сянцзы знал, что обманывает себя. Иногда он думал: а что, если взять свои несколько десятков юаней и уехать в Тяньцзинь? Может быть, ему повезет, удастся сменить профессию! Не станет же Хуню и там его преследовать! Любое место, куда надо было ехать по железной дороге, казалось Сянцзы далеким, недостижимым для Хуню. Но разум подсказывал, что это не выход. Нет, он готов на все, лишь бы остаться в Бэйпине.

Перед ним снова и снова вставало двадцать седьмое число. Скорей бы прошел этот день!

Может быть, он как-нибудь выпутается из беды? А если не удастся, по крайней мере, все будет уже позади.

Но что тут можно придумать? Либо забыть о Хуню и не ходить к Лю Сые, либо сделать, как она велела. Неизвестно, что хуже! Не пойдешь – она не уймется, пойдешь – все равно не пощадит. Ему вспомнилось, как он впервые взял коляску и, подражая опытным рикшам, нырлял в переулки, чтобы сократить расстояние, ошибался, плутал по незнакомым улочкам, кружил и возвращался на прежнее место. Словно попал в лабиринт. Вот и сейчас: куда ни кинься – выхода нет.

Дело принимало дурной оборот. Жениться на Хуню? При одной этой мысли в нем поднималось отвращение. Вспоминая, как она выглядит, он сокрушенно тряс головой. А как ведет себя? И он, такой работающий, такой порядочный, возьмет в жены этот подпорченный товар? Да он людям в глаза не сможет смотреть! Перед родителями на том свете стыдно будет предстать! И кто поручится, что она ждет ребенка от него? Да и есть ли у нее деньги на коляски? Со стариком Лю шутки плохи! Все равно Сянцзы долго не вытерпит. Как жить с такой, как Хуню? От ее выходок любой рехнется. А какой она бывает жестокой! Нет, если он и задумает жениться, то не на ней. Об этом и говорить нечего. Взять ее в жены – значит погубить свою жизнь. Но что делать?

Сянцзы ругал себя, готов был хлестать по щекам. Но в чем он виноват? Она сама все подстроила, расставила ему сети. А он в них попался. Простачки всегда попадают. Где же тут спрашивать?

Сянцзы некому было излить душу, ни родных, ни Друзей нет, и это его угнетало больше всего. Раньше он прочно стоял на земле и ни в ком не нуждался, а сейчас понял, что одному жить нельзя. Рикши, его собраты по ремеслу, казались ему теперь особенно близкими. Будь У него среди них друзья, он не испугался бы и десятка таких, как Хуню. Они придумали бы выход, выручили из беды. Но он всегда был один. А так, вдруг, приятеля не найдешь! Впервые в жизни он испугался. Пока он один, всякий может его обидеть: одному со всеми бедами не справиться.

Страх породил мрачные мысли. Зимой, когда хозяин бывал на банкетах или в опере, Сянцзы обычно прятал Резервуар от карбидного фонаря у себя на груди, чтобы вода не замерзла. Когда холодная, как лед, банка прикасалась к разгоряченному, потному телу, Сянцзы бросало в дрожь, но приходилось терпеть, и порой долго, пока Резервуар не согреется. Прежде Сянцзы считал, что так и должно быть. Иногда он даже чувствовал свое превосходство над рикшами, которые возили старые, обшарпанные коляски, – у них не было таких фонарей. Но сейчас ему казалось несправедливым, что за какие-то жалкие гроши он Должен еще заботиться об этой проклятой банке, согревать ее на своей груди. Грудь у него, правда, широкая, но что толку, если она ценится дешевле банки с карбидом! Подумать только: его жизнь и здоровье дешевле карбидного фонаря! Не удивительно, что даже Хуню может его обидеть.

Через два дня господин Цао вместе со своим приятелем вечером поехал в кино. Сянцзы ждал его в маленькой чайной, как обычно, согревая на груди холодную банку.

День выдался морозный. Окна и двери чайной были плотно закрыты. В комнате стоял смрад, пахло потом и дешевым табаком. Некоторые рикши, сомлев в духоте, дремали, прислонившись к стене, другие не спеша пили зодку, причмокивая губами, третьи, свернув лепешки, торопливо и жадно ели, краснея от натуги. С хмурым видом говорили о своих делах: выезжаешь с самого раннего утра, весь день бегом, пот не просыхает... Остальные посетители смолкали, услышав горькие слова, потом снова начинали вспоминать свои обиды, галдели, словно вороны у разоренного гнезда. Каждому хотелось излить душу. Даже рикша, который давился лепешкой, бормотал, еле ворочая языком:

– Можно подумать, что работать у одного хозяина большое счастье... Будь проклято все на свете! Я с двух часов крошки во рту не Держал... Трижды пробежал от Цяньмэня до Пинцземэня и обратно! Шутка ли! А сегодня такая погодка – даже зад себе отморозил... И голодное брюхо не дает покоя... – Он оглядел всех, сокрушенно покачал головой и снова взялся за лепешку.

Заговорили было о погоде, но тут же вернулись к своим несчастьям.

Сянцзы не произнес ни единого слова, но слушал очень внимательно. У каждого была своя манера говорить, свой выговор, но, вспоминая обиды, все волновались и бранились одинаково. То, о чем рассказывали рикши, было хорошо знакомо Сянцзы. Он впитывал их слова, как вы сохшая

земля – капли дождя. Сам он рассказать о своей беде не умел, но, слушая других¹, чувствовал, что в своем горе не одинок.

Все страдали, и он вместе со всеми. Его жизнь была тяжела, и он проникался сочувствием к ближним. Когда говорили о тяжелом – хмурился, о смешном – улыбался. Он знал, что все они – друзья по несчастью.

Прежде Сянцзы удивлялся, как это рикши могут так подолгу чесать языки – ведь болтовней сыт не будешь! Сегодня он впервые понял, что они говорят об их общих бедах – бедах всех рикш, и о его горе тоже.

В разгар беседы дверь неожиданно открылась, и в комнату ворвался поток холодного воздуха. Все сердито оглянулись. Но никто не входил, будто нарочно. Мальчик-слуга закричал:

– Побейте, дяденька милый! Холода напустишь! На пороге появился человек. Тоже рикша, на вид лет

пятидесяти. Короткая ватная куртка была вся в заплатках; на локтях и из передней полы торчала вата. Видимо, он давно не умывался, и трудно было определить, какого цвета у него кожа; только красные от холода уши напоминали созревшие помидоры. Из-под рваной шапочки выбивались седые волосы; на ресницах и коротких усах висели сосульки. Человек нащупал стул, сел и тихо с трудом произнес:

– Чаю...

В этой чайной обычно собирались рикши, имевшие постоянную работу; видимо, старик зашел сюда случайно. Все поняли, что с ним случилось нечто более серьезное, чем то, о чем они толковали. У всех пропала охота говорить. В другое время какой-нибудь зеленый юнец непременно высмеял бы такого посетителя, но сейчас было не до шуток.

Голова старика опускалась все ниже и ниже, и он вдруг свалился на пол. Все вскочили.

– Что? Что случилось?

– Стойте! – остановил их хозяин чайной, сразу смекнув в чем дело. Он подошел к старику, расстегнул ему ворот, приподнял беднягу и, поддерживая за плечи, прислонил к стулу. – Сладкой воды, быстро! – Наклонившись, он прислушался к дыханию старика и пробормотал: – Ничего страшного!

Люди стояли ошеломленные в духоте и в дыму. Не мигая, смотрели они на старика, каждый думал: «Такая же участь ждет и меня! Доживу до седых волос, так же вот свалюсь и больше не встану!»

Когда ко рту рикши поднесли сладкую воду, он застонал. Не открывая глаз, провел по лицу черной от грязи рукой.

– Выпей, – сказал хозяин на ухо старику.

– А? – Старик открыл глаза, увидел, что сидит на полу, и захотел подняться.

– Пей, пей, не спеши. Все столпились вокруг.

– Охо-хо! – вздохнул старик. Обхватив чашку обеими Руками, он медленно выпил воду, обвел всех растерянным взглядом. – Спасибо вам! Спасибо!

Голос его звучал необычайно ласково, задушевно. Казалось странным, что голос этот исходит из-под жалких обвисших усов. Старик попытался встать. Несколько человек бросились ему на помощь, усадили на стул. На лице старика проступила робкая улыбка, и он мягко произнес:

– Ничего, ничего, я сам! Замерз, проголодался, голова закружилась. Теперь все в порядке...

Он еще шире улыбнулся, и сквозь слой грязи и пыли все увидели доброе, открытое лицо.

Сердце у людей дрогнуло. У одного рикши, который уже изрядно выпил, на глаза навернулись слезы.

– Налей-ка еще два ляна, – попросил он и, когда принесли водку, поднес старику чашку.

– Выпей, прошу тебя! У меня постоянная работа, но поверь, мне тоже не сладко. Стараюсь ни о чем не думать. Год прошел, и ладно. Еще два-три года, и я стану таким же, как ты! Мне ведь уже за сорок... А тебе, наверное, скоро шестьдесят стукнет?

– Нет, мне пятьдесят пять! – Старик отпил глоток, – Холодно, пассажиров не найдешь. Вот я и бегал с голодным брюхом: было у меня несколько монет, выпил, чтобы согреться. А когда подъехал сюда, не удержался, решил заглянуть. Здесь жарко, я ничего не ел, вот и помутилось в

голове. Ничего, это пустяки!... Спасибо вам всем!

Желтовато-седые, похожие на солому волосы старого рикши, грязное лицо, даже черные как уголь руки – все, казалось, излучало свет. Так светятся древние изображения святых в заброшенных храмах, по-прежнему вызывая священный трепет. Все смотрели на старика с каким-то особым почтением, глаз с него не сводили, словно боялись, что он вдруг исчезнет.

Сянцзы все время молча стоял рядом. Но, услышав, что старик голоден, бросился на улицу и принес десяток пирожков с бараниной, завернутых в капустный лист. Подал их старику и вымолвил лишь одно слово:

– Ешь!

Потом сел на свое место и низко опустил голову, будто очень устал.

– Ой-ой! – Старик готов был заплакать от радости. – Вы мне все равно что братья! Сколько сил тратишь, пока везешь пассажира, а попробуй получи с него лишний медяк...

Он поднялся.

– погоди! Поешь сначала! – закричали со всех сторон.

– Я позову Сяо Маэра, моего внука, он караулит коляску.

– Сиди, я схожу! – вызвался рикша средних лет. – Здесь твоя коляска не пропадет, будь спокоен: напротив – полицейский участок. – Он приоткрыл дверь: – Сяо Маэр! Тебя дедушка зовет! Оставь коляску и иди скорее сюда!

Старик потрогал пирожки, но так ни одного и не съел. Когда Сяо Маэр вошел, он протянул ему пирожок:

– Сяо Маэр, внучек, это тебе!

Мальчику было лет двенадцать. Личико худенькое, а сам кажется толстым, столько намотано на него лохмотьев. Нос покраснел от мороза, из него течет, уши под рваными наушниками тоже красные. Мальчик подошел к деду, взял пирожок, надкусил и сразу схватил второй.

– Не спеши!

Старик погладил мальчика по голове, взял пирожок и стал медленно жевать.

– Дедушке хватит двух пирожков, остальное – твое! Съедем и отправимся домой, больше возить сегодня не будем. А завтра, если потеплеет, выедем пораньше. Ладно?

Мальчик кивнул головой на пирожки и, шмыгнув носом, проговорил:

– Съешь три, дедушка, мне хватит. Я отвезу тебя домой.

– Ну, что ты! – Старик улыбнулся, обвел всех взглядом. – Пойдем пешком, в коляске холодно.

Он допил водку, съел два пирожка и ждал, пока внук доест остальные. Затем вытер губы тряпкой, служившей ему платком, и сказал:

– Сына взяли в солдаты, он до сих пор не вернулся, а его жена...

– Не надо!... – закричал мальчик, давясь пирожком.

– Не бойся, они не чужие. – Старик тихонько продолжал: – Мальчик гордый, самостоятельный. Его мать ушла. Кое-как вдвоем перебиваемся. Коляска у нас старая, зато своя – не нужно платить. Сколько ни заработаем, все наше. Но трудно! Очень трудно!

– Дедушка! – Сяо Маэр дернул старика за рукав. – Надо взять еще пассажира, а то не на что купить уголь. Давал же человек двадцать медяков до Хоумэня, а ты заупрямился! Чем будем завтра топить?

– Придумаем что-нибудь. Возьму в долг фунтов пять Угольных брикетов.

– И щепы на растопку!

– Да, да! Скорее доедай и пойдем домой! – Старик встал и снова принялся благодарить: – Спасибо вам, братья мои!

Он взял за руку внука, – тот поспешно засовывал в рот последний пирожок, и они направились к выходу.

Старика пошли провожать. Первым вышел Сянцзы взглянуть на коляску.

Коляска была очень старая, лак потрескался, ручки облезли, фонарь еле держался, дуги тента стягивали веревки. Сяо Маэр вытащил из наушников спички, взял одну, чиркнул о подметку и, прикрывая грязными ручонками, чтобы не погасла, зажег фонарь. Старик поплевал на ладони,

вздохнул и взялся за ручки.

– Ну, до свиданья, братья!

Сянцзы стоял у двери и глядел им вслед. Старик что-то говорил, но голоса уже почти не было слышно. Тени, одна большая, другая маленькая, то расплывались, то становились отчетливей.

Тяжелое, прежде незнакомое чувство охватило Сянцзы. В мальчике он видел свое прошлое, в старике – будущее. Привыкший беречь каждый грош, Сянцзы был рад, что купил для этих бедняг пирожки. Лишь когда они скрылись из виду, Сянцзы вернулся в чайную. Там снова шумели, смеялись. Но Сянцзы было не до веселья. Он расплатился, вышел, подвез коляску к кинотеатру и стал дожидаться господина Цао.

Ночь выдалась холодная. Ветра не чувствовалось, но в воздухе кружилась пыль, заслоняя звезды, – видимо, где-то высоко гулял бешеный ветер. Земля потрескалась от мороза и словно поседела, дорога стала твердой и неровной. Сянцзы, постояв у кино, замерз, но возвращаться в чайную не хотелось. Он думал о своей жизни. Старик с мальчиком разбили его самую заветную мечту – ведь у них была своя коляска, а что толку? С самого первого дня, как только Сянцзы стал рикшей, он мечтал приобрести коляску и ради этого до сих пор мыкался целыми днями. Потому он и не хотел сходиться с Хуню, что рассчитывал купить коляску, собрать денег и взять в жены достойную девушку. Но вот он видел Сяо Маэра. Разве не ждет его будущего сына такая же участь? Может, напрасно он пренебрегает Хуню? Если нет выхода из этого заколдованного круга, не все ли равно, кто станет его женой? К тому же у Хуню несколько колясок, почему же не попользоваться даровым счастьем? Он ничуть не лучше других, так что нечего привередничать. Хуню так Хуню! Какая разница!

В кино окончился сеанс. Сянцзы быстро поставил на место банку с карбидом и зажег фонарь. Сбросил ватник, остался в легкой курточке. Ему хотелось стрелой пролететь весь путь до дома и на бегу забыть обо всем. Разобьется насмерть – тоже не беда!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Стоило Сянцзы вспомнить о старике и его внуке, как пропадала всякая охота думать о будущем, мечтать. Надо жить сегодняшним днем, щадить себя. Зачем стремиться к невозможному? Бедняк все равно умрет с голоду, если не в молодости, так на старости лет! Куда ни кинь – всюду клин! Он наконец понял это. Пока молод, силен и трудишься из последних сил, ты вроде человек. И глупо отказывать себе в удовольствиях. Уйдут годы – не вернешь!

Даже мысли о Хуню отошли теперь на второй план. Но стоило взглянуть на копилку, и Сянцзы думал: нет, нельзя поступать легкомысленно! Нельзя! На покупку коляски не хватает всего нескольких десятков юаней. Грех бросать на ветер деньги, доставшиеся с таким трудом. Надо идти своей дорогой! Но как быть с Хуню? Выхода нет. И он с тоской вспоминал о двадцать седьмом числе. И тогда, охваченный отчаянием, сжимал копилку и шептал: «Будь что будет, а деньги эти мои! С ними мне ничего не страшно. Станет невмоготу, плюну на все и сбегу. Лишь бы денежки были!»

На улицах становилось все оживленнее, сновали разносчики, со всех сторон несло: «Сладости! Покупайте сладости!»

Но у Сянцзы теперь не было ни малейшего желания праздновать Новый год. Чем оживленнее выглядели улицы, тем тревожнее становилось на душе. Роковой день приближался! Глаза у Сянцзы ввалились, резче обозначился шрам на щеке. На улицах давка, под ногами скользко, надо быть осторожным, а тут отвлекают всякие тревожные мысли, Сянцзы чувствовал, что теряет уверенность. Он стал забывчивым, рассеянным, вдруг ни с того ни с сего пугался. Все тело чесалось, как это бывает у детей в летнюю пору.

Во второй половине того дня, когда все совершают жертвоприношения духам и предкам, с востока подул сильный ветер. Небо заволокло тучами, и неожиданно потеплело. К вечеру ветер утих, редкими хлопьями повалил снег.

Торговцы заволновались. Потеплело! Снег! Придется посыпать сладости сахарной пудрой, чтобы не слиплись. Вскоре снег повалил сильнее, и миг вся земля побелела. После семи часов

вечера начались жертвоприношения. Всюду курились благовония, взрывались хлопушки; снегопад придавал празднику особую таинственность. Пешеходы и пассажиры на колясках заволновались: все торопились домой, чтобы принести жертвы предкам, но земля была мокрая, скользкая, и рикши не решались быстро бежать. Торговцы спешили распродать праздничные угощения. Их выкрики оглушали прохожих.

Было около девяти вечера, когда Сянцзы вез господина Цао из западной части города. Проехали Сиданьпайлоу, самый оживленный район, и повернули на Чанъаньцзе.

Здесь было спокойнее. Припорошенные снегом тротуары сверкали при свете фонарей.

Неожиданно вынырнула машина, фары осветили дорогу, и падающие снежинки стали похожи на золотистый песок. Дорога перед Синьхуамэнем, и без того широкая, от снега казалась еще шире. Она поражала простором и белизной, вызывая чувство безотчетной радости. Дома в районе Чанъаньпайлоу, ворота Синьхуамэнь с лепными карнизами, Красная стена, величественные колонны – все оделось в белый наряд. Освещенные фонарями памятники молчаливо стояли, олицетворяя собой величие древней столицы. Казалось, Бейпин вымер, остались только дворец да сосны, безмолвные под снежным покровом.

Но у Сянцзы не было времени любоваться пейзажем. Глядя на снежную, сверкающую словно яшма дорогу, расстилавшуюся перед ним, он думал лишь о том, как бы скорее попасть домой. За ровной, белой, безлюдной улицей ему чудились ворота господского дома. Однако быстро бежать он не мог. Снег был неглубокий, но прилипал к подошвам, и стряхнуть его было невозможно. Тяжелые хлопья летели в лицо, слепили, плотным слоем легли Сянцзы на плечи, и вскоре одежда его промокла насквозь.

В этом районе было не так оживленно, лишь издалека доносились взрывы хлопушек и высоко в небе рассыпались разноцветные огни. А потом становилось еще темнее. И страх западал в душу. Хотелось бежать быстрее, но Сянцзы не мог, как на грех.

Особенно раздражал его велосипедист – он увязался за ним еще в западной части города.

Подъехали к Сичанъаньцзе. Здесь было тише, и Сянцзы острее почувствовал за спиной преследователя. Он даже слышал, как скрипит снег под колесами велосипеда. Подобно остальным рикшам, Сянцзы терпеть не мог велосипедистов. К машинам он тоже не питал особой симпатии, но те хоть сигналият, можно посторониться. А велосипедисты норовят проскочить в любую щель, мечутся из стороны в сторону, мелькают перед глазами. А случись что, виноват рикша. Полицейский никогда не упустит случая его унижить.

Сянцзы так и подмывало рывком остановить коляску – пусть негодяй на нее налетит и плюхнет на землю. Но он не отваживался – рикша все обязан терпеть. Перед тем как остановиться, он должен крикнуть: «Стоп!»

Подъехали к Наньхаю. Дорога здесь довольно широкая, однако велосипедист продолжал ехать сзади, не обгонял, но и не отставал ни на шаг. Сянцзы вышел из себя, нарочно остановил коляску и начал стряхивать снег. Велосипедист тихо проехал мимо, обернулся и поглядел на него. Сянцзы подождал, пока велосипедист скроется из виду, и лишь тогда двинулся с места, выругавшись:

– Чтоб ты провалился!

В силу своего «демократизма» господин Цао не пользовался утепленным верхом, да и брезентовый велел поднимать лишь в дождь. Сейчас, когда шел небольшой снежок, господин Цао не считал нужным от него укрываться, к тому же ему хотелось полюбоваться ночным заснеженным городом. Он тоже обратил внимание на преследователя и, когда Сянцзы выругался, тихо сказал:

– Если он не отстанет, проезжай мимо дома прямо на Хуанхуамэнь, к господину Цзоу.

Сянцзы встревожился. Он вообще не любил назойливых велосипедистов, но не думал, что среди них попадаются опасные люди. Но раз господин Цао не решается подъехать к собственному дому, значит, от этого мерзавца можно ждать чего угодно. Пробежав несколько десятков шагов, Сянцзы снова наткнулся на преследователя, тот явно поджидал коляску, потому что пропустил их вперед. Окинув его внимательным взглядом, Сянцзы наконец понял: это сыщик. Ему частенько доводилось встречать этих типов в чайных, и, хотя дела с ними он ни разу не имел, хорошо знал, как они выглядят: неизменно в синих халатах и низко надвинутых фетровых шляпах.

Когда подъехали к Наньчанцзе, Сянцзы на повороте оглянулся: велосипедист не отставал. Сянцзы побежал быстрее. Дорога тянулась прямая, длинная, белая, вокруг – ни души, лишь холодные фонари по сторонам да преследователь позади! Сянцзы не приходилось бывать в подобных переделках, от волнения он весь взмок. Подъехав к парку с западной стороны, он снова оглянулся: сыщик был почти рядом. У дома хозяина Сянцзы чуть замедлил бег, но господин Цао ничего не сказал, и он побежал дальше. Свернул в маленький переулок – велосипедист за ним! Выехал на улицу – тот снова сзади! Только тут Сянцзы сообразил: чтобы проехать на Хуанхуамэнь, не нужно было сворачивать. Мысли путались, и он ругал себя. Лишь когда миновали Цзиншань, велосипедист свернул в сторону Хоумэня и исчез. Сянцзы вытер пот. Снегопад кончился, и Сянцзы залюбовался кружившими в воздухе редкими снежинками: они опускались мягко и не слепили, как пороша.

– Куда теперь прикажете? – спросил Сянцзы, обернувшись.

– К господину Цзоу. Если кто-нибудь обо мне спросит, скажешь: «Такого не знаю!»

– Хорошо. – Сердце Сянцзы тревожно забилося, но пускаться в расспросы он не посмел.

У дома Цзоу господин Цао велел Сянцзы вкатить коляску во двор и быстро закрыть ворота. Господин Цао держался стойко, хотя и был взволнован. Он вошел в дом, но вскоре вышел вместе с господином Цзоу: это был близкий друг хозяина, и Сянцзы его знал.

– Сянцзы, – быстро проговорил господин Цао, – домой поезжай на машине, скажи госпоже, что я здесь. Пусть тоже едет сюда. Только на другой машине, не на той, на которой поедешь ты. Понял? Отлично! Передай госпоже, чтобы захватила самые необходимые вещи и несколько картин из кабинета. Ясно? Я сам позвоню госпоже, а ты еще раз напомни. Боюсь, она разволнуется и все забудет.

– Может быть, мне поехать? – предложил господин Цзоу.

– Не стоит. Возможно, это был и не сыщик. Но все же надо соблюдать осторожность. Вызови, пожалуйста, машину!

Пока Цзоу звонил по телефону, господин Цао втолковывал Сянцзы:

– За машину я заплачу. Передай госпоже, чтобы собралась побыстрее. Пусть ни о чем не беспокоится, захватит только вещи сынишки и несколько картин из кабинета. Когда госпожа соберется, вели Гаома вызвать машину по телефону, и пусть едут сюда. Ясно? Когда они уедут, запри ворота и ложись спать в кабинете: там есть телефон. Ты умеешь звонить?

– Я не смогу набрать номер. Но если позвонят, отвечу.

Сянцзы не очень-то умел отвечать на телефонные звонки, однако не хотел волновать хозяина.

– Вот и хорошо! – торопливо продолжал господин Цао. – Ворот никому не открывай! Боюсь, они не оставят тебя в покое. Если нагрянут – гаси свет и через задний двор беги к Ванам. Знаешь Ванов?

– Да-да!

– Побудь немного у них, а потом уходи! Перепрыгнешь через стену и беги, иначе тебя схватят! О вещах не беспокойся. Ни о моих, ни о своих. Если пропадут, я возмещу убытки. Вот тебе пока пять юаней. Пойду звонить госпоже. А ты напомни ей, о чем я просил. Только ничего не рассказывай, – может быть, это и не сыщик. Да и сам пока не волнуйся.

Сердце у Сянцзы билось тревожно, ему хотелось о многом спросить, но он не смел, к тому же боялся забыть наставления господина.

В полной растерянности Сянцзы влез в подъехавшую машину. Снова пошел снег, скрывая пеленой все вокруг.

Сянцзы сидел выпрямившись, и голова его почти касалась верха машины. Он поневоле залюбовался яркими светофорами и никак не мог сосредоточиться. Л тут еще щетки сами двигались по переднему стеклу, вытирая влагу и снег. Это было так интересно! Не успел он собраться с мыслями, как подъехали к дому. С беспокойным сердцем выпрыгнул Сянцзы из машины.

Он уже собирался нажать кнопку звонка, когда перед ним словно из-под земли вырос человек и схватил его за локоть. Сянцзы хотел отбросить цепкую руку, но тут разглядел лицо незнакомца и замер. Перед ним стоял велосипедист.

– Не узнаешь меня? – осклабился он, отпустив локоть Сянцзы, который не знал, что сказать, и лишь тяжело дышал. – Забыл, как мы увели тебя в Сишань? Я командир взвода Сунь. Теперь вспомнил?

– А-а! Командир взвода Сунь! – пробормотал Сянцзы, так ничего и не вспомнив. В горах ему было не до того, чтобы разбираться, кто командир взвода, кто – роты.

– Ты забыл, а я тебя помню: шрам на лице – хорошая примета. Полдня за тобой ездил, думал – ошибся. И так посмотрю и этак, но шрам твой – обознаться нельзя!

– У тебя ко мне дело? – Сянцзы снова потянулся к звонку.

– Ну, конечно! И очень важное! Зайдем поговорим. – Бывший командир взвода, а теперешний сыщик позвонил сам.

– Сейчас уже поздно... – проямил Сянцзы. У него даже голова вспотела от злости. «Вот привязался! Да разве можно пускать его в дом?!»

– Не бойся, я хочу тебе помочь. – Сунь расплылся в хитрой усмешке. И как только Гаома открыла дверь, прошмыгнул в дом. – Благодарю вас, благодарю, – зачастил он и, не дав им возможности обменяться хоть словом, потянул Сянцзы к его комнате. – Здесь живешь? – осмотрелся. – О, как чисто! Неплохо устроился! Очень неплохо!

Сянцзы надоела его болтовня.

– Что у тебя за дело? Мне некогда!

– Говорю тебе: очень важное дело! – Сунь все еще улыбался, но в голосе звучала угроза. – Не стану скрывать: господин твой – бунтарь! Поймаем его – расстреляем. Он от нас не уйдет! А с тобой как-никак мы знакомы: ты служил под моим началом. И потом, я человек порядочный. Не надо бы говорить, да скажу: влип ты в историю. Тебе нужно бежать, иначе и тебя схватят. А зачем впутываться в чужие дела и отдуваться за других! Так ведь?

– Но я подведу людей! – возразил Сянцзы, вспомнив слова господина Цаб.

– Кого? – осклабился сыщик, злобно сверкнув глазами. – Людей?! Они сами виноваты. Знали, что делали, пусть теперь и выкручиваются. Стоит ли страдать из-за них? Вот посадят тебя на месяц-другой, узнаешь, каково птице в клетке. Два месяца это еще куда ни шло, а если надолго? Господа, если попадут за решетку, отделаются легким испугом. У них деньги. А у тебя, братец? Так что готовься к худшему! Но это еще не все. Богач, он даст взятку – и на воле! А с тобой, если дело получит огласку, церемониться не станут: отведут на Тяньцяо – и конец! Ну скажи, разве не обидно умирать ни за что ни про что? Ты парень толковый, зачем тебе рисковать головой? «Людей подведу!» Эх ты! Каких людей? Случись что с нами, бедняками, они нас спасать не станут.

Сянцзы перепугался. Мало он выстрадал, когда его забрали солдаты, так теперь еще очутиться в тюрьме!

– Значит, по-твоему, я должен бросить хозяев?

– Конечно. О себе лучше побеспокойся!

Сянцзы помедлил минутку, прислушиваясь к голосу совести, но совесть молчала.

– Хорошо, я уйду.

– Уйдешь? – Сунь холодно усмехнулся. – Так просто вот и уйдешь?

У Сянцзы помутилось в голове.

– До чего же ты глуп, приятель! Хочешь, чтобы я, сыщик, даром тебя отпустил?

Сянцзы от волнения не знал, что сказать.

– Не прикидывайся дурачком! – Глаза сыщика впились в рикшу. – У тебя, наверное, есть сбережения, давай их сюда в обмен на жизнь! Я ведь зарабатываю меньше тебя, а мне тоже нужно есть, пить, одеваться, да еще семью кормить. Приходится не брезговать и такими доходами. Вот и подумай, могу ли я отпустить тебя просто так? С другим и и разговаривать не стал бы! Но дружба дружбой, а служба службой! Мне тоже нужно жить. Семья моя не святым духом питается! Ну, ладно, хватит болтать. Давай деньги!

– Сколько? – спросил Сянцзы, опускаясь на кровать.

– Сколько есть!

– Я лучше в тюрьме отсижу!

– Подумай, что говоришь! – Рука сыщика скользнула в карман халата. – Смотри, раскаешь-

ся! Мне тебя забрать ничего не стоит, а станешь сопротивляться – пристрелю. Н тебя вмиг отведу куда надо! А там, за решеткой, не только деньги, одежонку последнюю отберут... Не валяй дурака, подумай!

– Нашел кого обирать! – еле выговорил Сянцзы после долгого молчания. – А почему бы тебе не сорвать куш с господина Цао?

– Он – крупный преступник. Поймаем его – наградят, не поймаем – накажут. Тебя же, дуралей, отпустить, что чихнуть, убить, что клопа раздавить! Отдашь деньги – иди на все четыре стороны, не отдашь – встретимся на Тяньцяо. Так что не медли, выкладывай все! Ты не маленький, должен понимать: мне еще надо поделиться с другими. Я, можно сказать, дарю тебе жизнь, а ты артачишься. Сколько там у тебя?

Сянцзы вскочил, сжал кулаки, вены на висках вздулись.

– Не вздумай буяннить! Предупреждаю, за воротами наши ребята. А ну, выкладывай деньги! Да поживее, пока и добрый!

– Но кому я что сделал плохого?

В голосе Сянцзы слышались слезы. Он в изнеможении опустился на кровать.

– Никому, просто влип и все. Человек счастлив только и утробе матери, а мы с тобой давно ходим по земле. – Сунь сокрушенно покачал головой, словно и его постигла беда. Я, конечно, тебя обижаю, но что делать? Ладно, хватит гинуть канитель!

Сянцзы подумал минуту. Выхода не было. Дрожащими руками он вытащил копилку из-под одеяла.

– Дай-ка взглянуть! – засмеялся Сунь и, схватив копилку, разбил об стену.

Сянцзы смотрел на рассыпавшиеся по полу деньги, и сердце его готово было разорваться от горя.

– Только и всего?

Сянцзы молчал, его лихорадило.

– Ладно, не трону тебя! Друзья есть друзья. Но ты должен понять: за эти деньги ты купил себе жизнь и вообще легко отделался!

Сянцзы по-прежнему молчал, пытаясь натянуть на себя одеяло: его бил озноб.

– Не тронь одеяло! – рявкнул сыщик.

– Холодно...

В глазах Сянцзы вспыхнул гнев и тут же погас.

– Говорю, не тронь, значит, не тронь! Убирайся вон! Сянцзы вздохнул, прикусил губу, толкнул дверь и вышел.

Снега намело много. Все вокруг было белым-бело. Сянцзы шел, опустив голову, оставляя следы на снегу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сянцзы хотелось где-нибудь сесть, обдумать свое положение. Хоть бы заплакать – может, полегчает. Все произошло с такой быстротой, что он не мог прийти в себя. Но в снег не сядешь. Чайные все закрыты. Да и зачем туда идти. Лучше побыть одному.

Сянцзы медленно брел по улице, с трудом сдерживая слезы. В этом серебристо-белом мире у него не было пристанища. Только голодные птицы да бездомные бродяги могли его понять, почувствовать его горю.

«Куда идти? В ночлежку? Чего доброго, украдут последнюю одежонку да вшей наберешься. Найти место получше? Но надо беречь оставшиеся пять юаней. Можно бы пойти в баню, но они закрываются в двенадцать часов».

Только сейчас Сянцзы почувствовал всю безвыходность положения. Он прожил в городе несколько лет и по-прежнему ничего не имел. Ничего, кроме одежды и пяти юаней в кармане. Даже одеяла с тюфяком лишился. Что делать завтра? Опять браться за коляску? Но что толку ее возить? Ни пристанища, ни денег. Стать торговцем-разносчиком? Но за пять юаней не купишь корыто и корзины. Да и что за доход от такой торговли? Рикша заработает на еду и доволен, а

чтобы заняться торговлей, нужны большие деньги. Иначе проешь все, что имеешь. А потом что? Опять братья за коляску? Это значит просто выбросить на ветер последние пять юаней. А их никак нельзя выпускать из рук: это последняя надежда. Слуги из него не выйдет: ни прислуживать, ни стирать, ни готовить он не умеет. Ничего он не знает, ничего не может. Он глупый неотесанный верзила.

Сянцзы не заметил, как подошел к Чжунхаю. Поднялся на мост. Пустынно вокруг, куда ни глянь – всюду снег. Только сейчас он заметил, что снег все еще идет. Дотронулся до шапки – промокла насквозь. На мосту не было ни души, даже постовые куда-то укрылись. Снег налипал на фонари, и казалось, они непрерывно мигают. Эта снежная пустыня вокруг вселяла в душу глубокую тоску.

Он долго стоял на мосту. Все словно вымерло – ни звука, ни шороха. Снежинки, радостно кружась, падали на землю, словно спешили тайком от людей окутать город холодным покрывалом. И в этой тишине Сянцзы вдруг услышал чуть слышный голос совести: «Не думай о себе, вспомни о семье Цао! Там ведь остались госпожа с маленьким сыном и Гаома! Разве не господин Цао дал тебе эти пять юаней?»

Не раздумывая, Сянцзы быстро зашагал к дому. У ворот виднелись следы, на дороге – две свежие колеи от колес машины. Неужели госпожа Цао уехала? Почему же Сунь не забрал их?

Сянцзы не решался войти, боялся, что его схватят. Огляделся: никого нет. Может, войти? Деваться все равно некуда. Пусть забирают! С бьющимся сердцем Сянцзы тихонько толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Прошел по коридору, увидел свет в своей комнате – в своей комнате! – и чуть не заплакал. Пригнувшись, подошел к окну, услышал кашель. Гаома! Открыл дверь.

– Кто там? А, это ты! До смерти напугал! – Гаома схватилась за сердце, села на кровать. – Что тут случилось, Сянцзы?

Сянцзы не мог вымолвить ни слова; ему показалось, что он давным-давно не видел Гаома, и на сердце у него вдруг стало тепло-тепло.

– Что же это такое? – снова спросила Гаома, чуть не плача. – Хозяин звонил, велел нам ехать к Цзоу, сказал, что ты вот-вот приедешь за нами. Ты и приехал – я ведь сама открыла тебе дверь! А с тобой какой-то парень... Я ни о чем не спросила, пошла к госпоже помочь ей собрать вещи. Ждали тебя, ждали... Пришлось нам с госпожой одним суетиться впотьмах. Малыш спал, мы его вынули из теплого гнездышка, уложили вещи, взяли из кабинета картины, а ты как сквозь землю провалился... Где ты был, я тебя спрашиваю? Кое-как собрались. Я вышла посмотреть, а тебя и в помине нет. Госпожа от гнева и страха вся дрожит. Я вызвала машину, но мы не могли оставить дом без присмотра. Решили, что госпожа поедет, а я приеду потом, когда ты вернешься. Что все это значит? Говори! Сянцзы молчал.

– Да скажи хоть слово! Чего молчишь? Что стряслось?

– Поезжай! – с трудом проговорил Сянцзы. – Быстрее!

– А ты присмотришь за домом? – Гаома немного успокоилась.

– Увидишь господина, скажи ему, что сыщик задержал меня, но потом... потом отпустил.

– Что ты городишь? – воскликнула Гаома, не понимая, шутит он или говорит серьезно.

– Слушай, – раздраженно продолжал Сянцзы, – передай господину, что его хотят арестовать. Пусть скроется где-нибудь. В доме Цзоу тоже опасно. Поезжай быстрее. Я заночую у Ванов. Ворота запиру. А завтра пойду искать работу. Я очень виноват перед господином!

– Ничего не понимаю, – вздохнула Гаома. – Ну ладно, я пошла. Малыш, наверно, замерз по дороге. Побегу! Увижу господина, обязательно передам, что ты сказал: пусть уезжает куда-нибудь! Значит, ты запирешь ворота, заночуешь у Ванов, а завтра пойдешь искать работу? Так?

Сянцзы кивнул.

После ухода Гаома он запер ворота и вернулся к себе в комнату. Осколки разбитой копилки валялись на полу. Он машинально поднял один, повертел в руках и бросил. И одеяло и тюфяк оказались на месте. Странно, что бы это значило? Вдруг Сунь не сыщик? Тогда господин Цао в безопасности, ему незачем бросать семью и прятаться. Ничего не поймешь! Сянцзы сел на кровать, но тут же вскочил. Нельзя ему здесь оставаться. Что, если Сунь вернется? В общем-то,

Сянцзы подвел господина, но Гаома передаст все, что нужно, так что можно не волноваться. Он ни разу никого не подводил, только сам вечно терпит обиды. Вот и сейчас у него отобрали деньги. А из-за кого? И он еще должен стеречь дом!

Так, разговаривая сам с собой, Сянцзы принялся собирать постель. Затем погасил огонь и отправился на задний двор. Здесь он положил постель на землю, ухватился за край стены, подтянулся и тихо позвал:

– Лао Чэн! Лао Чэн!

Лао Чэн, рикша из дома Ванов, почему-то не отзывался. Сянцзы перебросил постель – она бесшумно упала на снег, – перемахнул сам через стену и пошел разыскивать Лао Чэна: он знал, где его комнатуха. Было тихо. Видимо, все уже спали. Неожиданно Сянцзы пришла в голову мысль, что воровать – не так уж трудно. Он зашагал увереннее, снег поскрипывал под ногами. Дойдя до комнаты Лао Чэна, Сянцзы кашлянул.

– Кто там? – спросил Лао Чэн; он, наверное, только что лег.

– Это я, Сянцзы. Открой! – Сянцзы был рад, что Лао Чэн наконец отозвался.

Лао Чэн зажег огонь и, накинув старенькую куртку на меху, открыл дверь:

– Что случилось? Ты почему так поздно?

Сянцзы положил постель на пол, опустился на нее и так, молча, сидел.

Лао Чэну было за тридцать, лицо и тело его покрывали чирьи. Сянцзы не был с ним особенно дружен – поздоровается при встрече да перебросится несколькими словами. Лишь когда госпожа Цао с госпожой Ван выезжали куда-нибудь вместе, их рикшам случалось вместе попить чаю и отдохнуть. К Лао Чэну Сянцзы относился без особого уважения: тот бегал быстро, но казался каким-то разболтанным, даже ручки коляски держал кое-как. Так Сянцзы и не сдружился с ним. Хотя Лао Чэн был добрым малым.

Но сегодня Лао Чэн показался Сянцзы самым родным человеком, и он испытывал к нему чувство горячей признательности, с трудом сдерживая волнение.

Ведь только что он бродил по ночному городу, не зная, куда приткнуться, а сейчас сидит в теплой комнате. Сердце у Сянцзы начало постепенно оттаивать.

Лао Чэн снова нырнул в постель и, кивнув на снятую куртку, сказал:

– Кури, Сянцзы, сигареты в кармане.

Сянцзы не курил, но ему было неудобно отказаться; он взял сигарету и сунул в рот.

– Так что же с тобой случилось? Хозяин выгнал?

– Нет, – пробормотал Сянцзы. – Господин Цао с семьей уехал, а мне страшно одному в доме.

– Какая-нибудь беда? – Лао Чэн привстал на постели.

– Не знаю, но что-то стряслось. Даже Гаома уехала!

– И дом теперь без присмотра?

– Я запер ворота!

– Гм! – Лао Чэн призадумался. – Пожалуй, пойду скажу господину Вану!

– Завтра скажешь. Я пока сам ничего толком не знаю. Откуда было знать Сянцзы, что господин Цао читает

лекции в одном из учебных заведений, что начальство им недовольно и собирается его проучить за слишком смелые взгляды? Слухи об этом показались господину Цао несерьезными: он-то знал, как непоследовательны эти его «смелые взгляды» и как мало они в действительности значат. Единственное, что его по-настоящему интересовало, это искусство. Смешно, но его почему-то считали революционером. Просто несерьезно! И он не обращал ни на что внимания, хотя студенты и коллеги советовали ему быть осторожнее. Самоуспокоенность не гарантирует безопасности, особенно в такое смутное время.

– Зимние каникулы – самый благоприятный момент для чистки в институте. Начались расследования и аресты. Господину Цао давно казалось, что за ним следят, и сейчас, когда подозрения подтвердились, он немедленно приехал к своему приятелю Цзоу. Тот ему давно предлагал:

– В случае необходимости перебирайся ко мне! Сюда никто не посмеет сунуться.

У господина Цзоу были большие связи, а связи, как известно, сильнее закона.

– Побудешь у меня несколько дней, – пусть думают, что ты испугался, а я тем временем до-

говорюсь с кем нужно. Возможно, придется потратиться. У меня везде свои люди; они получают деньги, а ты вернешься домой.

Сыщик Сунь хорошо знал, что Цао бывает у господина Цзоу и в случае опасности укроется у него. В расчеты полиции не входило ссориться с Цзоу, ей только и нужно было припугнуть Цао. Теперь полицейские надеялись получить взятку и прекратить дело под каким-нибудь благовидным предлогом. Сянцзы тут был ни при чем, но раз уж он подвернулся под руку, почему не сорвать с него хоть несколько юаней? Так Сунь и сделал.

Есть люди, которые найдут выход из любого положения. Не таким был Сянцзы. А защитить рикшу некому. За каждую горсть риса он расплачивается потом и кровью, отдает последние силы за жалкие медяки; он стоит на самой последней ступеньке общества, обреченный на все невзгоды, которые ему несут люди, законы, жизнь.

Сянцзы выкурил сигарету, но так ничего и не придумал. Он был беспомощным, как курица в руках повара. Все пошло прахом! Ему хотелось поговорить с Лао Чэном, посоветоваться, но он толком не умел ничего объяснить. Словно онемел от обрушившихся на него бед. Купил коляску – ее отняли, скопил деньги – отобрали. Надругались над всеми его мечтами! Неужели ему суждено всех бояться, даже бродячих собак, и до самой смерти безропотно сносить обиды?

Но сейчас не время думать о прошлом. Главное – что делать завтра? К господину Цао возвращаться нельзя. Куда же идти?

– Можно мне здесь переночевать? – спросил Сянцзы. Он чувствовал себя как бездомный пес, который нашел укромное место, но боится людей.

– Конечно! Куда идти в такую непогоду? На полу ляжешь? А можешь со мной...

Сянцзы не хотел стеснять Лао Чэна – ему и на полу неплохо.

Лао Чэн вскоре захрапел, а Сянцзы сколько ни ворочался, уснуть не мог. От холодного пота ватная подстилка задубела, как на морозе. Ноги сводило судорогой. Сквозь дверные щели проникал ветер и колот, словно иголками. Сянцзы зажмурился, натянул на голову одеяло. Храп Лао Чэна раздражал. Хотелось стукнуть его – может быть, стало бы легче. Становилось все холоднее, в горле першило, но Сянцзы старался не кашлять, боясь разбудить Лао Чэна.

Сон все не шел, и Сянцзы решил тихонько пойти посмотреть, что делается в доме Цао. Во дворе ни души, отчего бы не пожить? Все равно все пошло прахом! Деньги, накопленные с таким трудом, у него отобрали. Из-за господина Цао. Почему же не взять у него хоть что-нибудь? Хозяин должен возместить убыток. Это справедливо!

Глаза у Сянцзы разгорелись, он уже не чувствовал холода. «Пойду! Попытаюсь вернуть свое!»

Он поднялся, но тут же снова лег: ему почудилось, что Лао Чэн с укором на него смотрит. Нет! Он не может стать вором. Не может! Спасая свою шкуру, он и так провинился перед господином Цао. Как же можно еще и обокрасть его? Он ни за что не пойдет воровать, лучше умрет с голоду.

А если другие обворуют хозяина? Если тот же сыщик унес что-нибудь? Все равно все свалят на Сянцзы.

Сянцзы снова сел. Вдали залаяла собака. Нет, он не может. Пусть другие воруют. А его совесть должна быть чиста. Лучше стать нищим, но сохранить честь.

Он опять лег.

Гаома знает, что Сянцзы пошел к Ванам. Если ночью что-нибудь пропадет, ему не смыть позора, даже утопившись в Хуанхэ.

Ладони у Сянцзы стали влажными от волнения. Что же делать? Пробраться во двор Цао и посмотреть? Он не решался. С таким трудом откупился от сыщика, отдал все свои деньги, а теперь снова попасть в ловушку? Ну, а если дом обворуют?

Сянцзы не знал, что делать. Он снова сел. Голова едва не касалась колен, глаза слипались, но уснуть он не смел.

Казалось, ночи не будет конца.

Вдруг Сянцзы осенило. Он принялся будить Лао Чэна:

– Лао Чэн! Лао Чэн! Проснись!

– В чем дело? – Лао Чэну очень не хотелось вылезать из-под одеяла! – Горшок? Под кроватью!

– Проснись! Зажги свет!

– Что? Воры? – вскочил Лао Чэн.

– Ты совсем проснулся?

– Ага!

– Лао Чэн, вот моя постель, одежда, а вот пять юаней – их дал мне хозяин. Видишь, у меня ничего больше нет.

– Ну и что? – Лао Чэн громко зевнул.

– Ты видишь? Это мои вещи. У хозяина я ничего не взял. Видишь?

– Вижу, не взял. Мыслимое ли дело, чтобы бедняки воровали у хозяев? Нанялся – работай, не хочешь – уходи! Чужого нам не надо! Правильно я говорю?

– Но ты видел? Тут только мое... Лао Чэн засмеялся:

– Да полно тебе! Не замерз на полу?

– Ничего...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рассвет, казалось, наступил раньше обычного – это из-за ослепительно-белого снега.

Год был на исходе. Люди готовились к празднику, покупали кур, со всех сторон доносилось их кудахтанье. Звонкое пение петухов довершало картину праздничного благополучия.

Всю ночь Сянцзы не спал. Только под утро ненадолго забылся, но даже во сне ощущал тревогу. Ему казалось, что он плывет по реке, та ныряя, то выплывая на поверхность. К утру он сильно замерз, к тому же не давало покоя кудахтанье.

Он лежал, свернувшись калачиком, и не шевелился, чтобы не разбудить Лао Чэна, а кашляя, прикрывал рот одеялом. Ему не терпелось встать, но он не осмеливался.

С трудом дождался Сянцзы рассвета, когда на улице послышался шум колес и крики возниц. Он встал и, приоткрыв дверь, выглянул во двор. Снега было немного, видимо, еще в полночь снегопад прекратился. Небо как будто прояснилось, но во дворе было сумрачно, даже снег казался серым. На снегу он увидел свои следы, чуть припорошенные, но еще различимые. Чтобы хоть чем-то заняться, он отыскал в углу веник – метлы не нашел – и стал мести снег. Это оказалось нелегко. Согнувшись в три погибели, он работал старательно, но смел только верхний слой – нижний примерз к земле. Пока Сянцзы отгребал снег к двум низеньким ивам, он весь вспотел и почувствовал облегчение. Попрыгал на месте, сделал глубокий выдох, и длинная белая струя пара повисла в холодном воздухе. Сянцзы вернулся в комнату, поставил на место веник и начал сворачивать постель.

– Что, уже поздно? – зевая, спросил Лао Чэн.

Он вытер выступившие на глазах слезы, достал сигарету. Затянулся разок-другой и окончательно проснулся.

– Погоди, Сянцзы! Сейчас принесу кипятку, выпьем чаю. За ночь ты, наверное, здорово продрог.

– Может, мне лучше уйти? – вежливо спросил Сянцзы.

Но тут вспомнил все свои страхи, не дававшие сомкнуть глаз, и сердце болезненно сжалось. Куда он пойдет?

– Что ты останься! Я тебя угощу!

Лао Чэн поспешно оделся, не застегиваясь, подпоясался и выбежал с сигаретой в зубах.

– О, да ты, я смотрю, двор подмел? – удивился он. – Вот молодец! Сейчас попьем чайку!

У Сянцзы отлегло от сердца. Вскоре Лао Чэн вернулся с двумя небольшими мисками сладкой каши и целой кучей пончиков и лепешек, обсыпанных кунжутными семечками.

– Чай еще не готов, поешь пока каши. Ешь, ешь! Мало будет – хозяева еще дадут, не хватит – сами купим, а то в долг возьму. Работа наша тяжелая, значит, есть надо досыта. Давай, не стесняйся!

Комнату заполнил холодный утренний свет. Лао Чэн и Сянцзы ели молча, с большим аппетитом и громко чавкали.

– Ну как? – спросил Лао Чэн, ковыряя в зубах, когда в чашках ничего не осталось.

– Хорошо, но мне надо идти! – ответил Сянцзы, поглядывая на свернутую постель.

– Да ты хоть Расскажи, что у вас приключилось! Я так и не понял.

Лао Чэн протянул Сянцзы сигарету, но тот покачал головой.

Подумав немного, Сянцзы решил, что молчать неудобно. Запинаясь, он поведал Лао Чэну о своей беде.

Лао Чэн долго сидел, выпятив губы, с понимающим видом.

– Непременно сходи к господину Цао, – наконец произнес он. – Этого нельзя так оставить. Да и деньги жалко. Ты ведь сказал, что господин Цао велел тебе бежать в случае опасности. А тебя сразу схватил сыщик, только ты вылез из машины. Надо было спасать свою жизнь. В чем же твоя вина? Пойди к господину Цао, Расскажи всю правду. Он не станет тебя ругать, а то и убытки возместит. Оставь постель здесь и отправляйся. Дни нынче короткие – солнышко только взошло, а уже восемь часов. Иди же скорее!

Сянцзы ожил. Он, правда, чувствовал себя виноватым перед господином Цао, но в словах Лао Чэна была своя правда: когда на тебя наводят пистолет, где уж тут думать о чужих делах!

– Иди! – торопил его Лао Чэн. – Ты вчера растерялся – так бывает, когда случится беда. Я даю тебе верный совет. Я все же постарше и жизнь знаю лучше. Ступай! Уже поздно.

Ясное голубое небо, искрящийся на ярком солнце снег – все радовало душу! Только было Сянцзы собрался уходить, как в ворота постучали.

Лао Чэн вышел посмотреть и крикнул:

– Сянцзы, тебя спрашивают!

Страхивая снег с ног, на пороге появился Ваньэр, рикша господина Цзоу. Он замерз, из носа текло.

– Входи скорее! – заторопил его Лао Чэн. Ваньэр вошел.

– Вот, значит, – начал он, потирая руки, – я пришел присмотреть за домом. Как туда пройти? Ворота заперты. Снегу, значит, намело. Холодно, ой, как холодно. Значит, господин Цао с госпожой уехали рано утром не то в Тяньцзинь, не то в Шанхай, не скажу точно. Господин Цзоу, значит, приказал мне присмотреть за домом. Холодно-то как, ой, холодно!

Сянцзы чуть не расплакался. Господин Цао уехал! Вот невезенье! После долгого молчания Сянцзы спросил:

– Господин Цао не говорил обо мне?

– Да вроде бы нет! Еще до рассвета, значит, поднялись, некогда было говорить. Поезд, значит, ушел в семь сорок. Так как мне пройти в дом? – заторопился Ваньэр.

– Перелезь через забор, – буркнул Сянцзы. Он взглянул на Лао Чэна, словно перепоручая ему Ваньэра, а сам взял свой постельный сверток.

– Куда ты? – спросил Лао Чэн.

– В «Жэньхэчан», куда же еще? – В этих словах прозвучали обида, стыд и отчаяние. Ему осталось смириться! Все пути теперь для него отрезаны, остался один – к Хуню, этой уродине. Как он заботился о своей чести, как хотел выбиться в люди! И все ни к чему... Видно, ему суждена такая горькая участь!

– Ладно, иди, – согласился Лао Чэн. – Я могу подтвердить при Ваньэре: ты ничего не тронул в доме господина Цао. Иди! Будешь поблизости, заглядывай. Если мне что-нибудь подвернется, буду иметь тебя в виду. Я провожу Ваньэра. Уголь там есть?

– И уголь и дрова – все в сарае на заднем дворе. Сянцзы взвалил узел с постелью на плечи и вышел. Снег уже не был таким чистым, как ночью: посреди

дороги, придавленный колесами, подтаял, а у обочин его изрыли следы. С узлом на плечах, ни о чем не думая, Сянцзы шел и шел, пока не очутился перед «Жэньхэчаном». Он решил войти сразу, стоит остановиться – и не хватит смелости переступить порог. Лицо горело. Он заранее придумал, что скажет: "Я пришел, Хуню. Делай как знаешь! Я на все согласен"

Увидев Хуню, он несколько раз повторил про себя эту фразу, но произнести ее вслух не по-

вернулся язык.

Хуню только что поднялась, волосы были растрепаны, глаза припухли; на темном лице жировики, словно у общипанной замороженной гусыни.

– А, Сянцзы! – приветливо сказала она, в глазах мелькнула радость.

– Вот пришел, хочу взять напрокат коляску!

Опустив голову, Сянцзы смотрел на снег, прилипший к ботинкам.

– Поговори со стариком, – тихо сказала Хуню, кивнув на комнату отца.

Лю Сые сидел перед большой горячей печью ж пил чай. Увидев Сянцзы, он спросил полусуто:

– Ты жив еще, парень? Совсем забыл меня! Посчитай-ка, сколько дней не показывался! Ну, как дела? Купил коляску?

Сянцзы покачал головой, сердце его сжалось от боли.

– Дашь мне коляску, Сые?

– Снова не повезло? Ладно, выбирай любую! – Лю Сые налил Сянцзы чая.

– На, выпей!

Сянцзы взял чашку и стал пить большими глотками. От чая и печного тепла его разморило и стало клонить ко сну. Он поставил чашку и собрался уходить.

– погоди! Куда торопишься? Ты пришел очень кстати. Скоро день моего рождения. Я хочу поставить праздничный навес, пригласить гостей. Так что коляску пока не вози, поможешь мне. Они, – Лю Сые кивнул на рикш во дворе, – народ ненадежный, сделают кое-как. Не то что ты. Тебе и говорить ничего не надо, сам все знаешь. Сперва уберешь снег, а в полдень приходи на гохо¹⁵.

– Хорошо, Сые.

Сянцзы решил: раз уж он возвратился, пусть делают с ним, что хотят. Он покорился судьбе.

– Ну, что я тебе говорила? – подросла тут Хуню. – Второго такого не найдешь.

Лю Сые улыбнулся, а Сянцзы опустил голову.

– Идем, Сянцзы, – сказала Хуню. – Я дам тебе денег, купишь хорошую бамбуковую метлу. Надо побыстрее убрать снег: сегодня придут делать навес.

Когда они вошли к ней в комнату, она, отсчитывая деньги, тихо проговорила:

– Не робей! Постарайся угодить старику! И все будет в порядке!

Сянцзы ничего не ответил. Сердце его словно окаменело. Пройдет день, и ладно. Дадут поесть – хорошо, предложат чай – попьет, найдется работа – поработает. Только бы ни о чем не думать.

Как осел, который вертит жернова, он ничего не хотел знать, понимать – не бьют, и на том спасибо. И все же трудно смириться. Тоска заедала. За работой он забывался, по едва выдавалась свободная минута, на него накатывало что-то расплывчатое, бесформенное, как морская губка, начинало душить, вызывало тошноту. Он работал до изнеможения, чтобы потом погрузиться в тяжелый сон. Ночью спал, днем работал. Мел снег, ходил за покупками, заказывал карбидные фонари, чистил коляски, переставлял мебель, спал, ел и пил. Но все делал как автомат. Угнетало лишь вызывавшее тошноту чувство – эта «губка»...

Снег во дворе был убран, а на крыше сам постепенно растаял. Пришли мастера. Договорились сделать праздничную пристройку во весь двор, с карнизом, перилами и стеклянной перегородкой, чтобы на ней можно было развесить картины и шелковые свитки с поздравительными надписями. Деревянные проемы решено было обтянуть красной материей. Перед главным и боковым входами старик задумал повесить гирлянды, а кухню устроить на заднем дворе. Он хотел пышно отпраздновать день своего рождения.

Дни стояли короткие, и до сумерек мастера успели только поставить навес, затянуть его материей и сделать перила; развесить картины и украшения над дверями обещали на следующее утро. Лю Сые даже позеленел от злости. Но делать нечего. Он послал Сянцзы за фонарями и велел

---

¹⁵ Гохо – блюдо китайской кухни: мелко нарезанное мясо, рыбу ж «овощи гости варят сами в кипящем бульоне».

поторопить повара, опасаясь, как бы и тот его не подвел. К счастью, с угощением все оказалось в порядке, зря старик волновался.

Только Сянцзы вернулся, как Лю Сые велел ему идти к соседям занять на день мацзян, комплекта три-четыре. Кто же справляет день рождения без веселой игры? Сянцзы принес мяцзян, и тогда его послали за патефоном: на празднике должна быть музыка! Так Сянцзы бегал без передышки до одиннадцати часов. К вечеру едва передвигал ноги. Коляску и то легче возить. Может, потому, что он привык?

– Хороший ты парень! – сказал Лю Сые. – Молодец! Будь у меня такой сын, я бы умер спокойно. Иди отдыхай, завтра еще найдутся дела. Хуню подмигнула Сянцзы.

На следующее утро снова пришли мастера. Повесили картины с эпизодами из «Троецарствия»: «Три сражения с Люй Бу», «Сражение у Чанбаньпо», «Лагерь в огне» и другие; главные герои и второстепенные – все были верхом, с пиками в руках. Лю Сые остался доволен картинами. Вскоре привезли мебель. Под навесом поставили восемь стульев с чехлами, расшитыми красными цветами... Праздничный зал находился в средней комнате – там стояли эмалевая курильница и подставки для свечей. Перед столом положили четыре красных коврика.

Сянцзы послали за яблоками. Хуню незаметно сунула ему два юаня, чтобы он заказал от себя в подарок отцу праздничный пирог в форме персика, с изображением восьми даосских святых. Когда яблоки были уже на столе, принесли пирог и поставили рядом. С восемью даосскими святыми он выглядел весьма эффектно.

– Это от Сянцзы, – шепнула Хуню на ухо отцу. – Видишь, какой он догадливый.

Лю Сые улыбнулся Сянцзы.

Не хватало только большого поздравительного иероглифа «долголетие», который кладут в центре праздничного зала. Обычно его преподносят друзья. Но поздравления пока никто не прислал, и Лю Сые начал злиться.

– Я о них пекусь, помогаю в трудную минуту, а им до меня и дела нет! Будь они все прокляты!

– Что ты волнуешься? Ведь стол накрывать будем завтра, – утешала его дочь.

– Хочу приготовить все заранее. Послушай, Сянцзы, фонари нужно повесить сегодня. Если не пришлют до четырех часов, я им покажу!

– Пойди поторопи их, Сянцзы! – обратилась к нему Хуню: при отце она все время старалась найти для него какое-нибудь дело. Сянцзы безмолвно повиновался. – Хороший парень, верно, отец? – ухмыльнулась Хуню. – Тебе бы такого сына. Да вот, видишь, родилась я, ничего не поделаешь. Хоть усыновляй Сянцзы! Ты погляди – за целый день ни разу не присел, везде поспевает!

Вместо ответа Лю Сые сказал:

– Где патефон! Заведи-ка!

Звуки старого патефона терзали слух, как вопли кошки, которой наступили на хвост. Однако Лю Сые это вполне устраивало: чем громче, тем лучше.

К полудню управились со всеми делами. Оставалось лишь накрыть на стол, но это должен был сделать повар. Лю Сые все осмотрел сам. Любуясь украшениями и расставленными повсюду цветами, он удовлетворенно кивал головой.

Вечером для подсчета подарков Лю Сые пригласил из угольной лавки «Тяньшунь» господина Фэня, родом из Шаньси. Господин Фэнь был мастером своего дела. Он велел Сянцзы купить две красные приходо-расходные книги и лист красной бумаги. Разрезав бумагу, написал несколько поздравительных иероглифов и развесил их. Лю Сые, заметив, что господин Фэнь – человек толковый, предложил ему партию в мацзян, но тот отказался – знал, что старик его обыграет. Раздосадованный, Лю Сые обратился к рикшам:

– Сыграем в кости на деньги! Ну, кто из вас смелый?

Каждый не прочь был сыграть, но боялся. Все знали, что Лю Сые держал когда-то игорный притон.

– Труссы! И как вы только на свете живете! В ваши годы я не думал, сколько у меня в кармане. Проиграю и ладно. Ну, кто хочет?

– На медные деньги? – спросил один рикша, выступив вперед.

– Оставь себе свои медяки! Лю Сые с сопляками не играет. – Старик залпом выпил стакан чаю и вытер лысину. – Ладно, потом сами просить будете, а я не стану!... Послушайте-ка, скажите всем, что у меня завтра праздник: вечером соберутся гости. Поэтому завтра сдайте коляски до четырех часов, чтобы не греметь на дворе. Всю выручку оставьте себе, за коляски можете не платить! Пусть каждый скажет обо мне доброе слово, у кого совесть есть. Послезавтра, в день моего рождения, вывозить коляски не разрешаю. Утром, в половине десятого, для вас накроют стол: шесть мясных блюд, два рыбных, четыре холодных и гохо. Довольны? Приходите в длинных куртках; кто явится в короткой – выгоню! Поедите – и убирайтесь! Я буду принимать родных и друзей. Им подадут морские закуски, шесть холодных блюд, шесть горячих, четыре мясных и тоже гохо. Только не завидуйте! Опять-таки, у кого есть совесть, приходите с подарками. Придете с пустыми руками – поклонитесь трижды. И то хорошо. В общем, все должно быть как положено. Понятно? Вечером могу опять угостить. Что останется – ваше. Но раньше шести не являйтесь...

– Завтра вечером будет много пассажиров, – сказал пожилой рикша – Не резон нам ставить коляски в четыре часа...

– Тогда возвращайтесь после одиннадцати. Главное, не гремите, пока у меня гости! Помните: вы рикши, а я хозяин! Ясно?

Все молчали. Обида и гнев переполнили сердца. Конечно, неплохо оставить себе дневную выручку, но разве явишься потом без подарка? Придется истратить, по крайней мере, монет сорок. К тому же слова Лю Сые задели их за живое: у него, видите ли, день рождения, а им надо прятаться, словно крысам! Да еще не выезжать с колясками двадцать седьмого числа, в самый доходный день накануне Нового года! Лю Сые, конечно, может пожертвовать дневной выручкой, но рикшам невыгодно весь день болтаться без дела. Вот все и молчали, не благодарили хозяина за его «доброту».

Когда Лю Сые ушел к себе, Хуню окликнула Сянцзы: «И тут все обрушились на него, дав волю гневу».

В эти дни всем казалось, что Сянцзы из кожи вон лезет, подмазываясь к хозяевам, угождает, хватается за любую работу. Но у Сянцзы и в мыслях такого не было: он помогал Лю Сые, чтобы избавиться от тоски. Он ни с кем не разговаривал, да и о чем было говорить? Но рикши не знали, какое у Сянцзы горе, считали, что он подлизывается к Лю Сые, и сторонились его. Еще в них вызывало что-то вроде ревности внимание, оказываемое Сянцзы дочерью хозяина. А тут еще одна обида – Лю Сые не пригласил их под праздничный навес! А Сянцзы пригласил, и тот наверняка будет целый день обедаться всякими вкусными вещами. Почему такая несправедливость? Вот и сейчас Хуню зачем-то позвала Сянцзы!

Рикши проводили его взглядами, полными ненависти, казалось, они готовы наброситься на него с кулаками. Хуню и Сянцзы вошли под навес и заговорили в чем-то при свете фонаря... Видали? Все понятно...

Рикши ехидно переглядывались и многозначительно кивали головами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Торжества в доме Лю были в полном разгаре. Лю Сые радовался, что собралось столько народу, а главное, что поздравить его пришли и старые приятели. Он чувствовал свое превосходство и был счастлив, что праздник проходит шумно и весело, не так, как это бывает у других. Друзья явились в старомодной одежде, а сам он надел халат на меху и новую куртку. Когда-то многие из них были богаче его, но через два-три десятка лет все изменилось: одни кое-как зарабатывали на жизнь, другие совсем обеднели. Глядя на нарядно украшенный зал с картинками из «Троецарствия», на стол, уставленный яствами, он чувствовал себя на голову выше своих гостей. Настроение у него было хорошее, и он собирался играть в мацзян на деньги, что считалось вполне приличным.

Но среди всеобщего оживления Лю Сые вдруг почувствовал себя одиноким. Привыкнув к холостой жизни, он думал, что к нему на праздник соберутся лишь хозяева лавок с приказчиками да знакомые соседи-холостяки. Он и не предполагал, что среди гостей окажутся женщины! Хуню

ухаживала за гостями, но ему было горько, что у него нет жены, только дочь, да и та смахивает на мужика. Лю Сые давно женился бы, будь у него сын, завел еще детей и под старость не чувствовал бы себя таким одиноким. Да, псе у него есть, кроме сына. И с каждым годом все меньше надежды его иметь.

День рождения – событие радостное, но Лю Сые готов был заплакать. Дела у него идут хорошо, но некому их передать! Для чего же все это нужно?

В первой половине дня Лю Сые с важным видом принимал поздравления и чувствовал себя героем. Но после полудня настроение испортилось. Некоторые женщины пришли с детишками. Сые смотрел на них с умилением и в то же время досадовал. Особенно оттого, что не решался их приласкать. Ему хотелось дать волю своему гневу, но он сдерживался. Не затевать же скандал перед друзьями и родными! Скорее бы прошел этот день и кончились его мучения.

И еще одно обстоятельство испортило ему праздник. Утром, когда подали угощение для рикш, Сянцзы чуть не затеял с ними драку.

Рикши сели за стол в восемь утра. В душе каждый роптал: хорошо, конечно, что накануне им оставили дневную выручку, но ведь они пришли не с пустыми руками принесли подарки: кто за десять медяков, кто за сорок. В обычные дни рикша – самый презренный человек, а Лю Сые – хозяин и бог, но сегодня они его гости, и он должен относиться к ним с уважением. А тут поел и изволь уходить. Да еще без коляски. И это накануне Нового года!

Сянцзы хорошо знал, что его не выгонят, но сел к столу вместе с рикшами, чтобы быть наравне с ними. К тому же сразу после угощения надо было приниматься за работу. И тут рикши выместили на нем свою злость. Как только он к ним подсел, кто-то сказал:

– Эй, ты же у хозяина дорогой гость! С нами тебе не место.

Сянцзы лишь ухмыльнулся – он отвык от шуточек рикш и не сразу понял смысл сказанного. Да и сами рикши не позволяли себе говорить лишнее при Лю Сые – уж лучше наесться вдоволь! Закусок подали маловато, зато выпивки вдоволь – на то и праздник! И все старались утопить обиду в вине. Одни напивались угрюмо, другие – смеясь и шутя. Сянцзы, не желая отставать от компании, тоже опрокинул несколько рюмок. Выпили много. Глаза у всех покраснели, языки развязались.

– Эй, Лото, а тебе здорово повезло! – сказал кто-то. – Ешь вдоволь, ухаживаешь за хозяйской дочкой. Скоро коляску бросишь. Куда лучше ходить в помощниках у хозяина.

Сянцзы старался не принимать эти шуточки близко, к сердцу. Вернувшись в «Жэньхэчан», он отказался от своей мечты и во всем положился на судьбу. Пусть болтают что хотят, он все терпит. Тут один рикша сказал:

– Сянцзы выбрал дорожку полегче. Мы зарабатываем на жизнь горбом, а он... угождает хозяйке.

Все расхохотались. Это было явное издевательство. Сянцзы сносил и не такие обиды. Стоит ли обращать внимание на всякую болтовню! Но его молчание еще больше всех раззадорило, и рикша, сидящий рядом, крикнул:

– Когда станешь хозяином, не забудь старых друзей!

Сянцзы ничего не ответил.

– Что же ты молчишь, Лото?

– Как же я могу стать хозяином? – покраснев, тихо спросил Сянцзы.

– Очень просто! Стоит только свадебной музыке заиграть...

Сянцзы хоть и не сразу, но понял намек. Кровь отлила от лица. Разом вспомнились все обиды, и ярость заполнила душу. Он терпел все эти дни, но сейчас его терпение лопнуло. А тут еще кто-то, тыча пальцем, подлил масла в огонь:

– А ты, оказывается, хитрец, Лото! Расчет у тебя тонкий. Ну, что молчишь, жених?

– А ну, выходи, поговорим! – Сянцзы вскочил со своего места.

Все замерли. Ведь драться никто не собирался, просто хотели подразнить Сянцзы, позубоскалить.

Все смолкли, как птицы, завидев орла. Сянцзы стоял в ожидании. Он был на голову выше всех, сильнее всех, знал, что им не одолеть его, но чувствовал себя таким одиноким! Горечь и

злорадушили его.

– Ну, кто решится? Выходите же, трусы!

Все заговорили наперебой:

– Полно тебе, Сянцзы! Успокойся! Мы пошутили!

– Сядь! – велел Лю Сые и одернул остальных: – Нечего обижать человека! Я не стану разбирать, кто прав, кто виноват, – всех вышвырну вон! Ешьте скорее!

Сянцзы вышел из-за стола. Рикши снова принялись за еду и питье, поглядывая на старика. А вскоре опять загалдели, когда миновала опасность.

Сянцзы долго сидел на корточках у ворот, дожидаясь, пока рикши выйдут. Пусть только посмеют повторить то, что сказали. Он им покажет! Ему терять нечего. Ни перед чем не остановится!

Но рикши выходили по трое, по четверо и не задевали его. В общем, до драки дело не дошло. Сянцзы поостыл. Ведь он и сам был не прав. Пусть они ему не друзья, но разве можно из-за какого-то слова бросаться на людей? Совестно ему стало – и муторно. Но поразмыслив, Сянцзы решил, что не стоит так уж переживать, и поднялся. Другие дерутся, скандалят семь раз на дню, и то ничего. Много ли проку от порядочности? А что, если дружить с кем попало, пить за чужой счет, курить чужие сигареты, не возвращать долгов, не уступать дорогу машинам, справлять нужду где вздумается, затевать ссоры с полицейскими? Ну, отсидишь день-другой в участке – экая важность! Ведь живут так другие рикши, и живут веселее, чем он! Кому нужны его честность и порядочность? Нет, лучше быть таким, как все!

«Разве плохо, – размышлял он, – никого не бояться ни на этом, ни на том свете, не давать себя в обиду, не обращать внимания на толки и пересуды». Теперь Сянцзы уже жалел, что не затеял драку. Ничего, никому больше спуска не даст!...

Лю Сые, между тем, вспоминая все, что видел и слышал последние дни, многое понял. Ничто не ускользало от его острого взора. Так вот почему Хуню вдруг стала такой доброй, послушной. С Сянцзы глаз не спускает...

Старик потерял покой и чувствовал себя еще более несчастным и одиноким. Подумать только! У него нет сына, но он не стал обзаводиться новой семьей, а единственная дочь глядит на сторону! Выходит, напрасно он трудился всю жизнь! Сянцзы – парень хороший, но дочери в женихи не годится. Вонючий рикша! Стоило ли всю жизнь пробивать себе дорогу, рисковать головой, сидеть в тюрьмах, чтобы все – и дочь, и имущество – прибрал к рукам этот деревенский верзила? Не выйдет! Кого-кого, а Лю Сые не проведешь! Он прошел и огонь и воду!

Гости приходили и во второй половине дня, но старик уже потерял ко всему интерес. Чем больше восхваляли его успехи, тем бессмысленнее они ему казались.

Смеркалось, когда гости начали расходиться. Осталось лишь человек десять ближайших соседей и приятели, сели играть в мацзян. Глядя на опустевшую праздничную постройку во дворе, на столы, ярко освещенные карбидными фонарями, старик еще сильнее ощутил тоску. Ему казалось, что и после его смерти все будет выглядеть точно так же, только постройка будет не праздничная, а траурная и никто ни дети, ни внуки – не станет молиться о его душе, чужие люди всю ночь напролет будут играть у его гроба в мацзян. Ему хотелось дать волю гневу. Но не на приятелях же отводить душу! И вся его злость обратилась против Хуню: смотреть на нее тошно! И Сянцзы, пес, все еще здесь! Вон какой – шрам у него на лице! При свете ламп он особенно выделяется. Старика распирало от ненависти.

Хуню, разодетая в пух и прах, обычно грубая и бесцеремонная, сегодня с достоинством принимала гостей, стараясь заслужить похвалу и показать себя перед Сянцзы. Но после обеда устала, ей все надоело. Она была не прочь с кем-нибудь поругаться, сидела как на иголках и хмурила брови.

После семи часов Лю Сые стало клонить ко сну. Играть в мацзян он отказался, а когда согласился, чтобы скрыть свое дурное настроение, и сказал, что будет играть только на деньги, гости не хотели ради него начинать сызнова партию. Тогда он сел в сторонке, выпил еще несколько рюмок, чтобы взбодриться, и стал ворчать, что не наелся, что повар взял много денег, а стол получился небогатый. В общем, радость, которую он испытывал днем, бесследно исчезла. Ему каза-

лось, что праздничная постройка, повар и остальное не стоят затраченных денег. Все словно сговорились побольше с него содрать и обидеть.

К этому времени господин Фэнь закончил подсчет подарков: двадцать пять полотнищ красного шелка с вышитыми знаками долголетия, три поздравительных пирога в форме персика, кувшин праздничного вина, две пары светильников и юаней двадцать деньгами, главным образом мелочью.

Выслушав Фэна, Лю Сые еще больше распалился. Знал бы, ни за что не стал приглашать гостей! Их угощаешь изысканными яствами, а они благодарят медяками! Сделали из старика пошмешище! Он больше не станет отмечать день своего рождения, тратиться на таких невежд! Видно, им всем просто хотелось набить брюхо за его счет. До семидесяти дожил, всегда умным считался и вдруг взял и сдуру потратился на эту стаю обезьян!

Старик простить себе не мог, что радовался днем, словно последний дурак. Он ворчал и сыпал проклятиями, какие редко услышишь даже в полицейском участке.

Друзья еще не разошлись, и Хуню, заботясь о приличиях, старалась предотвратить скандал. Пока все были заняты игрой и не обращали на старика внимания, она молчала, опасаясь, как бы не испортить дела своим вмешательством. Старик поворчит, гости сделают вид, что не слышали, и все обойдется.

Кто же мог знать, что он и до нее доберется?! Сколько она бегала, хлопотала – и никакой благодарности. Этого стерпеть она не могла. Не будет она больше молчать! Пусть отцу семьдесят, пусть хоть восемьдесят – надо думать, что говоришь!

– Все это твоя затея, – огрызнулась Хуню в ответ на ругань старика. – Чего на меня напустился?

– Чего напустился? – вскипел Лю Сые. – Да потому, что ты во всем виновата! Думаешь, я ничего не вижу?

– Что ты видишь? Я как собака бегала целый день, а ты зло на мне срываешь! Ну, что ты видишь?

Усталость Хуню как рукой сняло.

– Не думай, что я был занят только гостями, бесстыжие твои глаза! Я все вижу!

– Бесстыжие глаза? – Хуню от злости затрясла головой. – Что ты видишь? Ну что?

– А вот что! – Лю Сые кивнул на Сянцзы, который мел двор.

У Хуню дрогнуло сердце. Кто бы подумал? Старый, а все замечает!

– При чем здесь он?

– Не прикидывайся дурочкой! – Лю Сые поднялся. – Или он, или я! Выбирай! Я отец и не потерплю этого!

Хуню не предполагала, что все так быстро расстроится. Едва она начала осуществлять свой план, как старик обо всем догадался. Как же быть? Лицо ее, с остатками пудры, побагровело и при ярком свете ламп напоминало вареную печенку. Она чувствовала себя разбитой, растерянной и не знала, что делать. Но отступить просто так не могла.

Когда на душе скверно, надо дать выход гневу. Все, что угодно, только не бездействие. Она еще никому не уступала! И теперь пойдет напролом!

– Ты это о чем? Говори, я хочу знать! Затеял скандал, а я виновата?!

Гости все слышали, но не хотели прерывать игру и, перекрывая шум, стали еще азартнее бросать кости и еще громче выкрикивать: «Красная! Моя! Беру!»

Сянцзы все понял, но продолжал мести двор. «Пусть только тронут, я за себя постою».

– Не выводите меня из терпения! – орал старик, злобно глядя на дочь. – Уморить меня вздумала? Любовника взять на содержание? Не выйдет, я проживу еще на этом свете!

– Хватит болтать! Испугалась я тебя, как же! – хорохорилась Хуню, а сама дрожала от страха.

– Сказал же тебе, или я, или он! Не хочу, чтобы этому вонючему рикше мое добро досталось!

Сянцзы отбросил метлу, выпрямился и, глядя в упор на Лю Сые, спросил:

– Ты это о ком?

– Ха-ха-ха! – расхохотался Лю Сые. – Этот негодяй еще спрашивает! О тебе! О ком же еще? Сейчас же убирайся вон! Вздумал позорить мои седины? А я порядочным тебя считал! Прочь отсюда и больше не попадайся мне на глаза! Поищи других дураков!

На крик сбежались рикши. Гости, привыкшие, что Лю Сые часто ссорится с рикшами, не прерывали игры. Сянцзы знал, что ответить, но он не умел говорить. Вид у него был растерянный, глупый, горло сдавили спазмы.

– Выметайся отсюда! Вон! Хотел поживиться? Тебя еще на свете не было, когда я с такими, как ты, одной рукой расправлялся!

Старик понимал, что во всем виновата Хуню, что Сянцзы парень честный – просто хотел его припугнуть. И добился своего.

Старику ничего не докажешь, подумал Сянцзы и бросил:

– Ладно, уйду!

Рикши сначала злорадствовали, но потом приняли сторону Сянцзы. Он работал не щадя сил, а хозяин платит ему черной неблагодарностью! Совсем обнаглел, будто рикши не люди!

– Что случилось? За что он тебя?

Сянцзы только качал головой

– погоди! – крикнула Хуню, когда Сянцзы направился к воротам.

План ее провалился. Теперь главное удержать Сянцзы, а то она останется ни с чем.

– Нас бог связал одной веревочкой, – уговаривала она парня. – Не уходи, я все улажу! – Она обернулась к старику: – Я жду от Сянцзы ребенка! Куда он, туда и я! Или выдай меня за него, или выгоняй нас обоих. Тебе решать, отец...

Хуню пустила в ход последний козырь, который приберегала на крайний случай. Лю Сые ждал чего угодно, только не этого. Но уступить, да еще при людях!...

– Бесстыжая! На старости лет приходится за тебя краснеть! – запричитал он, прикрывая лицо ладонями. – О горе! Ладно же, позорься и дальше! Делай что хочешь!...

Кости застыли в руках игроков: все почуяли неладное, но вмешиваться не хотели! Кто вскочил с места, кто продолжал сидеть, тупо глядя перед собой.

Теперь, когда все было сказано, Хуню даже обрадовалась.

– Это я бесстыжая? Не заставляй меня говорить о твоих делишках! Каким только мошенничеством ты не занимался! А я оступилась первый раз в жизни, и то по твоей вине: парня надо вовремя женить, девушку выдавать замуж. Семьдесят лет на свете живешь, а ума не нажил! Таких простых вещей не понимаешь! Сами судите, – обратилась она к гостям, – что он за человек! Давай, отец, доведем дело до конца и под этим праздничным навесом сыграем свадьбу!

– Твою свадьбу! – Сые побелел, в нем проснулся былой задор. – Да я скорее сожгу этот навес!

– Хорошо же! – Губы Хуню дрогнули, в голосе зазвучала угроза. – Тогда я уйду отсюда! Сколько дашь денег?

– Сколько захочу, столько и дам! – огрызнулся старик, стараясь скрыть досаду и огорчение. – Деньги мои!

– Твои? А кто помогал тебе все эти годы? Не будь меня, ты все добро раздал бы проституткам! Совесть надо иметь!

Она искала глазами Сянцзы.

– Скажи ему хоть ты! Сянцзы молчал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

У Сянцзы чесались руки, но не может же он драться са стариком или женщиной! Что проку от его силы, тут нужна хитрость, да и все равно их не перехитришь. Он мог, конечно, уйти. Но нельзя бросить Хуню после того, как она разругалась с отцом. Перед людьми стыдно. Хуню решила уйти вместе с Сянцзы, и рикши восприняли это как великую жертву. В общем, парень был в полной растерянности и ждал, чем все это кончится.

Оба, отец и дочь, сказали все, что думали, и теперь с ненавистью смотрели друг на друга.

Рикши предпочитали не вмешиваться. Молчание становилось тягостным. Гости чувствовали, что надо бы как-то помочь делу, но ограничились несколькими общими фразами. Уговаривали хозяев не горячиться, спокойно потолковать, уладить все по-хорошему. Ничего из этого не получилось, но гостям было все равно. Тут свои разобраться не могут, а они – чужие, их дело сторона.

Не дожидаясь, пока все разойдутся, Хуню кинулась к господину Фэню.

– Господин Фэнь, может, в вашей лавке найдется место для Сянцзы дня на два? Мы скоро устроимся и стеснять вас не будем... Сянцзы, иди сейчас к господину Фэню, а завтра мы все обсудим! Знай одно: за ворота этого дома я выеду только на свадебном паланкине! Господин Фэнь, поручаю его вам, с вас завтра и спрошу.

Господин Фэнь вздохнул; ему не хотелось впутываться в это дело, но как откажешь хозяйской дочке?

– Куда я денусь, – буркнул Сянцзы, торопясь уйти.

Бросив яростный взгляд на старика, Хуню убежала к себе, заперлась и заревела во весь голос.

Лю Сые уговаривали успокоиться, отдохнуть, но старик, чтобы не потерять лица, попросил всех остаться и выпить еще рюмку-другую.

– Ничего не случилось, друзья, просто каждый из нас будет жить теперь как хочет. Она мне больше не дочь. Пусть уходит! Всю жизнь я слыл порядочным человеком, а эта дрянь меня опозорила! Случись такое лет двадцать назад, я зарезал бы обоих, а сейчас – скатертью дорожка. Только от меня она ничего не получит – пусть не надеется! И медяка не дам! Ни за что! Посмотрим, как она проживет без меня! Может, тогда поймет, кто лучше – отец или эта скотина. Не расходитесь, прошу вас, выпейте по рюмочке!

Приличия ради гости посидели еще немного и поспешили разойтись – подальше от неприятностей!

Сянцзы еще раньше ушел к господину Фэню.

Дальше события разворачивались с необычайной быстротой. Хуню сняла на улице Маоцзяван две комнатухи с окнами на север. Нашла обойщика, велела оклеить потолок и стены белыми обоями, а господина Фэня попросила написать свадебные иероглифы, которые развесила у входа в комнаты. Она заказала разукрашенный звездами паланкин, наняла шестнадцать музыкантов, но решила обойтись без позолоченных фонарей и свадебного распорядителя. Так же быстро ей сшили наряд из красного шелка. Хуню хотела управиться с делами еще в старом году, чтобы к пятому дню нового года все было готово. Свадьба была назначена на самый счастливый – шестой день. Хуню все устроила сама, Сянцзы велела только купить все новое: ведь свадьба бывает раз в жизни!

Но у Сянцзы оставалось всего пять юаней.

– Как же так? Я сама дала тебе тридцать! – удивилась Хуню.

Сянцзы пришлось рассказать, что произошло в доме Цао. Хуню даже глаза вытаращила – и верила и не верила.

– Ладно, некогда мне с тобой ссориться. На, держи пятнадцать юаней! Но смотри, оденься, как полагается жениху!

Шестого числа Хуню села в свадебный паланкин. С отцом она не простилась, никто ее не сопровождал, не поздравлял – ни родственники, ни друзья.

Под звуки праздничных гонгов свадебный паланкин проследовал через ворота Сианьмэнь и дальше через район Сисыпайлоу, вызывая зависть даже у состоятельных людей, не говоря уже о лавочниках.

Сянцзы, одетый во все новое, плелся за паланкином. Лицо его было краснее, чем обычно, на голове еле держалась маленькая атласная шапочка с помпоном. Вид у него был какой-то отсутствующий, казалось, он не понимает, где он и что происходит.

Подумать только! Из угольной лавки Сянцзы переселился в комнаты, оклеенные белоснежными обоями! Прошлое представлялось ему грудями угля, и вдруг из этого черного прошлого он каким-то непостижимым образом попал в ослепительно белую комнату, увешанную кроваво-красными поздравительными иероглифами. Не сон ли все это? Не шутка? Его не покидали

гнетущая тоска и беспокойство.

В комнате стояли стол, стулья и кровать, перевезенные от Хуню, печка и кухонный столик, в углу метелка для пыли из разноцветных куриных перьев. Стол и стулья ему были знакомы, а печку, кухонный стол и метелку он видел впервые. Старая мебель напомнила ему прошлое. А что ждет его впереди? Все распоряжаются им как хотят. Сам он как будто не изменился, но в жизнь его вошло что-то новое. Это было и странно и страшно! Ничего не хотелось, его руки и ноги, казалось, чересчур велики для такой комнатухи. Словно большой красноглазый кролик, посаженный в тесную клетку, смотрел он с тоской в окно: будь у него даже самые быстрые ноги, ему не уйти отсюда!

Хуню в красной куртке, напудренная, нарумяненная, не сводила с него глаз. А он не решался взглянуть ей в лицо. Она тоже казалась ему существом странным, знакомым и незнакомым. Невеста, с которой он уже спал. Женщина, похожая на мужчину, не то человек, не то злое чудовище. И это чудовище в красной куртке готовилось сожрать его целиком. Все им распоряжаются, но это чудовище самое страшное: оно следит за ним неотступно, смотрит на него, улыбается, может задушить его в своих объятиях, высосать все соки, и нет никакой возможности от него избавиться...

Он снял шапочку, уставился на красный помпон и смотрел на него, пока не зарябило в глазах; обернулся – на стенах тоже кружатся и прыгают красные пятна, самое большое – Хуню с отвратительной улыбкой на лице!

В первую же ночь Сянцзы понял, что Хуню не беременна. А когда спросил, она ухмыльнулась:

– Не обмани я тебя, ты нипочем не согласился бы! Я тогда на живот подушку пристроила. Ха-ха! – Она хохотала до слез. – Глупый ты! Не сердись! Я ничего плохого не сделала. Из-за тебя поссорилась с отцом, из дома ушла, а ты еще недоволен! Подумай, кто я и кто ты!

На другой день Сянцзы ушел рано. Многие магазины уже торговали. Над дверьми все еще атели полосы бумаги с новогодними пожеланиями, ветер гнал по мостовой жертвенные бумажные деньги. Несмотря на холод, на улицах было много колясок с красными бумажными лентами сзади. Рикши бегали веселые, почти все в новой обуви. Даже завидно. У всех праздник, а он должен томиться в своей клетке и вместо того, чтобы заниматься делом, без толку слоняться по улицам.

Сянцзы не умел бездельничать, а захочет ли Хуню, чтобы он работал: ведь он кормится за ее счет! Его рост, его сила – все теперь ни к чему! Он должен угождать этой клыкастой твари в красной куртке. Он больше не человек – Кусок мяса в пасти чудовища, мышь у кошки в зубах... Нет! Он не станет с ней разговаривать, уйдет – и все.

Сянцзы был оскорблен до глубины души, ему хотелось сорвать с себя новую одежду, смыть эту грязь. Будто тело его было вымазано чем-то нечистым, отвратительным. Он не желал больше видеть Хуню!

Но куда идти? Когда он возил коляску, не приходилось об этом думать: бежал, куда приказывали. Теперь ноги обрели свободу, но сердце сковала тревога. Он побрел на юг через Сисыпайлоу, вышел за ворота Сианьмэнь и увидел дорогу, прямую, словно стрела.

За городскими воротами Сянцзы заметил баню и зашел. Раздевшись, он ощутил жгучий стыд. Влез в бассейн, и дух захватило – такой горячей оказалась вода. Сянцзы закрыл глаза, расслабился, и ему показалось, что из тела выходит вся накопившаяся за это время грязь. Он боялся прикоснуться к себе, сердце громко стучало, пот лил со лба.

Наконец Сянцзы стал задыхаться от нестерпимой жары и вылез из бассейна. Кожа сделалась красной, как у новорожденного. Он снова ощутил стыд и быстро завернулся в простыню, все еще испытывая к себе отвращение. Никогда ему не смыть грязь не только с тела, но и с души. И Лю Сые и остальные отныне будут считать его соблазнителем.

Даже не остыв после бани, Сянцзы оделся и выбежал на улицу. Ему казалось, что все на него смотрят. Постепенно холодный ветер его успокоил.

На улицах становилось все оживленнее. Люди радовались солнцу, ясной погоде. Только у Сянцзы на душе было пасмурно. Куда податься? Свернул налево, еще раз налево и очутился на мосту Тяньцяо. В десятом часу утра началась новогодняя ярмарка. Появились лотки со всевозможными товарами, в балаганах шли представления. Со всех сторон неслись призывные звуки

гонгов, но Сянцзы было не до развлечений.

Прежде он хохотал от души, слушая рассказчиков-импровизаторов и певцов, глядя на дрессированных медведей и танцоров, фокусников и акробатов. В Бэйпине его больше всего удерживал Тяньцяо. Всякий раз, как он вспоминал балаганы и толпы людей, вспоминал, сколько забавного видел здесь, мысль о том, что со всем этим придется расстаться, казалась невыносимой.

Но сейчас ничто не веселило душу. Он выбрался из толчеи и побрел по тихим улочкам, но тут еще острее почувствовал, что не в силах покинуть этот полный жизни, дорогой его сердцу город, не в силах расстаться с Тяньцяо! Видно, придется вернуться к Хуню!

Очень уж не хотелось ей объяснять, что он не может сидеть без дела. Надо подумать, как выйти из затруднительного положения. И за что только на него свалилось столько напастей! Впрочем, что говорить об этом! Ничего теперь не исправишь.

Сянцзы остановился. Шум голосов, удары гонгов, снующие взад и вперед люди, повозки... Среди всей этой суеты он чувствовал себя таким одиноким! Вдруг вспомнил две маленькие комнатухи, светлые, теплые, оклеенные красными поздравительными иероглифами, и они показались ему такими родными, хотя он провел там всего одну ночь. Даже женщину в красной куртке он не мог бы так легко бросить. Что есть у него здесь, на Тяньцяо? Ничего. А там, в этих двух комнатах, все. Надо вернуться. Все его будущее в этих двух комнатах. Стыд, страх, переживания – все ни к чему. Главное, чтобы было где жить – он должен вернуться.

Сянцзы заторопился: уже пробило одиннадцать. Когда он пришел, Хуню хлопотала с обедом. Паровые пампушки, мясные фрикадельки с тушеной капустой, холодец, репа в соевом соусе – все было готово, тушилась только капуста, от нее шел аппетитный запах. Хуню сняла свадебный наряд и была, как всегда, в ватной куртке и ватных штанах, только волосы украшал букетик цветов из красного шелка с приколотыми золотистыми бумажными деньгами. Сянцзы взглянул на жену: не очень-то она походила на новобрачную! Скорее на женщину, которая уже много лет замужем: деловитую, опытную, самодовольную. В ней появилось что-то уютное, домашнее: она готовила мужу еду! Запах вкусной пищи, тепло комнаты – все было для него внове. Какая ни есть, а семья. Разве плохо? К тому же лучшего Сянцзы не видел.

– Где ты был? – спросила Хуню, накладывая в тарелку капусту.

– В бане, – ответил Сянцзы, снимая халат.

– В следующий раз говори, куда идешь.

Он не отозвался.

– Ты что, онемел? Ничего, я научу тебя говорить.

Сянцзы что-то пробормотал в ответ. Он знал, что женился на ведьме, но еще не привык к тому, что эта ведьма умеет готовить и прибирать комнаты, что она способна не только ругаться, но и помогать. И все же она была ему не по душе. Он принялся за пампушки, но ел без всякого аппетита, хотя не привык к такой вкусной еде, жевал машинально и не ощущал удовольствия, не то что прежде, когда бывал голоден как волк.

Пообедав, он прилег на кан¹⁶, подложил ладони под голову и уставился в потолок.

– Эй! Помогите вымыть посуду! Я тебе не прислуга! – крикнула Хуню.

Он нехотя поднялся, прошел в соседнюю комнату и принялся помогать. Обычно очень старательный, он делал все кое-как. Раньше он часто помогал Хуню, еще когда жил у Лю Сые, но сейчас не хотелось – она была ему противна.

Впервые в жизни Сянцзы испытал чувство ненависти. Почему – и сам не знал. Но ссориться не хотел – бесполезно. Он чувствовал, что отныне жизнь его будет сущим адом.

Покончив с уборкой, Хуню огляделась, вздохнула и рассмеялась.

– Ну как?

– Что «как»? Сянцзы сидел на корточках у печки, грел руки, хотя они совсем не замерзли, – просто он не знал, чем заняться. В собственном доме не мог найти себе места.

– Давай погуляем! Сходим на базар. Хотя нет, уже поздно. Пройдемся лучше по улице!

Хуню желала вкусить все радости новобрачной. Быть всегда рядом с мужем, весело прово-

¹⁶ Кан – отапливаемая лежанка.

дить время – в общем, наслаждаться жизнью.

Она никогда не испытывала недостатка в еде, одежде, деньгах, но была одинока. И сейчас хотела вознаградить себя за прошлое, гордо пройти с Сянцзы по улицам, чтобы все видели.

У Сянцзы не было ни малейшего желания выходить из дому. Он считал, что с женой вообще неудобно появляться на людях, а такую, как у него, надо держать взаперти. Гордиться нечем, и чем реже их будут видеть вместе, тем лучше. Чего доброго, еще встретишь знакомых! Кто из рикш западной части города не знает Хуню и Сянцзы? Увидят и станут смеяться.

– Может, лучше поговорим? – предложил он, все еще сидя на корточках.

– О чем?

Хуню подошла и встала около печки. Опершись локтями о колени, Сянцзы рассеянно смотрел на огонь и молчал.

– Я не могу без дела сидеть, – проговорил он наконец.

– Ах, бедненький! – рассмеялась Хуню. – День не побегал с коляской, и душа ноет, да? Бери пример с моего старика: он никогда не был рикшей, не торговал своей силой, жил смекалкой! И жил припеваючи, а под старость открыл контору. Учись! Коляску возить и дурак может, но какой от этого толк? Ладно, проживем несколько дней в свое удовольствие, а там посмотрим. Куда спешить? Ничего не случится. Я не хочу с тобой спорить, но лучше меня не зли!

– Давай сейчас поговорим! – стоял на своем Сянцзы. Раз он не смог уйти, надо заняться делом.

– Ну что ж, давай!

Хуню принесла скамейку и села.

– Сколько у тебя денег? – спросил он.

– Ах, вот ты о чем! Я знала, что ты спросишь об этом. Ведь ты и женился на мне ради денег, верно?

У Сянцзы перехватило дыхание. Старик Лю и рикши из «Жэньхэчана» считали, что он позарился на богатство и соблазнил Хуню. А теперь и она то же, самое говорит! Пусть он все потерял – и коляску и деньги, – но неужели он должен кланяться и благодарить за каждую горсть риса? С каким удовольствием он вцепился бы ей в горло и душил, душил, чтобы глаза вылезли из орбит! Он всех их передушил бы, а себе перерезал бы горло. Раз он такое ничтожество, незачем жить на свете!

Нечего было сюда возвращаться...

Видя, что с Сянцзы творится что-то неладное, Хуню смягчилась.

– Ладно! Скажу тебе. У меня было юаней пятьсот. На квартиру, паланкин, оклейку комнат и все остальное ушло около ста юаней, осталось чуть меньше четырехсот. Но ты не волнуйся, отдохни хорошенько хоть несколько дней. Сколько лет бегал с коляской, потел! Да и я засиделась в девицах. Хочу поразвлечься. Кончатся деньги, попросим у старика. Не поругайся я с ним в тот день, ни за что не ушла бы из дома. Сейчас злость прошла. Отец есть отец, а я у него – единственная. Да и ты ему по душе! Придем повинимся. У него деньги есть. По наследству достанутся нам. Поверь, лучше с ним помириться, чем всю жизнь спину гнуть на чужих. А может, ты дня через два сам к нему сходишь? Выгонит – не беда! Раз выгонит, другой выгонит, а на третий наверняка сменит гнев на милость. Я уж как-нибудь его умаслю. Кто знает, может, потом переберемся обратно. Вот тогда будем ходить с гордо поднятой головой, никто не посмеет на нас коситься! Здесь нельзя оставаться надолго, иначе будем всю жизнь бедняками. Правильно я говорю?

Но у Сянцзы на уме было совсем другое. Когда Хуню пришла в дом Цао, он решил жениться на ней, чтобы на ее деньги купить коляску. Что и говорить, пользоваться деньгами жены не очень-то порядочно, но раз уж все так сложилось, делать нечего. То, о чем говорит Хуню, тоже выход. Только не для него.

Человек, в сущности, ничто: он как птица, которая в поисках корма добровольно летит в силки. Даже в клетке поет, хотя знает, что в любой момент ее могут продать.

Сянцзы не желал идти на поклон к Лю Сые. С Хуню его хоть что-то связывает, с Лю Сые – ничего. Он достаточно настрадался из-за Хуню, чтобы еще унижаться перед ее отцом.

– Не могу я сидеть сложа руки! – снова буркнул Сянцзы и замолчал. Не хотелось ни гово-

рить, ни спорить.

– Ах, бедняга! – с иронией произнесла Хуню. – В таком случае займись торговлей!

– Нет! Я умею только возить коляску, и мне это нравится!

От злости у Сянцзы стучало в висках.

– Слушай, ты! Я не позволю тебе бегать с коляской! Не желаю, чтобы потный, вонючий рикша ложился со мной в постель! У тебя свои планы, у меня свои. Посмотрим, чья возьмет! Свадьбу справляли на мои деньги, ты и медяка не дал. Вот и подумай, кто кого должен слушаться!

Сянцзы ничего не ответил

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Просидев без дела до праздника юаньсяо ¹⁷, Сянцзы потерял всякое терпение.

Зато Хуню была счастлива. Она хлопотала, готовила юаньсяо и пельмени, утром ходила на базар, вечером гуляла по городу. Она совсем не считалась с Сянцзы, не давала ему и слова сказать, но вместе с тем старалась его всячески задобрить, покупала подарки, готовила изысканные блюда.

Во дворе жило еще несколько семей, большей частью по семь-восемь человек в одной комнатухе. Здесь ютился разный люд – рикши, мелкие торговцы, полицейские, слуги. Никто не бездельничал, даже ребятишки и те по утрам бегали с крохотными мисками за даровой кашей, а после обеда собирали несгоревший уголь. Только самые маленькие с покрасневшими от холода попками возились и дрались на дворе. Зола из печей, мусор, помои – все выбрасывали во двор, и никто не заботился об уборке. Посреди двора была огромная лужа, которая зимой замерзала. Возвратившись с углем домой, ребята постарше с шумом и криком катались по льду.

Тяжелее всего приходилось старикам и женщинам. Старики в худой одежке весь день лежали голодные на остывшем кане в ожидании скудной похлебки, на которую заработают молодые. А молодые, бывало, возвращались с пустыми руками, усталые, злые, и ко всем придирались. Старикам оставалось лишь молча глотать слезы.

Женщины ухаживали и за старыми, и за малыми, да еще ублажали мужчин, добывающих деньги. Даже беременные по-прежнему выполняли самую тяжелую черную работу, а ели только кашу из бататов с маисовыми лепешками. Если же и этого не было, к прежним заботам прибавлялись новые – искать возможность самим заработать на жизнь. Вечерами, когда наконец удавалось кое-как накормить стариков и детей и уложить спать, женщины при свете коптилок шили, стирали, штопали. Стены в домах были ветхие, по комнатам гулял ветер, выдувая последнее тепло.

Женщины не знали ни часа отдыха, ни минуты покоя. В жалких лохмотьях, полуголодные, некоторые – на сносях, они должны были работать не меньше мужчин и еще думать о том, как накормить семью. К тридцати годам, обессиленные нуждой и болезнями, они превращались в изможденных, облысевших старух.

Девушки, завернувшись в тряпье, почти голые, сидели в своих комнатухах, как в заточении – им не в чем было выйти на улицу. Когда же приходилось выбежать во двор по нужде, они с опаской выглядывали из дверей – нет ли кого поблизости, и высказывали, словно воришки. Зимой и летом они не видели ни солнца, ни неба. Дурнушек ждала участь их матерей, красивые знали, что рано или поздно будут проданы родителями «ради их же собственного счастья».

В таком окружении Хуню чувствовала себя наверху блаженства. Только у нее была и еда и одежда, только она могла жить, ни о чем не заботясь. Хуню ходила с высоко поднятой головой, кичась своим превосходством, и боялась лишь одного – как бы у нее чего-нибудь не попросили. Ей не было дела до этих бедняков. Прежде сюда приносили самые дешевые товары – кости, мороженую капусту, сок сырых бобов, ослатину или конину. Но с тех пор как здесь поселилась Хуню, перед воротами можно было услышать выкрики торговцев, предлагающих баранину, копче-

---

¹⁷ Юаньсяо – народный праздник в честь первого в году полнолуния. Приходится на 15-й день первого месяца по старому (лунному) китайскому календарю. К празднику обычно готовили юаньсяо – блюдо из рисовой муки с сахаром.

ную рыбу, пампушки, соленье или жаркое, соевый творог. Купив целую тарелку какой-нибудь снеди, Хуню важно шествовала домой. Ребятишки, согревая у рта озябшие ручонки, с завистью провожали ее глазами, словно сказочную принцессу! Хуню не трогала нищета – она хотела наслаждаться жизнью.

Сянцзы ненавидел ее за это; он сам вырос в бедности и хорошо понимал, что такое лишения. Ему не нужны были все эти роскошные блюда – столько денег на них уходило! Но главное, что мучило Сянцзы, это то, что Хуню запрещала ему возить коляску. Держит дома и откармливает, словно корову, чтобы побольше надоить молока! Он для нее – забава. Эта жизнь не только тяготила – пугала его. Он понимал, что для рикши здоровье – все, и надо его беречь. Но если и дальше так пойдет, он потеряет и силу и сноровку. Сянцзы не мог без боли думать об этом. Нет, если ему дорога жизнь, нужно немедленно браться за коляску. Бегать, бегать целыми днями, а дома засыпать мертвым сном, едва коснувшись подушки. Ему не нужны эти вкусные блюда, он не желает потакать ее прихотям! Он решил больше не уступать. Согласится Хуню купить коляску – хорошо, не согласится – возьмет напрокат.

С семнадцатого числа Сянцзы начал возить коляску, арендовав ее на целый день. Отвез двух пассажиров на дальнейшее расстояние и почувствовал боль в ногах и ломоту в пояснице. Раньше этого не было. Он понимал, что за двадцать дней безделья ноги отвыкли от работы, но старался себя успокоить: ничего, побегает немного, разомнется, и все пройдет.

Вновь -подвернулся пассажир; на этот раз Сянцзы поехал еще с тремя рикшами. Взявшись за ручки, они пропустили вперед высокого рикшу. Тот улыбнулся. Он отлично знал, что его товарищи бегают лучше, но старался изо всех сил. Так пробежали больше ли. Рикши его похвалили.

– А ты молодец! Есть еще сила!

Тяжело дыша, он ответил:

– Разве с вами, братцы, можно бежать медленно?

Он и в самом деле бежал быстро, даже Сянцзы с трудом за ним поспевал. Но как-то неуклюже: спина не гнулась, длинное тело было непослушным. Он подавался вперед, а руки торчали сзади. Казалось, он протискивается сквозь толпу, не думая о коляске. Оттого, что спина не гнулась, ему приходилось слишком часто перебирать ногами, и он все время спотыкался. Видно было, что ему очень трудно бежать. Поворачивал он так резко, что рикшам становилось за него страшно.

Наконец добрались до места. Длинный рикша был весь в поту. Поставив коляску, он выпрямился и улыбнулся, но когда получал с пассажира деньги, едва не выронил их, так сильно дрожали руки.

Рикши, которым доводится бежать вместе, быстро становятся друзьями. Все четверо поставили коляски рядом, вытерли пот и, улыбаясь, заговорили. Длинный стоял поодаль и никак не мог отдышаться, потом с трудом произнес:

– Да, былой удали нет! Поясница, ноги – не те! Быстро устаю, спотыкаюсь.

– Нет, ты неплохо бежал! – возразил низкорослый парень лет двадцати. – Мы еле за тобой поспевали.

Длинный смущенно вздохнул: он был рад похвале.

– Да, ты здорово бегаешь, всех нас уморил, – подхватил другой рикша. – Верно говорю! А ведь ты уже не молодой.

Высокий рикша улыбнулся.

– Что возраст, братцы! Скажу вам другое: рикше нельзя обзаводиться семьей! – Рикши с любопытством на него посмотрели, и он продолжал: – Как женишься, ни днем, ни ночью нет покоя, того и гляди пропадешь совсем. Гляньте, у меня поясница не гнется! И бежал я не так уж быстро, а задыхаюсь от кашля, и сердце вот-вот разобьется! Что говорить – рикшам нельзя жениться! Эх, судьба! Даже малые пичужки паруются, а нам это заказано. И еще скажу: едва женишься – пойдут детишки, каждый год, один за другим. У меня пятеро! И все, как галчата, сидят с открытыми ртами и ждут еды! Плата за коляску высокая, продукты дорогие, работа тяжелая. Нет уж, холостяку лучше! Взыграет кровь, сходи в белый дом. Подхватишь сифилис, ну и плевать! Умрешь – никто не заплачет. А у кого большая семья, тот даже умереть спокойно не может. Правильно я говорю? – обратился он к Сянцзы.

Тот молча кивнул.

В этот момент подошел пассажир. Низенький парень первым выкрикнул цену, но отошел в сторону и сказал длинному:

– Вези ты! У тебя дома пятеро... Тот улыбнулся.

– Ладно! По правде говоря, не надо бы мне соглашаться... Ну, ничего, зато принесу домой побольше лепешек. Еще встретимся, братья!

Когда высокий рикша был уже далеко, низенький проговорил как бы про себя:

– Будь проклята эта жизнь! Даже жену приласкать сил не хватает, а богач – тот готов хоть с пятерыми обниматься!

– Да что говорить. – подхватил второй. – Длинный прав. Ну скажи, к чему нам, рикшам, семья? Жена – не кукла, чтобы на нее только любоваться! В том-то и штука. Жрать нечего, а силы уходят и на работе и дома. Разве их хватит?

Сянцзы взялся за коляску:

– Поеду в южную сторону, здесь нет пассажиров.

– В добрый час! – в один голос ответили рикши. Но Сянцзы уже не слышал. Ноги все еще ныли; он хотел было сдать коляску, но вернуться домой не осмеливался: там ждало чудовище, сосущее его кровь.

Дни теперь были длиннее, и до пяти часов Сянцзы успел обернуться еще несколько раз. Сдав коляску, он ненадолго задержался в чайной. Выпил две чашки чаю и решил как следует закусить. Съел несколько пирожков с мясом, чашку вареных красных бобов и побрел домой. Пусть будет скандал Сянцзы спокоен. Он знает, что делать: ругаться не станет, сразу завалится спать, а утром опять за коляску.

Когда Сянцзы вошел, Хуню чуть не расплакалась. Сянцзы хотел поздороваться с независимым видом, но не сумел; виновато опустил голову и молча прошел в другую комнату. Хуню не проронила ни слова. Было тихо, словно в пещере. Голоса соседей, кашель, плач детей, доносившиеся со двора, казались смутными и далекими.

Никто не хотел заговаривать первым. Молча легли в постель, как чужие.

– Что ты делал весь день? Где пропадал? не выдержала Хуню. Голос ее звучал гневно и в то же время насмешливо.

– Возил коляску! – ответил он сквозь сон, и в горле у него запершило.

– Ну, конечно! Ты ведь не можешь жить без вонючего пота! Сердце не позволяет! Дрянь ты паршивая! Я старалась, готовила, а ты даже поесть не пришел, таскался неизвестно где. Лучше не выводи меня из себя! Я отчаянная, в отца. Попробуй приди завтра поздно, увидишь меня в петле! Мое слово твердое.

– Да пойми ты, не могу я сидеть без дела!

– Сходи к старику! Он что-нибудь придумает.

– Не пойду!

– Вот упрямый осел!

– Я хочу возить коляску, собственную, свою! – вы рвалось у Сянцзы. – Помешаешь уйду и никогда не вернусь!

– Да-а?! – презрительно протянула Хуню, но тут же призадумалась.

Она знала, что такие, как Сянцзы, не бросают слов на ветер. Ей стоило большого труда подцепить мужа, и она не собиралась так просто выпускать его из рук. Человек подходящий: честный, трудолюбивый, здоровый. В ее годы да с ее внешностью лучшего, пожалуй, не найти. Надо только все делать по-умному – то прикрикнуть, то приласкать.

– Я знаю: ты упрямый, но пойми, ведь я за тебя болею душой. Ну, не хочешь, я сама пойду к старику. Как-никак отец он мне, и поклониться не стыдно.

– Примет нас старик или не примет, все равно буду возить коляску.

Хуню долго молчала. Она не думала, что Сянцзы окажется таким несговорчивым – того и гляди вырвется из ее ловушки. Дураком его не назовешь, хоть и простак. Не так уж легко удерживать этого верзилу. Выведешь его из терпения – бросит, еще и побьет. Нет, доводить до разрыва нельзя. Так что надо пока ослабить узду.

– Ладно! Нравится бегать с коляской – бегай! Но поклянись, что не станешь наниматься на постоянную работу и к вечеру будешь возвращаться домой. Я волнуюсь, когда весь день тебя дома нет.

Сянцзы вспомнил слова пожилого рикши и словно увидел перед собой толпы рикш, мелких торговцев, рабочих, у которых не гнется спина и ноги не ходят. Его ждет такая же участь. Он не станет спорить с Хуню, только бы не мешала возить коляску. Это уже победа. И Сянцзы сказал:

– Хорошо, я не наймусь на постоянную работу. Хуню хоть и обещала пойти к отцу, но не очень-то

с этим спешила. Они раньше тоже часто ссорились, и старик всегда умел настоять па своем. А теперь и подавно, даже слезами его не проймешь. Вышла замуж, и, как говорится – отрезанный ломоть. Поэтому Хуню не решалась идти к отцу. Что, если старик не пойдет на уступки или вообще ее выгонит? Тут она совершенно бессильна. Никто не может помочь. В лучшем случае посоветуют вернуться домой.

Сянцзы целыми днями возил коляску, а Хуню, оставшись одна, ходила из комнаты в комнату. Соберется пойти к отцу, принарядится, а духу не хватает. Не так это просто. Можно лицо потерять. Но ради собственного благополучия надо бы, конечно, пойти.

Хорошо, если отец сменит гнев на милость, и ей удастся вместе с Сянцзы перебраться в «Жэньхэчан». Работа для него найдется, он не будет возить коляску, а со временем сможет продолжить дело отца. От этих мыслей становилось веселее.

Ну, а если отец упрется? Она останется опозоренной. Мало того. Придется смириться с тем, что она – жена рикши. Простая женщина, как те, что живут с ней по соседству. Как это тоскливо и страшно!

Она готова была раскаться, что вышла за Сянцзы. Конечно, он работающий, упорный, но, если отец не уступит, ему всю жизнь придется возить коляску. Стоило об этом подумать, как возникло желание порвать с Сянцзы и вернуться в родительский дом.

Хуню часто сидела на кане и вспоминала первые дни замужества, когда она расцвела, словно цветок под лучами солнца. Нет, она не в силах расстаться с Сянцзы! Пусть возит коляску, пусть побирается – она будет с ним. Ведь терпят ее соседки, и она будет терпеть. И нечего думать об отце.

Сянцзы старался не попадать в западную часть города, чтобы не встречаться с рикшами из «Жэньхэчана», и возил коляску в восточной части. Но однажды, сдав коляску, он решил побывать в знакомом квартале. Слова Хуню запали ему в душу. Сянцзы хотел себя испытать, посмотреть, сможет ли он вернуться к Лю Сые. Предположим, Хуню помирится с отцом и они переселятся в «Жэньхэчан». Но как он будет себя там чувствовать?

Еще издали завидев прокатную контору, Сянцзы поглубже натянул шапку, чтобы его никто не узнал. Лампочка над воротами живо напомнила ему, как он пришел сюда, как потом Хуню затащила его к себе, и на сердце стало невыносимо тяжело. Вспомнился – и отчетливо – скандал в день рождения Лю Сые, все, что произошло вслед за ним. На память пришло и другое: Сишань, верблюды, семья Цао, сыщик – все ужасы, которые ему довелось пережить. Сначала эти воспоминания оставили его безучастным, словно больше не касались его. Однако потом мысль о том, что они – тоже часть его жизни, вселила в душу смятение. Все закружилось, замелькало, поплыло перед глазами... Почему на его долю выпало столько обид и страданий? И сколько с тех пор прошло времени? Наверное, много, а ему кажется, что все это было вчера. Сколько же ему лет? Одно Сянцзы знал: он сильно постарел с того дня, когда впервые попал в «Жэньхэчан». Тогда в его сердце жили надежды, а сейчас в нем отчаяние. Прошное угнетало его.

Сянцзы долго, не отрываясь, смотрел на яркую электрическую лампочку, под которой висели три позолоченных иероглифа «Жэнь хэ чан». Вдруг сердце его дрогнуло: ему показалось, будто иероглифы другие, не те, особенно первый. Сянцзы хорошо его помнил, хотя не знал грамоты. Иероглиф был очень простой! Сянцзы не мог понять, в чем дело. Взглянул на дом – везде темно. В обеих комнатах – отца и дочери!

Наконец ему надоело стоять, и он уныло побрел домой, дорогой размышляя может, старик разорился? Надо бы толком все разузнать и сказать Хуню.

Жена, когда он вернулся, грызла со скуки семечки. Лицо ее не предвещало ничего хорошего – Опять где-то шлялся! – напустилась она на Сянцзы. – Смотри, лопнет мое терпение! Весь день тебя нет дома, а я боюсь нос высунуть, того и гляди что-нибудь сопрут. Во дворе всякий сброд, не с кем словом перемолвиться. А я ведь живая! Сам подумай, как нам жить дальше?

Сянцзы не проронил ни слова.

– Ну, что молчишь? Хочешь меня разозлить? Или язык отсох? – Хуню трещала как пулемет.

Сянцзы все молчал.

– Давай сделаем так. – Хуню старалась говорить строго, но вид у нее был растерянный: она чувствовала свое бессилие. – Купим две коляски и будем сдавать в аренду. А ты будешь дома, ладно?

– Две коляски – три мао в день, на это не прокормишься! Одну будем сдавать, другую я буду возить.

Сянцзы говорил не спеша, обдумывая каждое слово. Ведь речь шла о колясках, и он забыл обо всем на свете.

– А что переменится? Тебя все равно не будет дома.

– Можно по-другому. – Все мысли Сянцзы сосредоточились сейчас на колясках. – Одну будем сдавать в аренду на весь день, другую – на полдня. Я буду работать либо до трех, либо с трех допоздна. Согласна?

– Ладно, посмотрим, – сказала Хуню. – Не придумаю ничего другого, так и сделаем.

Сянцзы ликовал. Он будет возить свою коляску! Пусть купленную на деньги жены. Не важно, постепенно он соберет нужную сумму и купит еще одну – та будет только его собственностью.

Сянцзы вдруг почувствовал, что и в Хуню есть что-то хорошее. Он неожиданно улыбнулся ей, улыбнулся искренне, от всего сердца, как бы разом вычеркнув из своей жизни все горести. На душе у него стало так легко и светло, словно он заново родился!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вскоре Сянцзы кое-что разузнал о Лю Сые. Старик часть колясок продал, а часть передал на паях владельцу другой прокатной конторы в западной части города. Сянцзы понял: старик один не справлялся и ликвидировал дело. А вот куда он перебрался, этого Сянцзы не выяснил.

Сянцзы не знал, радоваться или печалиться. С одной стороны, это было ему как будто на руку – планы Хуню сорвались, и теперь он сможет честно зарабатывать на жизнь, ни от кого не зависеть и не поступаться своей гордостью. Но вместе с тем жаль, что пропало столько добра! Кто мог подумать, что старик заграбастает все и ему с Хуню ничего не достанется!

Но раз так случилось, что думать об этом и горевать? Пока есть сила, он не пропадет. Поэтому Сянцзы рассказал обо всем Хуню совершенно спокойно.

Однако Хуню пришла в отчаяние. Она живо представила себе свое будущее. Все кончено! Теперь она на всю жизнь останется женой рикши и будет жить в этом дворе! Она допускала, что отец женится вторично, но ей в голову не приходило, что он бросит «Жэньхэчанж». Женись отец, Хуню еще поборолась бы за свою долю имущества, а может быть, договорилась бы с мачехой. Пока старик держал коляски, оставалась какая-то надежда. Но что отец проявит такую жестокость, превратит имущество в наличные и тайком улизнет – этого она не могла себе представить. Размолвку с отцом она надеялась использовать в своих интересах, зная, что ему не обойтись без нее. А старик взял и распростился с «Жэньхэчаном»!

Весна давала о себе знать, почки на деревьях порозовели, набухли, но во дворе, где жили Сянцзы с Хуню, приближения весны почти не чувствовалось: тут не было ни деревца, ни цветка. Лишь теплый ветер гулял по двору, превращал в лужи лед, разносил зловоние отбросов, поднимал с грязной земли и кружил куриные перья, шелуху чеснока и обрывки бумаги. Тем, кто жил в этом дворе, каждое время года приносило свои заботы. Правда, весной старики могли выйти погреться на солнышке, а девушки – смыть слой копоти с лиц, да и женщины не боялись выпустить детей поиграть: ребятишки запускали змеев из старой бумаги, бегали по двору, и смуглые ручонки их больше не мерзли и не трескались от холода. Но закрылась благотворительная столовая, перестали

отпускать в долг рис, благодетели не раздавали денег. Бедняки, казалось, были отданы на милость весеннему ветру и солнцу.

Когда начинают зеленеть всходы, а запасы прошлогоднего риса кончаются, цены на продукты растут. Дни становятся длиннее, старикам не хочется спать, и они еще больше страдают от голода. Вши весной еще злее, так и кишат в рваной ватной одежде. Так что и от весны беднякам одно горе.

Сердце Хуню замирало, когда она смотрела на грязный двор и лохмотья соседей, когда вдыхала талый зловонный воздух, слышала стоны стариков и плач детей. Зимой люди прятались, грязь скрывалась под снегом, а сейчас и люди и грязь – все на виду. Стены оттаяли и обмякли, того и гляди рухнут в первый же дождливый день. Двор, казалось, сплошь зарос отвратительным бурьяном нищеты, все выглядело куда хуже, чем зимой.

Лишь теперь Хуню осознала, что ей, может быть, придется здесь жить всю жизнь. Деньги скоро кончатся, Сянцзы по-прежнему будет бегать с коляской, и никуда им отсюда не уйти.

Наказав Сянцзы присмотреть за домом, она отправилась в Наньюань к тетке разузнать об отце. Тетка сказала, что Лю Сые в январе заходил к ней, кажется, двенадцатого числа по лунному календарю. Он собирался поселиться в Тяньцзине или в Шанхае. Никогда, говорит, не выезжал за ворота столицы: жить осталось немного, надо свет повидать! К тому же ему стыдно оставаться в городе, где родная дочь его так опозорила. Еще тетка сказала, что, может быть, старик напустил туману, а сам устроился где-нибудь здесь, в укомном местечке. Кто его знает!

Вернувшись домой, Хуню упала на кан и заплакала навзрыд. Плакала искренне, долго, пока глаза не опухли. А наплакавшись, сказала Сянцзы, утирая слезы:

– Вот что, упрямец! Будь по-твоему, раз я ошиблась. Выйдешь за петуха – кудахтай. Что теперь говорить! Вот тебе сто юаней на коляску.

Двух колясок она все же решила не покупать, только одну, для Сянцзы, а деньги попридержать: у кого деньги – тот верховодит. Мало ли что взбредет Сянцзы на ум, когда у него будет коляска! Нужно быть ко всему готовой.

Ни на кого нельзя надеяться, даже на родного отца, как выяснилось. Кто знает, что будет завтра. Надо жить сегодняшним днем. На хозяйство пусть зарабатывает Сянцзы, – он перво-классный рикша! – а свои денежки она прибережет для собственных удовольствий: Хуню любила поесть. Конечно, деньги когда-нибудь кончатся, но ведь и человек не вечен. Она и так промахнулась, выйдя замуж за рикшу, хотя парень он неплохой. Но не трястись же теперь над каждым медяком! Мысль об утаенных деньгах несколько утешила Хуню, но она понимала, что будущее ничего хорошего не сулит, и не могла с этим смириться. У нее было такое чувство, словно близятся сумерки и надо удержать уходящее солнце, чтобы насладиться теплом последних лучей.

Сянцзы не спорил: пусть будет одна коляска, лишь бы своя. Он сможет в день заработать шесть-семь мао, на еду хватит. Он даже радовался. Сколько невзгод перенес он изза коляски, и вот сейчас наконец может ее купить. Чего же еще желать? Конечно, на черный день ничего не отложишь. Новую коляску не купишь, когда эта износится. Опять надвинется нищета! Но что думать о будущем? Надо радоваться тому, что есть.

У соседа Эр Цянцзы как раз была подходящая коляска.

Прошлым летом этот Эр Цянцзы продал за двести юаней свою девятнадцатилетнюю дочь Сяо Фуцзы одному военному и сразу разбогател, выкупил вещи из ломбарда, одел семью. Жена Эр Цянцзы была самой маленькой и самой некрасивой женщиной во дворе: веснушчатая, скуластая, узколобая, с жиденькими волосами и всегда приоткрытым ртом, из которого торчали редкие зубы. Теперь она щеголяла в новом голубом халате, но глаза покраснели от слез – она оплакивала дочь.

Эр Цянцзы и без того отличался вздорным характером, а расставшись с дочерью, запил: пропустит рюмку-другую и плачет, а то начнет ко всем придирается. Жена приоделась, была сыта, но радости не знала: муж колотил ее куда чаще, чем прежде.

Эр Цянцзы было за сорок. Он решил бросить коляску, купил пару корзин и занялся торговлей вразнос. Торговал всякой всячиной: тыквами, грушами, персиками, земляными орехами, папиросами. Но через два месяца прогорел. С коляской все ясно: есть пассажир – хорошо, нет – ничего не поделаешь. В торговле нужны – сноровка и хитрость. Кто был рикшей, тот знает, как

трудно получить что-нибудь в долг. Поэтому Эр Цянцзы не отказывал беднякам, особенно знакомым, но попробуй получи с них хоть медяк. Постоянных клиентов не было, долги не возвращали, и, само собой, он терпел одни убытки. Оставалось лишь пить с горя. Пьяный, он то и дело затевал ссоры с полицейскими, избивал жену и детей. Когда же хмель проходил, мучился раскаянием. Он понимал, что опускается все ниже и ниже. Но продолжал транжирить деньги, полученные за дочь, пить, драться, а потом заваливался спать – лишь бы ни о чем не думать!

Деньги текли как вода. Эр Цянцзы решил бросить торговлю и взяться за прежнее ремесло. Он снова купил коляску, напился на радостях и стал похваться перед соседями, что, мол, теперь у него дела пойдут лучше некуда. С новой коляской, прилично одетый, он чувствовал себя первоклассным рикшей: ему-де пристало пить только самый лучший чай, возить только почтенных людей.

В белоснежной куртке, синих штанах и новых туфлях на белой подошве он мог со своей сверкающей новой коляской целый день проторчать на стоянке, не предлагая услуг пассажирам. То почистит сиденье голубой метелочкой, то походит, улыбаясь, вокруг коляски. А стоит кому-нибудь ее похвалить, начнет хвастаться без удержу. Так он мог проболтать и день и другой. Когда же попадался богатый пассажир, ноги, не в пример коляске и красивой одежде, подводили его.

Это удручало Эр Цянцзы. Он опять вспоминал дочь и шел куда-нибудь заливать горе вином. Так он промотал все деньги, осталась только коляска.

Как-то в начале зимы Эр Цянцзы пришел домой пьяный. Его сыновья – младший одиннадцати лет, старший тринадцати, – увидев отца, хотели улизнуть из комнат ты. Это обозлило Эр Цянцзы, и он каждого наградил затрещиной. Вмешалась жена, он набросился на нее, пнул в живот, и она без чувств упала на пол. Сыновья, вооружившись один совком для угля, другой – скалкой, вступились за мать. В суматохе кто-то наступил на женщину. Наконец вмешались соседи, кое-как утихомирили Эр Цянцзы и уложили спать.

Дети плакали, обнимая мать. Жена Эр Цянцзы пришла в себя, но подняться уже не смогла. Третьего декабря по старому стилю, облаченная в длинный голубой халат, она испустила последний вздох. Ее родные грозили подать на Эр Цянцзы в суд. Лишь настойчивые уговоры его приятелей заставили их уступить, да и то, наверное, потому, что Эр Цянцзы обещал с почетом похоронить жену и раздать ее родным пятнадцать юаней. Он занял шестьдесят юаней под залог коляски, но после Нового года решил ее сбыть: отдать долг не было никакой надежды.

Когда Эр Цянцзы бывал пьян, он даже подумывал продать кому-нибудь одного из сыновей, только охотников не находилось. Пробовал сунуться за деньгами к военному, «мужу» дочери, но тот не пожелал признать в нем тестя, а о деньгах и говорить не стал.

Сянцзы знал историю этой коляски, и ему не хотелось ее покупать. Колясок много, зачем брать эту? Она несчастливая. Ее приобрели на деньги, вырученные за дочь, а продают потому, что надо похоронить жену.

По-другому смотрела на это Хуню. Не всегда купишь такую коляску за восемьдесят юаней. Пользовались ею всего полгода, даже лак не потускнел, а фирма не какая-нибудь, а «Дэчэн», та, что в западной части города. Коляски куда хуже стоят почти столько же. Как можно упустить такой случай? После Нового года у всех туго с деньгами, и Эр Цянцзы не сможет продать коляску по более высокой цене, а деньги ему нужны позарез. Хуню сама посмотрела коляску, сама сговорила с Эр Цянцзы о цене, сама заплатила. Сянцзы оставалось только молчать, деньги-то не его!

Сянцзы тщательно осмотрел коляску, она действительно оказалась добротной, не понравился ему только черный кузов с латунными украшениями. Именно то, что привлекло при покупке Эр Цянцзы: сочетание черного с белым. На Сянцзы же вид коляски наводил тоску: она была словно в трауре! Ему хотелось сменить верх на желтоватый, как земля, или серебряный, как луна. Хотелось, чтобы коляска имела более скромный вид. Но он не стал говорить об этом с Хуню во избежание ссоры.

Коляска привлекала всеобщее внимание, ее называли «маленькой вдовой», и от этого у Сянцзы на душе было скверно. Он не мог избавиться от грустных мыслей, потому что с утра до вечера не расставался со своей «траурной» коляской. Ему все время казалось, что вот-вот случится

какое-нибудь несчастье. Особенно когда он вспоминал Эр Цянцзы и все его беды. Тогда коляска начинала казаться ему катафалком, над которым витает душа умершей. Сердце чуяло недоброе, хотя пока все шло благополучно. С каждым днем становилось все теплее. ЛюДи сменили зимнюю одежду на легкие куртки и штаны. Весна в Бэйпине короткая, а дни в эту пору года слишком длинные.

Сянцзы уходил с рассветом и, пробежав до четырех-пяти часов, чувствовал себя совершенно разбитым. Солнце стояло высоко, но возить пассажиров ему уже не хотелось. А работу бросать было жаль. В нерешительности сидел он где-нибудь в тени и лениво зевал.

Дни тянулись до бесконечности. Сянцзы уставал, и его не покидало мрачное настроение. Хуню томилась от скуки. Зимой она грелась у печки, слушала завывание ветра и утешалась тем, что на улицу лучше не выходить. А сейчас печку вынесли и поставили у стены под карнизом. Дома совершенно нечем было заняться, на дворе – грязь, вонь, ни единой травинки. Погулять не пойдешь – не на кого оставить квартиру. Отправляясь за покупками, Хуню старалась нигде не задерживаться. Как пчела, случайно залетевшая в комнату, рвалась она на волю из опостылевшего дома.

С соседками Хуню не разговаривала. Те без конца жаловались, твердили о своих заботах, сетовали на беспросветную жизнь, горевали и плакали по любому поводу. А Хуню это было неинтересно. Она злилась на свою судьбу, но плакать не собиралась, наоборот, она охотно поругалась бы с кем-нибудь. Они все равно не поймут друг друга, зачем же вступать в разговоры? Пусть каждый сам занимается своими делами.

Но в середине апреля Хуню нашла себе подругу. Вернулась Сяо Фуцзы, дочь Эр Цянцзы. Ее «муж», военный, на каждом новом месте обзаводился «семьей»: за сотню-другую покупал девушку, потом дешевенькую койку, пару стульев и жил в свое удовольствие. А когда часть переводили в другой город, уходил холостым, оставляя и женщину и койку. За сто – двести юаней наслаждаться целый год, а то и полтора с новой подружкой – не так уж дорого! На прислугу – чтобы стирала, штопала, готовила – и то уйдет юаней восемь – десять в месяц. А так получаешь прислугу, с которой можно переспать, не рискуя подхватить дурную болезнь. Останешься доволен – сошьешь ей длинный халат из ситца за несколько юаней. Не угодит – заставишь голой сидеть дома, она и пикнуть не посмеет. Отправляясь в другую часть, вояка нисколько не жалел о койке и стульях, так как «жене» еще предстояло самой платить за комнату. Денег, вырученных за мебель и утварь, порою не хватало даже на это.

Сяо Фуцзы продала койку, рассчиталась с хозяйкой и вернулась домой в одном халате из пестрого ситца, с серебряными сережками в ушах.

После продажи коляски у Эр Цянцзы осталось юаней двадцать – остальное ушло на уплату долга. Он все сильнее чувствовал, как тяжело в его годы остаться вдовцом. Некому пожалеть, некому утешить, и он пил, а напившись, сам жалел и утешал себя как мог. В такие дни он ненавидел деньги и транжирил их вовсю. Порой мелькала мысль, что надо бы снова взяться за коляску, поставить сыновей на ноги, чтобы были опорой в старости. Он накопил всякой всячины, смотрел, как жадно они набрасываются на еду, и глаза его наполнялись слезами.

– Сиротки вы мои! – причитал он. – Несчастные детки! Я буду из последних сил работать для вас! Обо мне не заботьтесь – главное, чтобы вы были сыты! Ешьте на здоровье. А вырастете и не забудете меня – скажу спасибо!

Постепенно ушли и последние двадцать юаней.

Эр Цянцзы вновь запил, со всеми скандалил и не заботился больше о детях. Ребята перебивались как могли. Иногда удавалось раздобыть медяк-другой и купить чего-нибудь поесть. Они пристраивались к свадьбам и к похоронным процессиям, собирали медный лом, обрывки бумаги и выменивали на несколько лепешек или на фунт белых бататов, которые проглатывали вместе с кожурой. Порою двоим доставался всего медяк; тогда они покупали земляные орехи или сухие бобы; голода ими не утолишь, зато можно дольше жевать.

Когда вернулась Сяо Фуцзы, дети плакали от радости. Сестра заменит им мать.

Эр Цянцзы к возвращению дочери отнесся без особого восторга. Прибавился лишний рот. Но, видя, как счастливы сыновья, подумал, что женщина в доме нужна. Она будет стирать, гото-

вить. Прогнать дочь он не мог: раз так случилось, ничего не поделаешь!

Сяо Фуцзы и раньше была хороша собой, только очень худа и мала ростом. Сейчас она полнела и подросла. Круглолицая, с бровями-ниточками и чуть вздернутой верхней губой, она была очень миловидной и по-детски наивной. Особенно когда сердилась или смеялась, приоткрыв рот и показывая ровные белые зубы. Военного в свое время больше всего пленили эти ее зубки.

Сяо Фуцзы, как и других бедных девушек, можно было сравнить с прекрасным хрупким цветком; не успеет распуститься, как его срывают и несут на базар.

Хуню презирала своих соседок по двору, но Сяо Фуцзы ей сразу понравилась. И своей внешностью, и тем, что носила длинный халат из пестрого ситца, а главное – тем, что прожила целый год с военным и наверняка кое-чему научилась.

Женщинам нелегко подружиться, но уж если они друг другу пришлились по душе, то сходятся очень быстро. Не прошло и нескольких дней, как Хуню и Сяо Фуцзы стали неразлучны. Хуню любила полакомиться и всякий раз, купив семечек или орехов, звала Сяо Фуцзы к себе поболтать. Сяо Фуцзы не нашла своего счастья, но, когда вояка бывал в хорошем настроении, он водил ее по ресторанам и театрам, в общем, было о чем вспомнить. Хуню завидовала подруге. Сяо Фуцзы не любила говорить о вещах, для нее унижительных, но Хуню слушала с такой жадностью и так упрашивала рассказывать все без стеснения, что та не могла отказать.

Слушая Сяо Фуцзы, Хуню восхищалась и в то же время думала о том, что сама она уже немолода, что у нее незадачливый муж, – и ей становилось обидно. Хуню видела мало хорошего в прошлом и ничего не ждала от будущего. А настоящее? Сянцзы просто-напросто пень. И чем больше она злилась на мужа, тем сильнее привязывалась к Сяо Фуцзы. Пусть эта девчонка бедна, жалка, но она испытала какие-то радости, повидала жизнь и могла умереть, ни о чем не жалея. Хуню казалось, что Сяо Фуцзы познала все, что доступно женщине в этом мире.

Хуню не могла понять, как глубоко несчастна Сяо Фуцзы, а ведь та вернулась домой ни с чем и теперь должна была заботиться о пьянице-отце и младших братьях. А где взять денег? Однажды, напившись, Эр Цянцзы стал орать:

– Если тебе и в самом деле жаль братьев, ты знаешь, как заработать! На меня не надейтесь! Я и так целыми днями мыкаюсь, и все ради вас, а мне самому надо досыта есть. Думаешь, можно бегать с пустым брюхом? Сковырнусь, тебе что, лучше будет? Чего ждешь? Для кого бережешь себя?

Глядя на пьяного отца, на голодных, как крысята, братьев, Сяо Фуцзы горько плакала. Но слезами братьев не накормишь, а отцу на нее наплевать. Значит, осталось одно – торговать собой.

Сяо Фуцзы привлекла к себе братишку, ее слезы капали ему на голову.

– Сестра, я есть хочу!

Сестра! Можно подумать, что сестра дойная корова и должна их кормить.

Хуню не отговаривала Сяо Фуцзы, напротив! Она даже предложила подруге немного денег, чтобы та приделась, – отдаст, когда заработает, – и предоставила ей свою комнату – У Сяо Фуцзы грязь, а у нее просторно и вполне прилично.

Сянцзы днем домой не заглядывал, и Хуню с радостью помогала Сяо Фуцзы, надеясь увидеть что-то новое, о чем сама тайком мечтала. Сяо Фуцзы платила Хуню два мао – такое условие поставила Хуню. Дружба дружбой, а дело делом: ведь она прибирала для Сяо Фуцзы комнаты, тратилась. Разве новый веник и совок для мусора не стоят денег? Два мао, право, не так уж много. С другой она взяла бы больше, но ведь они подруги!

Сяо Фуцзы улыбалась сквозь слезы. Сянцзы ничего не подозревал. Знал только, что по ночам Хуню не дает ему спать. Она пыталась вернуть ушедшую весну.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Наступил июнь.

Во дворе было тихо: пользуясь утренней прохладой, ребяташки со старыми корзинками уходили на поиски всякого хлама, который мог бы для чего-нибудь пригодиться. К девяти часам под палящим солнцем, обжигавшим их тощие спины, они спешили домой поесть что придется.

Позднее ребята постарше, если удавалось раздобыть не сколько медяков, покупали какую-нибудь вещь и тут же перепродавали, чтобы немного заработать. А не удавалось раздобыть денег, они гурьбой отправлялись за город купаться в Хучэнхэ. По дороге на железнодорожных путях крали уголь или ловили стрекоз и продавали детям из богатых семей. Самые маленькие боялись убежать далеко от дома: за воротами они собирали под деревьями гусениц или выкапывали куколок.

Мужчины и дети уходили, а женщины, сбросив одежду, сидели дома – во дворе было жарко, как в пекле, раскаленная земля обжигала ноги.

Мужчины и ребята возвращались перед заходом солнца, когда у стен уже лежали тени и веяло прохладой. В дом, раскаленный за день, как печка, не шли: усаживались во дворе, дожидаясь, пока женщины приготовят поесть. В те кие минуты там было оживленно, как на базаре. Изнуренные зноем и голодом мужчины, с воспаленными глазами, еле сдерживались, чтобы не выместить зло и досаду на женах и детях, не поколотить их. Но все же рукам воли не давали, только ругались, отводя душу. Шум стоял до тех пор, пока не появлялась еда. Поев, одни ребята засыпали прямо во дворе, другие убегали играть на улицу. Взрослые, утолив голод, становились добрее, любители поговорить собирались кучками и делились горестями дня. Те, кому есть было нечего, несмотря на жару, лежали у себя в комнатах, кто молча, кто громко ругаясь. Если бы даже нашлось что продать или заложить, в это позднее время идти было некуда. Женщины со слезами на глазах выпрашивали займы хоть несколько медяков, и иногда им это с большим трудом удавалось. Крепко зажав в руке монеты, они спешили купить немного кукурузной муки и бобов, чтобы сварить жидкую кашу.

Только Хуню и Сяо Фуцзы жили иначе. Сянцзы уходил с рассветом, а Хуню нежилась в постели часов до девяти-десяти. Она ждала ребенка – на этот раз без обмана – и по распространенному заблуждению считала, что в ее положении не следует много двигаться. Кроме того, ей хотелось почваниться перед соседями. Все вставали очень рано и принимались за дела, а она могла валяться сколько душе угодно. Вечером, захватив маленькую скамеечку, она выходила за ворота посидеть на ветерке и возвращалась, когда почти все соседи спали. Вступать в разговоры с ними она по-прежнему считала для себя унижительным.

Сяо Фуцзы тоже вставала поздно, но по другой причине. Она боялась, что мужчины будут на нее коситься, поэтому ждала, когда все разойдется. Днем она либо шла к Хуню, либо отправлялась искать клиентов. А вечером, чтобы избежать презрительных взглядов соседок, снова уходила и, лишь когда все укладывались спать, тайком пробиралась к себе.

Сянцзы и Эр Цянцзы не походили на других.

Сянцзы боялся этого большого двора и еще больше – своих комнат. Бесперывные разговоры о тяжелой жизни нагоняли тоску. А в комнатах он задыхался от жары, от скуки и от Хуню. Она все больше становилась похожей на ненасытную тигрицу. Прежде, чтобы избежать ссор, ему приходилось возвращаться засветло, но в последнее время, подружившись с Сяо Фуцзы, Хуню стала покладистой, и он мог приходить позднее.

Эр Цянцзы старался не появляться во дворе: не увидят – не осудят. Зачем мозолить людям глаза? Он знал, чем занимается дочь, и стыдился, но был бессилем что-либо изменить. Прокормить семью он не мог. Временами в нем пробуждалась ненависть к дочери. Будь у него взрослый сын, не пришлось бы терпеть такого позора. Иногда становилось жаль Сяо Фуцзы: ведь она продает себя, чтобы накормить братьев! А когда напивался, все было безразлично. Он просил у дочери денег, смотрел на нее как на скотину, которая приносит доход, – почему бы и ему не получить свою долю? Он даже упрекал ее в непорядочности! Все презирали Сяо Фуцзы, даже родной отец. Он требовал денег и вопил на весь двор, словно нарочно, чтобы все слышали: он, Эр Цянцзы, ни в чем не виноват! Это дочь от рождения такая бесстыжая!

Он кричал, а Сяо Фуцзы не смела слова сказать. Только Хуню могла утихомирить пьяницу, то уговорами, то бранью. Приходилось, конечно, иной раз сунуть ему монету-другую. Эр Цянцзы тут же пропивал эти деньги – трезвому ему оставалось только броситься в реку или повеситься.

Пятнадцатого июня жара стояла с самого утра. Ни малейшего ветерка! Серая дымка повисла в воздухе, вызывая неприятное ощущение зыбкости всего окружающего.

Сянцзы взглянул на серовато-красное небо и решил выехать с коляской после четырех часов.

Если выручит мало, можно будет еще вечером поработать: после заката все же легче дышится.

Однако Хуню торопила его, боялась, как бы Сяо Фуцзы не привела «гостя».

– Что хорошего дома в такую жару? – говорила она Сянцзы. – К полудню здесь невозможно терпеть. Сянцзы молча выпил воды и вышел. Ивы стояли как больные: листья, покрытые пылью, свернулись, ветви безжизненно поникли. Над мостовой дрожало знойное море. По обочинам клубилась пыль, обжигая лица людей, которые и без того задыхались. Собаки, высунув языки, валялись на земле. Лошади, тяжело дыша, раздували ноздри. Не слышно было выкриков торговцев. Асфальт размягчился, медные вывески лавок, казалось, вот-вот расплавятся.

На улицах царила необычная тишина, лишь из кузниц доносились монотонные удары молота. Рикши, зная, что не побегаешь – не поешь, лениво предлагали пассажирам свои услуги. Некоторые ставили коляски в тень и, подняв верх, дремали. Другие пытались утолить жажду в чайных. А кое-кто вовсе не выезжал, только время от времени выходил на улицу поглядеть, не спала ли жара. Самые здоровые, первоклассные рикши, позабыв о профессиональной чести, едва тащились. Колодцы казались им спасительными оазисами, и, если даже попадались через каждые несколько шагов, рикши ни одного не пропускали и пили жадно, большими глотками, прямо из колод для скота, не удосуживаясь достать свежей воды. Некоторые падали на ходу и больше не поднимались.

Сянцзы и тот струсил. Пробежав несколько шагов с пустой коляской, он почувствовал, что все тело горит, словно в огне, а руки стали влажными от пота. Подвернулся пассажир, Сянцзы не стал упускать его, надеясь, что на бегу от встречного ветерка будет прохладнее. Однако, взявшись за ручки, понял, что в такую жару бежать невозможно. У него сразу захватило дух, во рту пересохло. Пить не хотелось, но, увидев воду, он устремился к ней. В то же время надо было двигаться быстро, чтобы палящие лучи не сожгли руки и спину.

Кое-как дотащил он пассажира до места. Штаны и куртка прилипли к телу. Помахал банановым веером – не помогло: воздух обжигал. Сянцзы снова побежал в чайную, хотя выпил уже очень много воды. Влил в себя два чайника горячего чая, стало немного легче. Он пил и обливался потом, словно тело не удерживало влагу. Страшно было двинуться с места.

Он долго сидел, даже самому надоело, но не решался выйти, хотя в чайной делать было нечего. Жара как назло становилась все нестерпимее. Неужели он спасует? Ведь не первый день возит коляску, не впервые встречает лето – с какой стати терять целый день?

Сянцзы решил выйти, однако ноги не слушались, тело было каким-то ватным. Пот лил градом, сердце сжималось. Но что толку сидеть: все равно жарко, на улице лучше.

Он вышел из чайной и сразу понял, что совершил оплошность. Серая пелена на небе рассеялась, было уже не так душно, но солнце жгло пуще прежнего. Страшно было взглянуть на разъяренное светило. Его огненные лучи проникали всюду. Небо, крыши домов, стены, мостовая – все было залито белым светом. Воздух казался огромной призмой, сквозь которую проходили солнечные лучи, сжигая землю, раздражая зрение, обоняние. Улицы словно вымерли и стали шире. Вокруг царили зной и пустота.

Еле передвигая ноги, Сянцзы тащился словно в полузабытьи со своей коляской. Не только одежда, даже стельки были липкие от пота, и ему казалось, что он ступает по грязи. Он не испытывал жажды, но, увидев колодец, невольно поспешил к нему и пил долго, не отрываясь, словно надеялся впитать в себя немного прохлады. Вода освежила Сянцзы, он даже вздрогнул, как от озноба. Стало чуть легче. Он несколько раз икнул.

Пройдя еще немного, Сянцзы присел отдохнуть: очень не хотелось возить пассажиров!

С утра он не чувствовал голода, но в полдень, как обычно, захотел есть. Однако при виде пищи его стошнило. Желудок был переполнен водой, в животе урчало, как у опившейся лошади.

Сянцзы всегда боялся зимы, он и не предполагал, что лето может быть таким тяжелым, хотя жил в городе не первый год. Может быть, пошатнулось здоровье? Эта мысль испугала его. Да-да, он ослаб. Но что делать? От Хуню ему не уйти. Неужели он станет таким же, как Эр Цянцзы или тот пожилой рикша, старик, который зашел тогда в чайную со своим внуком? Неужели все кончено?

В час пополудни он снова повез пассажира. Это было самое жаркое время самого жаркого

дня лета. Но он решил бежать, не обращая внимания на зной. Если он довезет пассажира и ничего не случится, значит, здоровье его не так уж плохо. А если не довезет – тогда не о чем говорить. Упадет замертво на пышущую огнем землю, и дело с концом!

Пробежав несколько шагов, Сянцзы почувствовал ветерок, словно в душную комнату во-
рвалась прохлада. Он не поверил себе, взглянул на ветви ив на обочине – они покачивались!
Улицы внезапно заполнились людьми, которые торопливо выбегали из лавок, прикрыв головы
веерами, и кричали:

– Ветер! Ветерок! Подул ветер!

Все готовы были прыгать от радости. Ивы у дороги словно ожили и зашумели как посланцы
неба, возвестившие о прохладе.

– Ветви колышутся! О Небо! Пошли нам свежий ветер!

Жара еще держалась, но на душе полегчало. Ветерок вселял надежду. От его легких порывов
зной как будто уменьшился. Внезапно свет померк, в воздухе закружился песок. Ветер усилился.
Ивы, словно получив какое-то радостное известие, закачались и зашумели. Потом ветер стих, но
пыль все висела в воздухе. Вдруг небо потемнело еще больше: на севере показалась черная, зло-
вещая туча.

Сянцзы немного остыл, посмотрел на тучу и остановился надо было поднять верх коляски:
летние дожди обрушиваются внезапно.

Тучи, клубясь, закрыли половину неба. Горячая пыль носилась в воздухе, от земли шел не-
приятный запах. Было прохладно и вместе с тем душно. Южная часть неба сияла голубизной, но с
севера надвигалась черная туча, как вестник бедствия. Началась паника. Рикши поспешно подни-
мали тенты колясок, лавочники торопились убрать вывески, торговцы складывали лотки, прохо-
жие прятались. Снова налетел ветер, и улицы опустели – всех будто вымело, только ивы размахи-
вали ветвями, как в бешеном танце.

На небе еще кое-где оставались просветы, но землю окутала тьма. Яркий полдень сменился
вдруг темной ночью. Пылевые вихри, отягощенные первыми каплями дождя, метались из стороны
в сторону, словно отыскивая себе жертву. Далеко на севере, разорвав тучи, вспыхнула крова-
во-красная молния.

Ветер выл, нагоняя страх. Каждый новый порыв грозил бедой, даже ивы затрепетали. Снова
сверкнула молния, теперь над самой головой. Дождь зачастил, прибивая пыль.

Несколько крупных капель упало на спину Сянцзы, и он вздрогнул. Дождь медлил, но тучи
не рассеивались. Снова налетел вихрь. Взметнулись ветви ив, полетела во все стороны пыль, и на
землю обрушились потоки воды. Ветер, пыль, дождь все смешалось, зашумело, закружи лось.
Земля и тучи слились воедино. Вдруг ветер стих. Холодные стрелы дождя водопадами низверга-
лись на го род. Реки небесные хлынули, реки земные вышли из берегов, и все слилось в одну чер-
но-желтую стену, которую временами пронзали яркие молнии.

Сянцзы весь вымок, с его соломенной шляпы струями стекала вода. Дождь хлестал по лицу,
трепал штаны. Сянцзы не мог поднять головы, открыть глаз; он задыхался и едва передвигал ноги,
бредя наугад по щиколотку в воде. Холод пробирал до мозга костей. Сердце сжималось, в ушах
шумело. Он не мог найти подходящего места, чтобы поста вить коляску. Хотел бежать мешала
вода. Еле живой, он медленно тащился вперед. Пассажир скорчился в коляске, предоставив рикше
одному бороться со стихией.

Наконец дождь начал стихать. Распрямив спину, Сянцзы проговорил:

– Укроемся на время, господин, переждем!

Но пассажир затопал ногами, заорал:

– Вези скорее! А то бросишь на полдороге!

Сянцзы хотел было переждать грозу, но понял: если остановится, сразу замерзнет и, стиснув
зубы, побежал дальше. Небо опять потемнело, сверкнула молния, дождь хлестал в лицо.

Когда приехали на место, пассажир, рассчитываясь, не прибавил ни медяка, но Сянцзы
смолчал: ему было все равно!

Дождь то стихал, то усиливался, но уже не был так беспощаден. Сянцзы, не переводя дыха-
ния, добежал до дому. Сел к очагу, но продолжал дрожать, как лист на ветру. Хуню дала ему го-

рячей сладкой воды с имбирем. Он обеими руками схватил чашку, залпом выпил все до капли и забрался под одеяло. В ушах шумел дождь. Сянцзы впал в забытие...

К четырем часам вспышки молнии стали реже, гроза начала терять силу. Вскоре тучи на западе разошлись, по краям окаймленные золотом. Но пелена дождя все еще висела в воздухе. Громовые раскаты становились все тише, удаляясь на Юг. Наконец появилось солнце, и мокрые листья засверкали как малахит.

На востоке в прояснившемся небе вспыхнула радуга, только концы ее еще прятались в низких тучах. Когда же радуга исчезла, не осталось ни облачка.

Все вокруг было омыто дождем. Казалось, из грозового хаоса возник новый, прекрасный мир. Даже над сточными канавами кружились разноцветные стрекозы.

Но во дворе никто, кроме босоногих ребятишек, гонявшихся за стрекозами, не радовался ясному небу и солнцу.

В комнате Сяо Фуцзы обрушилась часть стены; пришлось снять с кана циновку и заткнуть дыру. Во многих местах обвалился забор, но до забора ли было. Одним приходилось то совком, то миской вычерпывать воду, залившую пол, другим – заделывать дыры в стене, вытаскивать промокшие вещи во двор и сушить их на солнце или у огня.

Во время ливня бедняки прячутся в своих каморках, готовых в любую минуту обрушиться и заживо похоронить всех обитателей. Люди словно вверяют себя милости Неба. А после дождя подсчитывают убытки. Возможно, теперь, когда засуха миновала, рис и подешевеет на полмедяка, но это не возместит потерь. Хозяева ремонтируют дома, лишь когда комнаты становятся совершенно непригодными для жилья. Один, в лучшем случае, два штукатура наскоро заделывают дыры глиной и мелким щебнем – до следующего ливня! Но стоило какому-нибудь жильцу хоть на день задержать плату, как его сразу же выгоняли, а вещи отбирали. Никому не было дела до того, что такой дом может в любой момент рухнуть и погибнут люди – на лучшее жилье у бедняков не было денег.

Больше всего обитатели этих нищих лачуг страдают после дождей от простуды. Весь день и ребята и взрослые проводят на улице, тяжелым трудом зарабатывая на жизнь. Когда потные и разгоряченные, они попадают под дождь, обычно очень холодный на севере, а то и под град величиной с грецкий орех, то сразу заболевают и долго валяются в жару на сыром кане. Лекарство им купить не на что.

Для урожая дождь благо – поднимаются кукуруза и гаолян, но в городе он уносит в могилу сотни детей бедняков. Когда заболеет взрослый, еще тяжелее. Поэты воспевают жемчуг брызг на лотосе и двойную радугу после дождя, но беднякам не до красот. Если заболеет кормилец, в дом входит голод. Недаром после дождей возрастает число проституток, воришек и вообще всяких преступников: когда болен отец, сыновья идут воровать, а дочери торгуют собой. Все лучше, чем умереть с голоду! Дождь идет для всех: для богатых и бедных, для праведников и злодеев, но одним он приносит богатство и радость, другим – смерть и горе, ибо изливается на землю, лишенную справедливости.

Сянцзы заболел. Слегли и многие соседи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Двое суток Сянцзы проспал мертвым сном, и Хуню беспокоила. Она отправилась в храм Императрицы, раздобыла всякие чудодейственные травы, растертые с пеплом от благовоний. Когда в Сянцзы влили это снадобье, он открыл глаза, огляделся, но вскоре снова впал в забытие и начал бредить. Тогда Хуню решила пойти за врачом. Два укола, лекарство – и Сянцзы пришел в себя.

– Дождь еще идет? – первым делом спросил он.

Лекарства Сянцзы решил больше не принимать: жаль денег. Он очень досадовал, что заболел. Незачем пить всякое зелье из-за какой-то простуды! Сянцзы храбрился, но когда попытался встать, перед глазами поплыли огненные круги, и он снова упал. Делать нечего, пришлось глотать лекарства.

Сянцзы пролежал десять дней. И с каждым днем все больше расстраивался. Уткнется в подушку и плачет. Сейчас за все платит Хуню. Но что будет, когда кончатся ее деньги? Ведь он не может обеспечить семью. Хуню чересчур расточительна, любит полакомиться. А скоро появится ребенок!...

Сянцзы поправлялся медленно. Его грызло беспокойство, и это усугубляло болезнь.

– Что с коляской? – спросил Сянцзы, когда ему полегчало.

– Не волнуйся, отдала Динсы напрокат!

– Ай-я!

Сянцзы боялся, как бы не сломали коляску, однако Хуню поступила правильно: не стоять же коляске без дела! Он подсчитал, что зарабатывал пять-шесть мао в день. Этого хватало на плату за жилье, на рис, топливо, масло для лампы и еще оставалось ему на чашку чая. На жизнь достаточно, если, конечно, тратить расчетливо, не так, как Хуню. А сейчас они получали всего мао в день, да еще покупали лекарства. Что, если болезнь свалила его надолго? Не удивительно, что Эр Цянцзы пьет, да и остальные рикши живут сегодняшним днем. Рикшу на каждом шагу подстерегает смерть! Как бы усердно он ни работал, каким бы упорным ни был, он не имеет права обзаводиться семьей, не имеет права болеть – словом, ни на что не имеет права!

Сянцзы вспомнил свою первую коляску, вспомнил пропавшие деньги, добытые с таким трудом... Кого винить в этих несчастьях? Не из-за болезни и не из-за семьи он потерял тогда все. Видно, как ни бейся, толку не будет. Да, неизвестно откуда придет гибель.

Тоска уступила место полному безразличию. Пропавшие все пропадом! Будет валяться, пока не поправится!

Несколько дней он лежал спокойно, ни о чем не думая, но вскоре им вновь овладело желание поскорее приняться за дело: бегать, трудиться в поте лица. Пусть он погибнет, но человек, пока жив, до последнего вздоха надеется на лучшее. Вот только никак он не поправится.

– Помнишь, я говорил, что эта коляска несчастливая! – без конца твердил он Хуню.

– Ты лучше выздоравливай скорей! Совсем помешался на своей коляске...

Что тут скажешь! Он и в самом деле помешан на коляске! До сих пор верит, что она может принести счастье. Да, видно, зря верит...

Почувствовав себя немного лучше, Сянцзы поднялся, поглядел в зеркало и не узнал себя: щеки впали и обросли щетиной, глаза провалились, возле шрама прибавилось морщин.

В комнате было нестерпимо душно, но выйти во двор он не решался. Первокласный рикша, а худой и бледным, как привидение, еле ноги волочит. Пусть лучше его не видят таким. Экая досада! Нет у него пока сил взяться за коляску! Увы! Болезнь приходит и уходит, когда ей вздумается.

Сянцзы провалялся с месяц. Потом снова впрягся в работу, хоть еще не окреп. Он надвигал шапку поглубже, чтобы его не узнали. Он не мог теперь бегать быстро, как раньше, и боялся вызвать презрение.

Сянцзы из кожи вон лез, чтобы наверстать упущенное, ни одного пассажира не упускал. Но через несколько дней опять слег. На этот раз с дизентерией. От досады он хлестал себя по щекам – но что поделаешь! Болезнь окончательно измотала Сянцзы. Он до того обессилел, что не мог даже подняться без помощи. О работе не могло быть и речи. Снова месяц прошел впустую. Деньги Хуню были на исходе.

Лишь в середине августа он решился наконец выехать с коляской: если опять заболеет – поклялся себе Сянцзы, – бросится в реку.

Во время первой болезни Сяо Фуцзы заходила проводить Сянцзы. С женой он не любил разговаривать, а с Сяо Фуцзы перебрасывался словом-другим. Это злило Хуню. Когда Сянцзы работал, Сяо Фуцзы была для нее хорошей и выгодной подругой. А теперь ей казалось, что бесстыжая соседка заигрывает с ее мужем. Хуню потребовала, чтобы Сяо Фуцзы уплатила ей все, что задолжала, и не смела больше переступать их порог.

Теперь Сяо Фуцзы негде было принимать «гостей». В ее комнате даже циновку сняли с кана, чтобы законопатить стену. Куда ей было деваться? Разве только зарегистрироваться на бирже живого товара. Но там предпочитали девушек «образованных» или «из богатых семей» – товар по-

солидней, подороже. Кому нужны такие, как она? Можно, конечно, пойти в публичный дом, но там она навсегда потеряет свободу. А кто будет заботиться о братишках? Лучше смерть, чем вечная неволя.

Сяо Фуцзы не боялась смерти, но ей хотелось совершить в жизни что-то большое, достойное. Вот поставит на ноги братьев, тогда и умереть можно. Рано или поздно смерть все равно придет, но, пока жива, она должна спасать братьев!

Сяо Фуцзы думала, думала и наконец решила принимать самых простых клиентов. Кто согласится войти в ее лачугу, разумеется, заплатит немного! Зато она экономит на одежде, на креме, на пудре: в такой каморке не до моды, хватит и того, что она молода. По деньгам и удовольствию.

Между тем Хуню становилось все труднее двигаться: она даже боялась выходить за покупками. Сянцзы пропадал целыми днями, Сяо Фуцзы не показывалась, и Хуню чуть не скулила от тоски, словно собака в конуре. Она решила, что это ей назло Сяо Фуцзы стала принимать самых простых гостей. Хуню открывала дверь, садилась на пороге и ждала. Как только появлялся клиент, Хуню начинала выкрикивать всякий вздор, чтобы досадить бывшей подруге. «Гостей» у Сяо Фуцзы становилось все меньше, а Хуню злорадствовала.

Сяо Фуцзы понимала, что вскоре все соседи последуют примеру Хуню и тогда ей совсем не станет житья. Однако сердиться не смела. В ее положении гневом беде не поможешь. И вот Сяо Фуцзы пришла с младшим братом к Хуню на поклон. Она ничего не сказала, но молчание было красноречивее всяких слов.

Хуню поняла, что несчастной уже и смерть не страшна. Но страшнее смерти – позор. А сколько можно терпеть позор? Даже самого робкого человека нельзя доводить до отчаяния!

Хуню растерялась: теперь ей нельзя ни скандалить, ни браниться. Лучше, пожалуй, уступить. Кто мог подумать, что дело примет такой оборот? Глупышка Сяо Фуцзы не поняла: Хуню ведь шутила!

Подруги помирились, и Хуню, как прежде, принялась во всем помогать Сяо Фуцзы.

Сянцзы снова взялся за коляску, но стал более осторожен, понял, что и он не железный. Конечно, желание заработать побольше не исчезало, но теперь он знал, что надо беречь себя. Человек, каким бы сильным он ни был, не всегда может выдержать удары судьбы.

После дизентерии у Сянцзы часто болел живот. Хочется подналечь, побежать быстрее, но вдруг ни с того ни с сего так скрутит, что приходится замедлять шаг, останавливаться и переводить дух. Ладно, когда один везешь пассажира! Но если несколько рикш бегут вместе, напарники удивляются, и это ранит самолюбие Сянцзы. Ему только двадцать с небольшим, а жизнь так над ним подшутила! Что же будет с ним в тридцать лет, в сорок? От этих мыслей прошибал холодный пот.

Чтобы сберечь здоровье, он охотно взялся бы возить коляску помесечно у одного хозяина. Конечно, на такой работе бегать нужно быстро, зато чаще отдыхаешь. Это куда легче, чем возить случайных пассажиров. Но Хуню на это ни за что не согласится. С тех пор, как Сянцзы женился, он потерял свободу. И за что ему досталась такая жена? Злосчастная судьба!

Прошло еще полгода. Наступила зима. Сянцзы почти смирился со своей долей и по-прежнему работал из последних сил. Он ни о чем больше не мечтал, ни к чему не стремился, но бездельничать не мог. Работал вяло, по привычке опустив голову. Это уже не был прежний беспечный рикша, которому все нипочем! Он зарабатывал больше других, потому что никогда не стоял без дела, за исключением тех случаев, когда мучали колики. Вozил любых пассажиров, не только выгодных, и не хитрил, как другие, не набивал цену, не перехватывал клиентов. Сянцзы сильно уставал, но не было дня, чтобы он не принес домой хоть немного денег.

Однако заработка его не хватало. Дневную выручку Хуню тут же тратила всю, до последнего медяка. Он умел экономить, но еще лучше умела тратить Хуню. О покупке второй коляски нечего было и думать.

Родить Хуню должна была в начале февраля. Уже к Новому году живот ее стал заметен. К тому же она выпячивала его, словно желая подчеркнуть всю значительность своего положения. Теперь она больше лежала. О еде заботилась Сяо Фуцзы. Хуню отдавала ей для братьев остатки

пищи. Это увеличивало расходы.

Хуню считала, что ей полезно есть побольше вкусных вещей, постоянно что-то жевала. Накупит всякой всячины, да еще Сянцзы заказывает то одно, то другое. Она тратила все, что зарабатывал муж. Сколько бы он ни принес. А Сянцзы слова не смел сказать. Когда он болел, она тратила свои деньги, теперь пришло время расплачиваться. Стоило Сянцзы попридержаться хоть медяк, жена тут же начинала причитать:

– Ничего ты не понимаешь! Беременность – это болезнь, и продолжается она девять месяцев. Сянцзы и в самом деле ничего в этом не понимал.

Хуню становилась все капризнее, не вставала с кана и по несколько раз на дню посылала Сяо Фуцзы за покупками, досадуя, что не может выйти сама. Она любила бывать на людях. Сидеть дома ей было скучно, и она забавлялась тем, что накупала всякой всячины. Какое ни на есть – а развлечение! При этом она уверяла Сянцзы, что заботится только о нем.

– Весь год ты без отдыха, не окреп еще после болезни, почему же тебе не полакомиться?! На праздник да не поесть вволю? Эдак ты скоро станешь сухим, как заморенный клоп!

Сянцзы не возражал – он не умел спорить. А Хуню почти все съедала сама. Наестся – и сразу спать, а потом жалуется, что пучит живот, и сваливает все на беременность.

После Нового года Хуню запретила Сянцзы выходить по вечерам: она не знала точно, когда начнутся роды, и очень боялась. Только теперь она вспомнила о своем возрасте. Она так и не сказала Сянцзы, сколько ей лет, но больше не уверяла, что лишь немногим старше его. Она столько говорила о родах, что у Сянцзы трещала голова. Но дети – это продолжение рода. И Сянцзы испытывал невольную гордость. Конечно, им не следовало заводить ребенка. Но какое сердце не смягчится при мысли, что у тебя будет сын или дочь, что кто-то ласково назовет тебя отцом! Великое это слово!

Теперь Сянцзы ни о чем другом не мог думать. Огромная ответственность ляжет на его плечи, жизнь приобретет смысл. Ему хотелось дать Хуню все, что та пожелает, окружить ее любовью и заботой – ведь в ней зарождалось новое существо! Пусть она противная, несносная – в этом деле ей принадлежит главная роль. И все же терпеть ее выходки порой становилось невмоготу.

Каждую минуту Хуню приходила в голову какая-нибудь блажь, и она поднимала такой шум, словно в нее вселялась нечистая сила. А ведь Сянцзы нуждался в отдыхе. Он примирился с тем, что она транжирит деньги, но ему нужен был хотя бы ночью покой, чтобы на следующий день снова взяться за коляску. Она не позволяла ему отлучаться из дому вечерами и не давала как следует отдохнуть по ночам. Сянцзы ни о чем не мог думать, кружился целыми сутками, словно в тумане. Радость сменялась тревогой, тревога – печалью.

Это смятение чувств порой вызывало в нем стыд. Однажды он так расстроился, что доставил пассажира совсем не в то место, и не мог смотреть ему в глаза.

Перед праздником фонарей¹⁸ Хуню послала Сянцзы за повивальной бабкой. Но бабка заявила, что еще не время, и рассказала о предродовых признаках.

Хуню потерпела еще два дня и опять подняла шум. Она плакала, кричала, призывала смерть. Сянцзы ничем не мог ей помочь, но все же согласился на время прекратить работу.

Хуню промучилась еще с неделю, и даже Сянцзы понял, что пришел срок: Хуню изменилась до неузнаваемости. Повивальная бабка после осмотра сообщила Сянцзы, что опасается трудных родов. Хуню уже не молода, роды первые, плод большой – во время беременности она мало двигалась и много ела. Вряд ли роды пройдут нормально. Хуню не показывалась врачу, но положение плода, видимо, было не совсем правильное.

Во дворе часто рассказывали, что бывают случаи, когда роженица умирает и ребенок остается сиротой. Такое могло случиться и с Хуню.

Жены бедняков до последнего дня занимались тяжелой работой, недоедали и роды проходили легко. Опасность появлялась потом, после родов. У Хуню получилось наоборот. Ее преимущества обернулись для нее несчастьем.

Сянцзы, Сяо Фуцзы и повивальная бабка три дня и три ночи не отходили от роженицы. Ка-

---

¹⁸ Праздник фонарей – другое название праздника юаньсяо.

ких только святых Хуню не призывала на помощь, каких не давала обетов. Под конец она совсем охрипла и лишь тихо звала:

– Мама! Мама!

Никто не мог ей помочь. Тут Хуню попросила Сянцзы сходить за ворота Дэшэньмэнь к тетушке Чэньэр, одержимой духом святой лягушки.

Тетушка Чэньэр потребовала пять юаней. Хуню выложила последние деньги.

– Хороший мой! – умоляла она Сянцзы. – Беги скорее! Деньги – пустяк! Поправлюсь, проживем на славу!

Тетушка Чэньэр пришла почти в сумерки со своим «помощником» – высоким желтолицым мужчиной лет сорока. На тетушке Чэньэр, несмотря на преклонный возраст, был голубой шелковый халат, в волосах цветок граната и позолоченные гребни. Она вошла в комнату, огляделась, вымыла руки и поставила курительную свечу. Отвесив поклон, села за столик и уставилась на тлеющее пламя свечи. Потом вдруг забилась в судорогах. А успокоившись, уронила голову на грудь и долго сидела не двигаясь, с закрытыми глазами. Наступила такая тишина, что, казалось, упади иголка, и то будет слышно. Даже Хуню стиснула зубы и перестала кричать. Наконец тетушка Чэньэр медленно подняла голову и обвела всех взглядом. «Помощник» дернул Сянцзы за рукав.

– Поклонись, поклонись добрым духам! – прошептал он.

Сянцзы сам не знал, верит он в духов или нет, но решил, что от поклонов вреда не будет. Словно одержимый, он кланялся и кланялся, опустившись на колени. Затем поднялся, вдохнул сладковатый аромат курительной свечи, и в душе его затеплилась надежда. Сянцзы стоял неподвижно, обливаясь холодным потом.

Не открывая глаз, «святая» заговорила, немного заикаясь:

– Ни... ни... ничего! На... на... нарисуюм...

«Помощник» поспешно протянул ей желтый листок бумаги. «Святая» скомкала его, послушав и пробормотала, что Хуню обидела ребенка, потому он и причиняет ей боль.

– Нынче тетушка Чэньэр добрая, ишь как разговорила! – шепнул «помощник».

Сянцзы стоял как завороченный; он ничего не понимал, но ему стало страшно.

Тетушка Чэньэр протяжно зевнула, посидела еще немного и открыла глаза, словно пробудилась после долгого сна. Затем объяснила, как заставить Хуню проглотить заклинание вместе с пилюлей, сказав, что хочет посмотреть, как подействует заклинание. Пришлось устроить для нее угощение. Сянцзы поручил это Сяо Фуцзы. Та купила горячих лепешек в кунжутном соусе и мясо в сое. Тетушка Чэньэр обиделась, что ей не подали вина.

Хуню проглотила пилюлю с заклинанием, однако это не помогло.

«Святая» и «помощник» закусывали, а роженица продолжала громко стонать и метаться. Так прошло больше часа. У Хуню закатились глаза, но тетушку Чэньэр это мало беспокоило. Она велела Сянцзы опуститься на колени перед столиком со свечой и снова отбивать поклоны. Сянцзы ей больше не верил, но пять юаней не вернешь, и он решил повиноваться. А вдруг произойдет чудо! Он не знал, каким святым молиться, но мольбы его шли из глубины души. Глядя на мерцающее пламя свечи, он взывал к воображаемым добрым духам. Пламя, постепенно гасло. Перед глазами замелькали черные точки. Сянцзы все ниже опускал голову и незаметно задремал: он не спал трое суток.

Неожиданно его качнуло, он вздрогнул и испуганно взглянул на свечу – она почти догорела. Сянцзы медленно поднялся, упираясь руками в пол. Тетушка Чэньэр со своим «помощником» незаметно улизнули.

Сянцзы даже не злился на «святую». Ему было не до этого. Он бросился к Хуню. Широко открытым ртом она ловила воздух и не могла произнести ни слова. Повивальная бабка сказала, что Хуню необходимо отправить в больницу. Сердце у Сянцзы разрывалось, слезы текли по лицу. Сяо Фуцзы тоже плакала, но не растерялась и решила действовать.

– Брат Сянцзы, не плачь! Я сбегая в больницу, узнаю! И, не дожидаясь ответа, Сяо Фуцзы убежала. Возвратилась она через час. Запыхавшись от быстрого

бега, долго не могла вымолвить ни слова. Наконец перевела дух и сказала, что за осмотр

врач берет десять юаней, за прием родов – двадцать, а если роды трудные и придется везти Хуню в больницу, то потребуется еще несколько десятков юаней.

– Брат Сянцзы, что же делать?

Выхода не было, оставалось только ждать. Смерть так смерть!

Как все нелепо и жестоко на свете! Впрочем, на все есть свои причины.

В полночь Хуню покинула этот мир и унесла с собой нерожденного ребенка.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Пришлось продать коляску!

Деньги уплывали из рук Сянцзы, как вода. Покойницу надо было похоронить, да еще предстояли расходы на умиловивление духов.

Сянцзы совсем отупел. Покрасневшими глазами смотрел он, как суетятся люди, а сам только платил и платил, не отдавая себе отчета в происходящем.

Лишь когда телега с гробом выехала за город, Сянцзы стал приходить в себя. Никто не провожал покойницу, только Сянцзы и братья Сяо Фуцзы. Один из них разбрасывал по дороге бумажные деньги, отгоняя злых духов.

Отсутствующим взглядом следил Сянцзы за тем, как могильщики засыпали землей гроб. Он даже не мог плакать: горе высушило слезы. Тупо глядел он на свежий холмик. Лишь когда старший могильщик простился с ним, Сянцзы вспомнил, что надо возвращаться домой.

Сяо Фуцзы прибрала комнату. Сянцзы бросился на кан, зажег сигарету, но курить не хотелось, и он бездумно следил за голубым дымком.

Слезы полились внезапно. Он оплакивал не только Хуню всю свою горькую жизнь. Чего он добился? Столь ко трудов, столько страданий, а он по прежнему нищий, несчастный, одинокий. Сянцзы плакал беззвучно. Коляска, коляска! Его судьба! Купил отняли, снова купил снова потерял, она появлялась и исчезала, как призрак, который невозможно удержать. Он лишился всего, даже жены! Жизнь с Хуню была не сладкой, но он хотя бы имел семью. Все в этих комнатухах принадлежит ей, а она в могиле!

Гнев охватил Сянцзы. Он жадно затаился и, несмотря на отвращение, докурив сигарету, затем обхватил голову руками и так сидел. Сердце сжималось, во рту пересохло. Так было тошно, что хоть кричи!

Вошла Сяо Фуцзы, остановилась в соседней комнате у стола и молча взглянула на Сянцзы.

Увидев ее, Сянцзы снова расплакался. Он заплакал бы даже при виде собаки: переполненное горем сердце готово было раскрыться перед любым живым существом. Он так нуждался в сочувствии! Хотелось поговорить с Сяо Фуцзы, но нужные слова не приходили на ум, и Сянцзы молчал.

– Брат Сян, видишь, я прибрала комнаты! Он кивнул, даже не поблагодарив.

Что же ты собираешься делать?

– А? Сянцзы покачал головой: о будущем он еще не задумывался.

Сяо Фуцзы подошла к нему, хотела что-то сказать и вдруг покраснела. Жизнь часто вынуждала ее забывать о стыде, но она была по натуре честной и перед порядочными людьми испытывала смущение.

Может быть... начала она и осеклась: не хватало слов.

Женщины редко бывают откровенны, но порою краска стыда на лице красноречивее всяких слов. Даже Сянцзы понял затаенные мысли Сяо Фуцзы. Для него она всегда была и останется доброй, прекрасной женщиной с чистой душой, если бы даже тело ее покрылось язвами.

Хороша собой, молода, здорова, трудолюбива и экономна. Лучшей жены не найдешь.

Только Сянцзы не собирался жениться, у него и в мыслях этого не было! Но Сяо Фуцзы так усердно ему помогала! И он кивнул головой. Ему хотелось обнять ее, выплакать свое горе и остаться с ней навсегда. Ради нее он готов был на все, с этой женщиной он был бы по-настоящему счастлив. Мог бы с ней говорить без конца: лишь бы она его слушала! Ее улыбка, наклон головы были бы лучше всякого ответа. С нею он обрел бы семью...

Тут в комнату вбежал брат Сяо Фуцзы.

– Сестра! Отец пришел.

Она нахмурилась и вышла.

Эр Цянцзы еле держался на ногах.

– Ты зачем шляешься к Сянцзы? – Он вытаращил глаза. – Мало того, что торгуешь собой, так еще с Сянцзы забавляешься? Тварь бесстыжая!

Сянцзы все слышал. Он выскочил во двор и стал рядом с Сяо Фуцзы.

– Эх, Сянцзы, Сянцзы! – Эр Цянцзы изо всех сил старался держаться на ногах. – Человек ты или не человек? Нашел из кого выгоду извлекать, чтоб тебе пусто было!

Сянцзы не стал бы связываться с пьяницей, но накопившаяся на сердце горечь искала выхода. Он быстро шагнул вперед, две пары горящих глаз встретились; казалось, сейчас посыплются искры! Сянцзы схватил Эр Цянцзы и легко, как ребенка, отшвырнул в сторону.

Тот, у кого нечистая совесть, напившись, обычно буянит. Эр Цянцзы не был так уж сильно пьян, а грохнувшись на землю, совсем отрезвел. Он понял, что с Сянцзы ему не справиться, но уйти подобру-поздорову не желал и продолжал валяться на земле, неся всякий вздор:

– Я забочусь о своих детях! И нечего соваться в чужие дела! Бить меня вздумал? Смотри, пожалеешь!

Сянцзы молчал, приготовившись к драке.

У Сяо Фуцзы в глазах стояли слезы: она не знала что делать. Урезонивать отца бесполезно, но ведь не может она спокойно смотреть, как Сянцзы будет его избивать. Она отыскала у себя несколько медяков и сунула брату. Тот обычно старался не попадаться пьяному отцу на глаза, но сейчас, когда Эр Цянцзы лежал на земле, осмелел:

– Вот тебе – бери и уходи!

Эр Цянцзы покосился на деньги, взял их и, ворча, стал подниматься.

– Обижаете старика! Прирезать бы вас всех! А с тобой, Сянцзы, я еще рассчитаюсь! На улице встретимся! – крикнул он, выходя из ворот.

Сянцзы и Сяо Фуцзы вернулись в комнату.

– Я ничего не могу с ним сделать! – сказала она будто самой себе. – Мне одной не справиться...

Сколько горечи и вместе с тем безграничной надежды было в этих словах! Если Сянцзы останется с ней, она спасена!

Но тут Сянцзы подумал о том, что его ждет в этом случае. Сяо Фуцзы, конечно, ему нравилась, но в их семье никто не работает. Не станет же он кормить ее братьев и отца-пьяницу. Только богачи могут поступать по велению сердца, а бедняк должен думать о хлебе насущном. Еще ему стало стыдно, что он обрадовался смерти Хуню как освобождению. Ведь покойница бывала и доброй к нему! Он принялся собирать вещи.

– Уезжаешь? – побелевшими губами спросила Сяо Фуцзы.

– Да!

Сянцзы держался нарочито грубо. В этом мире, мире несправедливости, бедняки грубостью оберегают свою свободу, вернее, жалкие крохи этой свободы.

Он молча взглянул на молодую женщину. Понуриив голову, Сяо Фуцзы вышла. Она не досадовала, не сердилась – ее душило отчаяние.

Хуню положили в гроб в самой лучшей одежде, со всеми украшениями. Осталось несколько поношенных платьев, жалкая мебель да несколько чашек и кастрюль. Сянцзы отобрал кое-что из платьев получше, а остальное – и одежду и утварь – решил продать. Позвал старьевщика и, не торгуясь, отдал все за десять с лишним юаней, только бы скорее уехать. После ухода старьевщика остались только постель Сянцзы и несколько платьев. Они лежали на кане, не покрытом циновкой. Сянцзы почувствовал облегчение, словно сбросил с себя тяжкие путы. Тетерь он был вольной птицей. Однако вскоре вещи снова напомнили о себе. От ножек стола возле стены остались следы. Он взглянул на них – и как живую увидел Хуню. Не так просто забыть человека и то, что связано с ним.

Сянцзы присел на кан, вытащил сигарету, а с ней – измятую бумажонку в один мао. В последние дни ему было не до денег. Сейчас он сгреб их в кучу: серебряные, медные, бумажные.

Кучка получилась солидная, но в ней не набралось и двадцати юаней. Вместе с десятью юанями, вырученными за вещи, у него было тридцать юаней.

Он положил деньги на кан и долго смотрел на них, не испытывая ни радости, ни печали. Опять он остался один с кучкой старых, грязных денег.

С тяжелым вздохом сунул он деньги за пазуху, свернул постель и платья и отправился к Сяо Фуцзы.

– Платья оставь себе! Постель тоже пусть пока полежит здесь. Найду работу, приду заберу.

Он выпалил все это одним духом, не решаясь взглянуть на Сяо Фуцзы.

В ответ услышал всего одно слово:

– Хорошо.

Позднее, когда Сянцзы пришел за постелью, Сяо Фуцзы встретила его с опухшими от слез глазами. Он не знал, как утешить ее, и пообещал:

– Когда устроюсь, приду, непременно приду! Жди! Она молча кивнула.

Сянцзы отдохнул день и снова взялся за коляску. Но прежнего рвения не было. Он стал ко всему безразличен и уныло влачил свои дни.

Прошел месяц, и сердце его успокоилось. Лицо пополнело немного, но, прежде румяное, приобрело желтоватый оттенок. Сянцзы оправился от болезней и горя, но уже не казался таким здоровяком.

В глубине его глаз притаилась печаль, взгляд стал невидящим, тусклым. И прежде несловохотливый, Сянцзы стал еще молчаливее. Он походил на дерево после бури: израненное, но все еще могучее, неподвижно стоит оно под лучами солнца, ни единый листок не шелохнется.

Дни были на редкость теплые, деревья зазеленели. Сянцзы часто останавливал коляску, чтобы погреться на солнце, а иногда, разморенный теплом, чуть не засыпал на ходу. С людьми Сянцзы заговаривал лишь в случае необходимости, но все время что-то бормотал про себя.

Сянцзы пристрастился к курению. Как только садился передохнуть, рука сама тянулась за сигаретой. Он не спеша затягивался, раздумчиво следил за поднимающимися вверх кольцами дыма и кивал головой, словно в подтверждение каких-то своих мыслей. Бегал он по-прежнему быстрее многих рикш, хотя особенно не старался. На поворотах, спусках и подъемах был осторожен, даже чересчур. Как ни подзадоривали его другие рикши – кто, мол, кого обгонит, Сянцзы бежал спокойно, не торопясь. Только теперь он по-настоящему понял, что значит возить коляску, и не думал больше ни о славе, ни о похвалах.

У него появились друзья: дикие гуси и те летают стаей. Без друзей, пожалуй, пришлось бы совсем худо. Портсигар он пускал по кругу, а если оставалась последняя сигарета, говорил беззаботно:

– Берите! Еще куплю!

Он теперь не сторонился, как прежде, тех, кто играл на деньги, подходил поглядеть, а то и сам делал ставку. Выиграет или проиграет, не все ли равно, главное, не быть одному, а вместе со всеми. Он понял, что после целого дня труда надо хоть немного развлечься. Выпить за компанию Сянцзы тоже не отказывался, хотя пил немного, чаще угощал других. Он перестал презирать нехитрые радости жизни, в которых раньше не видел смысла. Раз не удалось добиться своего, значит, он был неправ. Он охотно помогал деньгами на свадьбу или на похороны, вносил свою долю на «подарок от всех» и даже сам ходил поздравлять или выражать соболезнование, так как понял, что деньги – не самое главное, гораздо важнее участие. У бедняков все общее – горе и радости.

Сянцзы не решался прикасаться к оставшимся у него тридцати юаням. Вооружившись большой иглой, он неумело зашил деньги в белый пояс и всегда носил при себе. О своей коляске он больше не думал: пусть деньги лежат; кто знает, какие еще болезни или несчастья обрушатся на его голову! Надо иметь запас на черный день. Человек не железный, в этом он убедился.

Перед наступлением осени Сянцзы нанялся на постоянную работу. Дел здесь было меньше, чем обычно, – это его и привлекло. Сянцзы научился выбирать хозяев и поступал на место лишь в том случае, если условия были подходящие. Главное – беречь себя. Надорвешься, погубишь здоровье – тогда конец. А жизнь дается только раз!

Итак, Сянцзы поселился неподалеку от храма Юнхэгун, у хозяина по фамилии Ся, мужчины

лет за пятьдесят, с виду образованного и воспитанного. Семья у него была большая: жена и двенадцать душ детей. Еще Ся завел наложницу, для которой тайком от жены снял домик в уединенном месте близ храма. Кроме самого господина Ся и его наложницы, там жили служанка и Сянцзы.

Сянцзы здесь очень нравилось. Дом состоял из шести комнат, три занимали господа, в одной помещалась кухня, в двух – прислуга. Дворик был маленький, Сянцзы подметал его двумя-тремя взмахами метлы. У южной стены росла невысокая финиковая пальма с десятком незрелых фиников на макушке. Цветы поливать не приходилось, потому что их не было. Сянцзы хотел от скуки привести пальму в порядок, но вспомнил, как капризны эти деревья, и решил ничего не трогать.

В общем, работы было немного. Утром господин Ся уезжал на службу и возвращался к пяти часам. Сянцзы отвозил его и привозил домой.

Господин Ся никуда не выезжал, словно чего-то боялся. Младшая госпожа, наоборот, выходила из дому довольно часто, но к четырем часам возвращалась, чтобы послать Сянцзы за господином, Сянцзы привозил хозяина, и... на этом его рабочий день кончался. Младшая госпожа выезжала только на рынок или в парк имени Сунь Ятсена, и, когда Сянцзы довозил ее до места, у него оставалось довольно много времени на отдых. С такой работой Сянцзы справлялся шутя.

Господин Ся был скуп и дрожал над каждым медяком. Он даже не смотрел по сторонам, когда ехал в коляске, словно боялся купить что-нибудь ненароком. Младшая госпожа была щедрой и часто выезжала за покупками. Если еда ей была не по вкусу, она отдавала прислуге, не нравилась вещь – тоже дарила, чтобы легче было уговорить мужа купить новую. Всю жизнь, всего себя господин Ся посвятил наложнице. На себя он ничего не тратил, не говоря уже о других. Рассказывали, что его законная жена и дети, которые жили в Баодине, по пять месяцев не получали от него ни медяка.

Сянцзы не любил господина Ся: сутулый, ходит, втянув голову в плечи, как вор, глаза устремлены на носки ботинок; слова лишнего не скажет, мао не потратит, не засмеется и вообще походит на тощую обезьяну. А если и обронит слово-другое, то так презрительно, будто все вокруг – негодяй? только он – порядочный.

Сянцзы не терпел таких людей. Но работа есть работа. Платят чего же еще? Видно, придется возить эту мерзкую обезьяну! Тем более что госпожа держится просто, не задается.

Сянцзы видел в ней лишь хозяйку, которая иногда угощает его, дарит всякие мелочи, изредка дает немного на чай. Как женщина она ему не очень нравилась, хотя была красива, душилась, пудрилась, наряжалась в шелка. И Сяо Фуцзы, конечно, не могла с ней сравниться! Однако Сянцзы, глядя на госпожу, почему-то вспоминал Хуню. Чем-то она на нее походила – не одеждой, не внешностью, а манерами и складом характера. Сянцзы чувствовал, что покойная Хуню и госпожа Ся люди одного сорта. Ей было года двадцать два, не больше, а держалась она как старая продувная бестия, а не девушка, едва вышедшая замуж.

Как и Хуню, она не отличалась девичьей скромностью, завивала волосы, носила плотно облегающие платья и туфли на высоком каблуке, в общем, одевалась по последней моде. И все же не выглядела настоящей госпожой – даже Сянцзы это видел. Но и на продажную женщину не походила. Одно Сянцзы понимал: госпожа Ся опасна, как Хуню, даже опаснее, потому что молода и красива. И Сянцзы сторонился госпожи, словно в ней таилось все зло, весь яд женского племени. Он боялся смотреть ей в глаза. И с каждым днем чувство страха усиливалось.

Сянцзы никогда не видел, чтобы хозяин тратил деньги, разве что на лекарства. Что за лекарства, Сянцзы не знал, но каждый раз, когда господин их привозил, его подружка казалась особенно оживленной. Да и у господина Ся поднималось настроение. Но проходило три дня, хозяин мрачнел и еще больше сутулился. Он вел себя как рыба, купленная на базаре: пустишь в воду – оживет, вытащишь – затихнет. Как только господин Ся начинал походить на покойника, Сянцзы знал, что подходит время ехать в аптеку. И всякий раз, сворачивая к аптеке, невольно проникался жалостью к этой высохшей обезьяне. Когда господин Ся возвращался домой со своим лекарством, Сянцзы вспоминал Хуню, и на сердце становилось невыносимо тяжело. О покойниках плохо не говорят, но ведь это из-за нее он потерял силу и здоровье!

Сянцзы не нравились ни хозяин, ни хозяйка, но бросать из-за этого работу не стоило. «Какое

мне до них дело?» – говорил он себе, попыхивая сигаретой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Как-то раз госпожа поругалась со служанкой, тетушкой Ян – та разбила один из четырех только что купленных горшочков с хризантемами. Тетушка Ян, женщина деревенская, не считала цветы драгоценностью, но все равно чувствовала себя виноватой, потому что разбила чужую вещь. Когда же госпожа принялась обзывать ее по-всякому, тетушка Ян не выдержала. Деревенские в гневе не помнят себя, и служанка ответила госпоже самой отборной бранью. Топая ногами, госпожа велела ей собрать свои пожитки и немедленно убраться вон.

Сянцзы никогда не приходилось мирить людей, тем более женщин, поэтому он не вмешивался. Но когда тетушка Ян обозвала госпожу проституткой, он понял, что ее песенка спета, и решил, что настал его черед: госпожа вряд ли оставит рикшу, который знает о ней больше, чем положено. И он ждал, когда ему откажут от места. «Скорее всего, – думал он, – это случится, когда возьмут новую прислугу». Однако Сянцзы не особенно печалился. Жизнь научила его спокойно предлагать свои услуги и не огорчаться, выслушивая отказы. Не стоило из-за этого переживать.

Но как ни странно, после ухода тетушки Ян госпожа стала с ним особенно приветлива. Теперь ей приходилось стряпать самой, а за продуктами посылать Сянцзы. Когда он возвращался, она просила его что-нибудь почистить или помыть, а тем временем резала мясо и готовила еду. В такие минуты она не упускала случая заговорить с Сянцзы.

Госпожа обычно ходила в трикотажной кофточке розового цвета, голубых штанах и расшитых домашних туфлях из белого шелка. Сянцзы не решался на нее взглянуть. Его влекло к этой женщине; крепкий запах ее духов дурманил голову: так цветы привлекают ароматом бабочек и пчел. Порой Сянцзы не выдерживал и бросал на госпожу жадные взгляды.

Он не презирал эту женщину, это падшее создание, эту красавицу. И готов был сойтись с ней хотя бы для того, чтобы досадить господину Ся, этой полудохлой обезьяне. При таком муже госпожа была вправе делать что хотела, да и он мог не стесняться, имея такого хозяина. Сянцзы постепенно смелел, однако женщина не обращала на него внимания.

Как-то раз, приготовив обед, она села на кухне поесть и позвала Сянцзы.

– Ешь! А потом вымоешь посуду. Когда будешь встречать господина, заодно купи чего-нибудь на ужин, чтобы еще раз не ездить. Завтра воскресенье, господин дома, и я пойду искать служанку. Может, ты кого-нибудь знаешь? Теперь так трудно найти прислугу! Ну ладно, ешь, а то остынет!

Она была так великодушна, так просто говорила с ним! Даже ее трикотажная кофточка показалась Сянцзы много скромнее, и ему стало стыдно. Где же его порядочность? До чего он дошел!

От расстройства он съел целых две чашки риса. Затем вымыл посуду, ушел к себе в комнату и принялся курить сигарету за сигаретой:

Встречая в этот раз хозяина, Сянцзы испытывал к нему особую ненависть. Его так и подмывало бросить на ходу коляску, чтобы угробить эту тварь. Он нарочно дергал ручки, встряхивая старую обезьяну. Но обезьяна молчала, и Сянцзы опять стало стыдно. Он не мог себе простить, что хотел совершить подлость просто так, без всякой причины. Раньше с ним этого не бывало.

Но вскоре он успокоился и, вспоминая об этом случае, лишь посмеивался. Надо же, как он тогда разозлился!

На другой день госпожа пошла искать прислугу и при вела женщину, которую взяла на испытательный срок. Сянцзы перестал надеяться на благосклонность хозяйки, и теперь все в этом доме его раздражало.

Но в понедельник после обеда госпожа отказала служанке: та, мол, недостаточно чистоплотна. Затем послала Сянцзы купить жареных каштанов, а когда он вернулся крикнула:

– Неси ко мне!

Сянцзы вошел. Госпожа пудрилась перед зеркалом. На ней была все та же розовая кофточка, но голубые штаны она сменила на светло-зеленые. Увидев Сянцзы в зеркале, она быстро повер-

нулась и встретила его улыбкой.

Неожиданно Сянцзы увидел перед собой Хуню, но молодую, прекрасную! Он остановился как вкопанный... Страх, осторожность – все исчезло, осталось лишь горячее, непреодолимое желание. Сянцзы потерял голову...

Дня через три Сянцзы со своей постелью вернулся в прокатную контору. Случилось то, чего он боялся больше всего. Прежде Сянцзы постыдился бы об этом говорить, но теперь со смехом рассказывал всем, как подцепил дурную болезнь.

Рикши наперебой советовали ему, какое лекарство купить, к какому врачу пойти. Никто не считал это позором, напротив, все сочувствовали Сянцзы и, немного смущаясь, делились с ним своим опытом. Молодые рикши заражались этой болезнью в публичных домах – за деньги. Пожилые подхватывали ее у старых потаскух считай что даром. А те, кому не пришлось переболеть, знали истории, приключившиеся с их хозяевами. У каждого было о чем рассказать.

Болезнь сблизила Сянцзы с товарищами. Гордиться нечем, но и стыдиться не стоит: он принял свою болезнь так же спокойно, как легкую простуду или расстройство желудка.

На лекарства и всевозможные снадобья ушло десять с лишним юаней, но вылечиться окончательно Сянцзы не удалось. Он относился к лечению небрежно, считал, что, раз полегчало, можно не принимать больше лекарств. Поэтому в пасмурную погоду и при смене сезонов у него начинали болеть суставы. Тогда он снова глотал лекарства или старался сам как-нибудь побороть болезнь. Раз жизнь так горька, к чему ее беречь?

Сянцзы начал сутулиться, нижняя губа отвисла, в зубах неизменно торчала сигарета. Иногда лихости ради, он закладывал окурки за ухо. Он по-прежнему не очень любил говорить, но теперь мог отпустить даже некстати крепкое словцо. Ему на все было наплевать!

Сянцзы все еще считался неплохим рикшей. Иногда он вспоминал прошлое, и ему хотелось снова стать порядочным, чистым и трудолюбивым; он очень страдал от того, что так опустился. Конечно, жизнь обошлась с ним жестоко, надеяться больше не на что, но зачем же себя губить?

В такие минуты возвращались мечты о собственной коляске. Из своих неприкосновенных юаней он истратил во время болезни более десяти. Ах, как он о них жалел! Но у него сохранилось еще двадцать с лишним юаней, а это лучше, чем ничего. Когда он вспоминал о коляске, ему хотелось выбросить все недокуренные сигареты, никогда больше не притрагиваться к вину и, стиснув зубы, копить деньги. От коляски мысль его переходила к Сяо Фуцзы. Он чувствовал себя перед ней виноватым. С тех пор, как съехал со двора, ни разу ее не навестил. Ей не помог, свою жизнь не наладил, да еще подхватил дурную болезнь.

Однако с друзьями он по-прежнему курил, выпивал и забывал о Сяо Фуцзы. Он не был заводилой, просто не хотел отставать от приятелей. В беседе за водкой можно было на время забыть о тяжелом труде и обидах. Хмель прогонял сомнения. Хотелось поразвлечься, а потом забыться тяжелым сном. Кому от этого вред? Жизнь до того серая, беспросветная! Ее гнойные язвы лучше всего лечить водкой, никотином и распутством. Как говорится, клин клином вышибают. Да и кто может предложить что-либо лучшее взамен?

Чем меньше Сянцзы работал, тем больше заботился о себе, искал заработка полегче. В ветреные и дождливые дни он вовсе не выезжал. Если ломило кости, отдыхал два-три дня. Он становился все более эгоистичным. Перестал давать людям займы, все тратил только на себя. Табаком и водкой угостить еще можно, а дать займы – это дело другое. Самому понадобятся – у кого возьмешь?

Сянцзы становился все ленивее, но безделье его тяготило. В поисках развлечений он пристрастился к вкусной еде. Иногда какой-то внутренний голос ему говорил, что нельзя попусту тратить время и деньги, но тут же находилось оправдание: «Я стремился выбиться в люди, был порядочным, а чего добился?» Нет, никто не разубедит Сянцзы, никто не помешает ему жить в свое удовольствие.

Лень портит человека, и Сянцзы стал по-другому относиться к людям. Нечего быть покорным, вежливым, уступать пассажирам и полицейским! Когда он работал не покладая рук, был честным и покладистым, то все равно не видел справедливости. Теперь он знал цену своему поту и ни с кем не желал считаться. Если одолевала лень, Сянцзы останавливал коляску где придется.

Полицейский его гнал, Сянцзы огрызался, но не трогался с места, лишь бы выгадать минуточку-другую. На ругань отвечал руганью и не боялся, что полицейский его ударит. Пусть только попробует! Сянцзы сумеет дать сдачи. А тогда и в каталажке посидеть не обидно.

В драках Сянцзы отводил душу; чувствовал себя сильным и ловким, как прежде, опять ему улыбалось солнце. Он не жалел, как бывало, тратить силы на потасовки, они стали привычным делом, более того, доставляли радость. Так смешно было потом вспоминать!...

Не только на полицейских, Сянцзы перестал обращать внимание и на машины. Мчится, громко сигналив, автомобиль, прямо на Сянцзы, а тому хоть бы что – он и шагу не сделает в сторону, как бы ни волновался пассажир в коляске. Приходится шоферу сбавлять скорость. Меньше скорость – меньше пыли. Лишь тогда Сянцзы уступит дорогу. Если машина появляется сзади, он поступает так же. Расчет точный: шофер не рискнет задавить человека! Значит, можно не торопиться и не глотать пыль. Полицейские стараются пропустить машины побыстрее, но Сянцзы не служит в полиции, ему на машины плевать. В общем, Сянцзы то и дело докучал полицейским, но они боялись с ним связываться.

Бедняк, когда его усердие не вознаграждается, становится ленив, начинает бесчинствовать, когда всюду видит несправедливость. И в этом его трудно винить.

С пассажирами Сянцзы тоже не церемонился. Куда велят, туда и везет, ни шагу дальше. Если скажут – к началу переулка, а потом просят проехать еще немного, ни за что не согласится! Пассажир кричит, а Сянцзы еще громче. Все эти господа боятся испачкать свой дорогой европейский костюм, все они нахальны и скупы. Ладно же! Сянцзы хватается господина всей пятерней за рукав, оставляя на нем грязное пятно, да еще требует положенную плату. И господин платит. Он боится этого здоровенного парня, который может его согнуть в бараний рог одним движением могучей руки.

Бегал Сянцзы все еще быстро, но щадил себя. Если пассажир торопил, он замедлял шаг и спрашивал: – Быстрее? А сколько прибавишь? Он продавал свою кровь, свой пот и мог не стесняться. Он теперь не надеялся, что пассажир раздобрытся и прибавит несколько монет. Хочешь быстрее – плати! А так чего зря тратить силы!

С тех пор как Сянцзы распростился с собственной коляской, чужие коляски перестали его интересовать. Коляска – это всего лишь средство зарабатывать на жизнь. Возишь ее – сыт. Не возишь – голоден. Есть деньги – можно вообще не работать. Только так и надо смотреть на коляску. Конечно, Сянцзы не портил чужих колясок, но и не очень-то их берег. Если его коляска оказывалась поврежденной при столкновении с другой, он нисколько не волновался, не скандалил, а спокойно возвращался в прокатную контору. Потребуется хозяин за порчу коляски пять мао, Сянцзы отдаст два, и дело с концом. Пусть попробует возразить – ничего не получит. А полезет с кулаками – пусть на себя пеняет!

Жизнь учит! Какова жизнь – таков и человек! Всем известно: в пустыне не растут пионы. Сянцзы жил теперь, как все рикши, не лучше и не хуже других, и вел себя так же, как все. Это было куда спокойнее. И люди стали к нему приветливее. Он больше не был белой вороной, а черных, своих, в стае не клюют.

Зима выдалась суровая. Бедняки по ночам погибали от холода. Ветер дул из пустыни, и, прислушиваясь к его тоскливому вою, Сянцзы натягивал на голову одеяло. Он вставал, лишь когда ветер стихал, но сразу выезжать не решался. Страшно было братья за ледяные ручки коляски, бежать навстречу ветру, от которого дух захватывало. Но к четырем часам становилось тише. Предвечернее небо окрашивали лучи заходящего солнца. И тогда, наконец, Сянцзы, скрепя сердце, вывозил коляску.

В один из таких дней он уныло плелся, навалившись грудью на перекладину ручек, с неизменной сигаретой в зубах. Быстро темнело, как всегда бывает после сильного ветра. Сянцзы решил отвезти еще одного-двух пассажиров и вернуться пораньше. Фонарик он зажег лишь после неоднократных предупреждений постовых – лень было.

На слабо освещенном перекрестке подвернулся пассажир, и Сянцзы повез его в восточную часть города. Он даже не снял ватный халат и трусил нехотя, еле передвигая ноги. Знал, что поступает нехорошо, но ему было безразлично. Он вспотел, однако халат снимать не стал.

как-нибудь довезет! В узком переулке на него с лаем кинулась собака – видимо, ей не понравился рикша в длинной одежде. Сянцзы остановил коляску, схватил метелку и замахнулся. Собака бросилась наутек, Сянцзы подождал немного – может, еще вернется, – да где там, и след простыл. Сянцзы ухмыльнулся:

– У, проклятая! Попадись еще мне!

– Эй, разве так возят? заворчал пассажир. – Слышишь? Я тебе говорю!

Сердце Сянцзы дрогнуло: голос показался знакомым. Но в переулке было темно, а свет фонаря на коляске падал вниз. Сянцзы не мог разглядеть пассажира, к тому же тот нахлобучил шапку и так закутался шарфом, что виднелись только глаза. Сянцзы напряг память. Но в это время пассажир подал голос:

– Это ты, Сянцзы?

Лю Сые! Сянцзы вздрогнул.

– Где моя дочь? На том свете!

Сянцзы не узнал собственного голоса – таким он был жестким!

– Что? Померла?

– Померла, – зло повторил Сянцзы.

– Будь ты проклят! Да разве с тобой можно жить? Любая околела бы!

Сердце Сянцзы зашлось.

– А ну, слезай! – закричал он. Ты слишком стар и подохнешь от одного моего удара! Неохота руки марать! Слезай!

Лю Сые, дрожа всем телом, вылез из коляски.

– Где хоть она похоронена?

– Не твое собачье дело!

Сянцзы побежал прочь. На углу обернулся: черная тень все еще маячила посреди переулка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сянцзы сам не знал, куда идет. Крепко держа ручки коляски, он шагал и шагал вперед – лишь бы не останавливаться.

Глаза его сверкали, сердце радостно билось, он чувство вал необычайную легкость, словно весь груз невзгод, пережитых им после женитьбы на Хуню, переложил на Лю Сые. Сянцзы позабыл о холоде, о работе, только шел и шел, прибавляя шаг. Теперь к нему непременно вернутся бывшее упорство, трудолюбие, чистота. Черной тенью остался старик в переулке. Он его победил, а значит, победил всех! Он не ударил эту тварь, даже не пнул. Старик потерял единственную дочь, а Сянцзы стал свободным, как птица. Если старик сразу не умер от злости, все равно смерть его не за горами! Разве это не возмездие?!

У Лю Сые есть все, у Сянцзы – ничего, но Сянцзы с легкой душой везет свою коляску, а старик не знает, где могила родной дочери! Пусть у него куча денег и крутой нрав, ему не совладать с ним, простым рикшей.

Сянцзы хотелось громко петь, чтобы все слышали: он вернулся к жизни, он победил! Вечерний холод щипал лицо, но Сянцзы не чувствовал. Он ликовал! Ему было тепло от света уличных фонарей, казалось, они озаряют его будущее.

Сянцзы не курил целых полдня, и не хотелось. Он больше не притронется ни к табаку, ни к вину. Все начнет заново, будет упорно трудиться, выбьется в люди. Сегодня он победил старика Лю, победил навсегда! Его проклятья сулили Сянцзы успех. Отныне он будет дышать только свежим воздухом. Взгляни на себя, Сянцзы! Ты встанешь на ноги. Ты еще молод! И. еще долго будешь молодым, успеешь проводить Лю Сые в могилу, а сам будешь жить и радоваться. Злые люди получают по заслугам. Солдаты, отнявшие твою коляску, госпожа Ян, морившая тебя голодом, Лю Сые, обиравший тебя, сыщик Сунь, отнявший твои деньги, обманщица Чэньэр, госпожа Ся, наградившая тебя дурной болезнью, – все умрут, и только честный Сянцзы будет жить! Жить вечно!

«Я должен теперь работать как следует! – говорил он себе. – Отчего же не поработать, когда

есть желание, сила, молодость и на сердце легко? И кто помешает мне обзавестись семьей? Если бы на другого обрушились все мои беды, вряд ли он смог бы радоваться жизни. Я и сам было отчаялся, но теперь с прошлым покончено! Завтра все увидят нового Сянцзы, он будет лучше, чем прежний!»

Ноги бежали все быстрее, в такт словам: «Так будет, так будет, так будет! Не беда, что я перенес дурную, болезнь. Силы вновь возвратятся, как только возьмусь за дело!»

Сянцзы вспотел, и ему захотелось пить.

Только теперь он увидел, что добежал до северных ворот. В чайную Сянцзы решил не заходить, поставил коляску на стоянку и позвал мальчика, торгующего чаем вразнос. Тот подбежал с большим чайником и глиняными чашками в руках. Сянцзы выпил две чашки безвкусного, похожего на помой чая. Теперь он будет пить только такой – нечего зря тратить деньги. Как бы в ознаменование новой суровой жизни Сянцзы купил десяток полусырых пирожков с начинкой из полугнилой капусты. С трудом их сжевал, вытер ладонью рот и задумался: куда же идти?

Людей, которым можно довериться, всего двое. Сяо Фуцзы и господин Цао. Господин Цао – мудрый, он простит его и даст хороший совет. Сянцзы во всем будет его слушаться. А Сяо Фуцзы поможет ему добиться своего! И он непременно добьется!

Но вернулся ли господин Цао, кто знает? Завтра же он пойдет на улицу Бэйчанцзе, а если в доме никого нет, сходит к господину Цзоу. Только бы найти господина Цао, тогда все уладится. Сегодня он будет работать весь вечер, завтра разыщет господина Цао, а затем пойдет к Сяо Фуцзы, принесет ей добрую весть: «Я хочу наладить свою жизнь. Давай будем вместе!»

Глаза его светились радостью. Завидев пассажира, он словно на крыльях подлетел к нему и, не договариваясь о цене, сразу сбросил ватный халат.

Бежал он, правда, не так, как раньше, но душевный подъем придавал силы. Это был почти прежний Сянцзы, не знавший равных. Он мчался, не сбавляя хода, весь в поту. Доставив пассажира на место, Сянцзы почувствовал, что тело его стало намного легче, в ногах появилась упругость. Ему захотелось снова бежать, хоть на край света. Его можно было сравнить с хорошим скакуном, который нетерпеливо бьет копытом. В контору Сянцзы вернулся лишь к часу ночи, уплатил за аренду коляски, после чего осталось еще девять мао.

Проснулся Сянцзы поздно, повернулся на другой бок и открыл глаза, когда солнце было уже высоко. Сегодня отдых казался особенно приятным. Сянцзы встал, лениво потянулся, суставы легонько хрустнули. Хотелось есть, в животе урчало. Наскоро перекусив, он с улыбкой сказал хозяйину конторы:

– Отдохну денек. Дело есть.

А сам подумал: «Сегодня же все устрою, а завтра начну новую жизнь». Первым делом Сянцзы устремился на улицу Бэйчанцзе. Шел и про себя молился: «О, если бы господин Цао вернулся! Если бы сбылись мои надежды! Не повезет с самого начала – не жди удачи! Но ведь я стал другим, неужели Небо не будет ко мне милостиво?»

Подойдя к дому Цао, он позвонил дрожащей рукой. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Стоя перед дверью, Сянцзы хотел только одного: чтобы она открылась и показалось знакомое лицо. Но дверь не открывали. Неужели в доме никого нет? Почему так тихо? Это пугало. Вдруг за дверью послышались шаги. Сянцзы отпрянул, но тут же услышал самый родной, самый желанный в этот миг голос:

– О! Сянцзы! Давненько не виделись. Что с тобой? Ты так похудел!

Это была Гаома: она стала еще полнее.

– Господин дома? – с трудом проговорил Сянцзы.

– Дома. Но ты-то хорош, нечего сказать! Сразу – дома ли господин? Словно мы с тобой незнакомы! Даже не поздоровался! Такой же тюфяк, как и прежде. Входи! Как живешь-то?

– Да так себе! – пробормотал Сянцзы, улыбаясь.

– Господин! – крикнула Гаома. – Сянцзы пришел!

Господин Цао у себя в кабинете переставлял на солнечную сторону горшки с нарциссами.

– Пусть войдет!

– Иди, иди! – тараторила Гаома. – Мы с тобой еще потолкуем, а я пойду скажу госпоже. Мы

частенько тебя вспоминали! Нескладно тогда все получилось. Да что поделаешь? Бывает и хуже.

Сянцзы вошел в кабинет:

– Господин, это я! – Сянцзы почему-то не посмел осведомиться о здоровье господина.

– Присаживайся, – пригласил Цао/ Он стоял в домашней короткой куртке и улыбался. – А мы давно уже вернулись... Лао Чэн сказал, что ты ушел в «Жэньхэчан». Гаома ходила туда, но тебя не нашла. Да садись же! Как живешь? Как дела?

Сянцзы готов был заплакать. Как рассказать о своих страданиях, если каждое воспоминание рана в сердце? Хотелось излить душу, но с чего начать? Он ничего не забыл, ни одну обиду, хотя и не до конца понимал, что с ним произошло. Придется, видно, рассказать всю свою жизнь.

Господин Цао, видя, что Сянцзы никак не может собраться с мыслями, сел и стал ждать, когда он заговорит. Сянцзы долго молчал. Наконец поднял глаза на господина Цао. Тот ласково кивнул и приободрил его:

– Говори, не стесняйся!

И Сянцзы заговорил. Он не собирался вспоминать все подробности, но затем решил, что это принесет ему облегчение и поможет самому во всем разобраться. Каждый шаг доставался ему дорогой ценой, поэтому рассказывать нужно было по порядку, не перескакивая с одного на другое. Каждая капля пота, каждая капля крови были частицами его жизни, и не следовало ничего упустить.

Он рассказал о том, как, приехав в город, брался за любую работу, как стал рикшей, накопил денег и приобрел коляску – и как потерял ее; рассказал все, вплоть до последних событий. Он сам удивился тому, как долго и с какой охотой он говорит.

Речь Сянцзы лилась свободно, словно сами события помогали находить нужные слова, полные искренности и печали, и каждое из них было ему необычайно дорого. В памяти Сянцзы встало все его прошлое, и он говорил, говорил, не в силах остановиться. Ему хотелось раскрыть свое сердце. И чем дальше он рассказывал, тем легче становилось! Он говорил о своей мечте выбиться в люди и о своих злоключениях, о том, как он жил последнее время, обиженный, несчастный, опустившийся. Когда, наконец, он умолк, голова его была мокрой от пота, на сердце стало пусто, но это было приятно: он словно оправился после долгой болезни.

– Ты спрашиваешь моего совета? Сянцзы кивнул. Говорить он больше не мог.

Собираешься снова возить коляску? Сянцзы опять кивнул.

– Выход у тебя один – скопить денег и снова купить коляску, а пока брать напрокат. Это, пожалуй, разумнее, чем занимать деньги под проценты. Но еще лучше жить у одного хозяина: еда и жилье обеспечены. Думаю, тебе стоит вернуться ко мне. Правда, свою коляску я продал господину Цзоу, но можно взять коляску в аренду. Согласен?

– Конечно! – Сянцзы встал. – А вы помните, что тогда случилось?

– О чем ты?

– Ну, когда вы уехали к господину Цзоу...

– А! – Цао улыбнулся. – Как можно об этом забыть! Зря я тогда всполошился. Уехали с госпожой на несколько месяцев в Шанхай, а можно было тут остаться; господин Цзоу все уладил. Впрочем, это в прошлом. Давай поговорим о другом: как быть с Сяо Фуцзы, о которой ты говорил?

– Еще не знаю...

Я вот что думаю: если ты женишься на ней, снимать комнату вам нет расчета; освещение, отопление на все денег не хватит. Лучше всего вместе устроиться на работу: ты – рикшей, она – прислужкой! Но такое место трудно найти. Не обижайся, но *сам* скажи, можно на нее положиться?

Сянцзы покраснел, затем смущенно проговорил:

– Ей тогда некуда было деться. Вот и пришлось заняться этим делом. Но клянусь вам, она хорошая! Она не такая...

Его терзали самые противоречивые чувства, только он не мог их выразить. Много хотелось сказать – не хватало слов.

– В таком случае, – нерешительно проговорил господин Цао, – придется устроить вас у себя. Все равно ты занимаешь целую комнату, так что с жильем вопрос решен. Не знаю только, умеет

ли она стирать и готовить. Если умеет, будет помогать Гаома. У нас скоро появится еще ребенок, Гаома одной не справиться. Сяо Фуцзы я платить не буду, зато она сможет здесь столоваться. Как ты на это смотришь?

– Чего же лучше! – Сянцзы радостно улыбнулся.

– Но я должен прежде посоветоваться с госпожой...

– Будьте спокойны! Если госпожа станет сомневаться, я приведу Сяо Фуцзы, пусть госпожа на нее посмотрит!

– Вот и хорошо! Господин Цао тоже улыбнулся;

ему было приятно, что, несмотря на все злоключения, Сянцзы сумел сохранить благородство души. Я переговорю с госпожой, а через несколько дней ты приведешь Сяо Фуцзы. Если госпожа согласится, считай дело улаженным.

– Так я пойду, господин?

Сянцзы торопился сообщить Сяо Фуцзы радостную весть: на такую удачу он не смел и рассчитывать.

Сянцзы вышел от господина Цао часов в одиннадцать. Зимой это самое хорошее время дня. Погода была солнечная, на небе ни облачка. В сухом холодном воздухе далеко разносились выкрики торговцев, пение петухов, лай собак и еще какие-то высокие, тонкие звуки, похожие на крик журавля. Солнце пригревало, несмотря на мороз. Навстречу Сянцзы торопились пешеходы, пробегали рикши, подняв верх колясок, медные части их отливали золотом, медленно и важно шествовали верблюды, неслись машины, трамваи, а в небе кружили белые голуби; лишь деревья неподвижно стояли, словно замерли. Вокруг было оживленно и в то же время спокойно. Древний город шумел, жил своей жизнью, а над ним простиралось голубое небо, умиротворенное и приветливое.

Сердце Сянцзы от радости готово было выпрыгнуть из груди и взмыть, словно голубь, ввысь. Теперь у него будет все: работа, жилье, Сяо Фуцзы. Сбудется его заветная мечта.

День выдался веселый и ясный – только житель севера способен оценить такой денек. А когда человек счастлив, все окружающее кажется ему прекрасным. Сянцзы никогда прежде не видел такого ласкового зимнего солнца. Для полноты счастья он купил затвердевшую на морозе хурму. Откусил – и зубы заломило! Холод проник в грудь, успокоил. Когда Сянцзы доел хурму, язык его одеревенел, зато мысли словно освободились от пут. Ему казалось, что он уже видит свой прежний двор и бедную комнатуху, озаренную милой улыбкой Сяо Фуцзы. Будь у него крылья, он полетел бы к ней! Только бы увидеть ее – все прошлое будет разом зачеркнуто, и перед ним откроется новый мир!

Он спешил еще больше, чем когда шел к господину Цао. Тот относился к Сянцзы по-дружески. А Сяо Фуцзы доверила ему свою жизнь. Словно узники, освободившиеся из неволи, они смахнут слезы и, смеясь, пойдут по жизни рука об руку. Господин Цао взволновал Сянцзы добрыми словами, но Сяо Фуцзы для этого не нужно никаких слов. Он рассказал господину Цао всю правду, но Сяо Фуцзы он скажет то, чего не говорил никому. Она – его жизнь, без нее не может быть счастья! Стоит ли трудиться, чтобы есть и пить одному? Он должен вытащить Сяо Фуцзы из тесной каморки, они будут жить вместе весело и дружно, в теплой, сухой комнате. Ради Сянцзы она оставит отца и братьев. В конце концов Эр Цянцзы сам может зарабатывать, братья тоже как-нибудь обойдутся: будут возить вдвоем коляску или найдут другое дело. А Сянцзы не может без Сяо Фуцзы. Он сам, его душа, его работа нуждаются в ней. И ей тоже нужен такой парень, как он...

Эти мысли подгоняли Сянцзы, он шел все быстрее. На свете много женщин, но такой, как Сяо Фуцзы, больше нет. Правда, он мечтал о непорочной девушке, но Сяо Фуцзы хлебнула горя и сможет лучше его понять. Деревенские девицы чисты и целомудренны, но им не хватает ума и души. А сам он? На его совести тоже немало грехов! Они подходят друг другу, как пара треснувших кувшинов, которые еще можно наполнить водой.

Ничего лучше не придумаешь! Сянцзы размечтался: он попросит у господина Цао плату за месяц вперед, купит Сяо Фуцзы длинный ватный халат, приличную обувь, а затем поведет ее к госпоже Цао. Сяо Фуцзы молода, хороша собой, умеет держаться, ее не стыдно показать людям.

Госпоже Цао она непременно понравится!

Когда Сянцзы добрался наконец до знакомого двора, пот лил ручьями. Он взглянул на старые, покосившиеся ворота, и ему показалось, что он вернулся в родной дом, где не был много лет; ветхая ограда, сухой прошлогодний бурьян перед ней – все было дорого сердцу. Он вошел во двор и сразу устремился к комнатухе Сяо Фуцзы. Без стука распахнул дверь и тут же отпрянул: на нетопленном кане, уткнувшись в рваное одеяло, сидела незнакомая женщина средних лет. Сянцзы застыл в дверях.

– Что еще стряслось? Умер кто? – спросила женщина. – Ты чего врываешься в чужую комнату, не спрося? Тебе кого?

Сянцзы не мог говорить. Он пошатнулся, ухватился рукой за дверь – трудно, ох как трудно так вот сразу отказаться от всех надежд!

– Я к Сяо Фуцзы...

– Не знаю такой! В другой раз спрашивай, а потом ломись в дверь! А зачем тебе Сяо Фуцзы? Может, лучше Да Фуцзы ¹⁹?

Сянцзы еле добрался до ворот. Сердце его опустело. Он не знал, что делать. Но постепенно пришел в себя. Перед ним снова всплыл образ Сяо Фуцзы. Она заполнила все его мысли, завладела сердцем. Она стояла перед ним как живая, смеялась, звала... Но видение исчезло, и Сянцзы вернулся к действительности.

Пока ничего определенного не известно, можно надеяться на лучшее. Может быть, Сяо Фуцзы переехала, и ничего с ней не случилось... Он тоже хорош, ни разу не побывал у нее! Но угрызения совести не помогут. Наделал ошибок надо их исправлять. Прежде всего разузнать все, что можно.

Сянцзы снова вошел во двор и принялся расспрашивать соседей, которые жили подальше, однако ничего толком не выяснил. Тогда, невзирая на голод, он отправился искать Эр Цянцзы и его сыновей. Они всегда болтаются где-нибудь на улице.

У кого только Сянцзы не спрашивал, целый день ходил по стоянкам рикш, чайным и трущобам, устал до изнеможения, но так ничего и не выяснил.

Вечером, совершенно разбитый, он вернулся в прокатную контору, но мысль о Сяо Фуцзы его не покидала. После целого дня неудач он потерял всякую надежду. Бедняк умрет – никто не спохватится. Сяо Фуцзы, видно, уже нет в живых! А может быть, отец снова продал ее, на этот раз куда-нибудь далеко? Это, пожалуй, еще хуже смерти.

Табак и вино снова стали друзьями Сянцзы. Когда куришь, легче думается, а напившись, можно на время забыться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Однажды Сянцзы брел по улице и вдруг наткнулся на деда Сяо Маэра. Старик был без коляски: он нес коромысло, на котором висели большой чайник и корзинка с лепешка ми. Одежда его совсем износилась.

Старик не забыл Сянцзы. Они разговорились... Сянцзы узнал, что маленький Сяо Маэр умер полгода назад. Старик продал коляску и теперь каждый день на стоянках рикш торгует чаем, лепешками и жареным хворостом. Он был по-прежнему добрым и приветливым, только сгорбился, и глаза стали красными, будто от слез.

Сянцзы выпил у него чашку чаю и коротко поведал о своих невзгодах.

Разве один ты мечтал свою жизнь устроить? Все мечтали! сказал старик. – А кому это удалось? Когда-то и я был крепким, здоровым малым, промыкался весь век и вот до чего дошел! Здоровье? Даже если ты железный не выдержишь. А честность? Кому она нужна? Говорят, за зло платят злом, за добро добром. Как бы не так! В молодости у меня было горячее сердце. Чужие беды принимал как свои. А что проку? Спасал и тех, кто тонул, и тех, кто вешался. А награды никакой! Придет час подохну под забором, как собака. Нет, бедняку в одиночку не устроить свою

---

¹⁹ Игра слов: Сяо Фуцзы в переводе – маленькое счастье, Да Фуцзы – большое счастье.

жизнь, как не взобраться на небо. Ты видел саранчу? Когда она стает летит может пожрать весь посев, и ни кто с ней не справится! А одну и ребенок поймает, привяжет на нитку, и конец. Верно? Я всегда был добрым к людям, а мне кто помог? Внука и то не сумел сберечь. А все потому, что один. Заболел мальчонка, денег на лекарства не было, так и помер у меня на руках. Да что вспоминать! Кому чаю? Горячего, чашечку!

Сянцзы подумал Лю Сые, госпожа Ян, сыщик Сунь все его обидчики останутся безнаказанными, какие бы проклятья он ни посылал на их головы. Никогда он не выбьется в люди, как бы ни старался. Нельзя надеяться только на собственные силы. Верно сказал старик: саранче, если она одна, и крылья не помогут.

Ему расхотелось идти к Цао. Там придется работать не за страх, а за совесть, а ради чего? Лучше так: нет еды – работай, есть – бездельничай и ни о чем не заботься. Зачем копить деньги на коляску? Все равно отнимут. Так во имя чего страдать?

Вот если бы он нашел Сяо Фуцзы, лез бы из кожи вон, не для себя – для нее. Но он потерял ее, как старик – внука, для кого ему жить? Он поделился со стариком своим горем, как с близким другом.

– Кому чашечку горячего чая? – снова крикнул старик и, подумав, сказал: – Дело ясное. Эр Цянцзы отдал ее в наложницы либо продал в публичный дом. Хм! Скорее всего, она в публичном доме! Сяо Фуцзы уже была замужем, – ты сам сказал. Кто теперь ее возьмет? Каждый норовит получить свежий товар. Нет, она наверняка в публичном доме. Мне скоро шестьдесят, я много повидал на своем веку. Если молодой рикша не появляется на улице дня два, значит, он нашел постоянную работу или заболел. Если пропала бывшая наложница из бедных или жена рикши, искать ее надо в публичном доме. Мы продаем свой пот и кровь, наши женщины торгуют своим телом. Я давно это знаю! Загляни-ка в дом у Сичжимэня. Может, ее там нет, а может... Кому чаю, горячего чаю?

Сянцзы поблагодарил старика и побежал к Сичжимэню.

Выйдя за заставу, он сразу приуныл. По обеим сторонам дороги стояли полуживые, ободранные деревья – на них даже птицы не садились. Серые деревья, серая земля, серые дома – все замерло под серо-желтым небом, на фоне которого высились пустынные холодные горы Сишань. К северу от железнодорожных путей, около леса, словно притаились низенькие строения.

«Наверное, это и есть публичный дом», – подумал Сянцзы. Справа – лес, слева – кочковатое болото, чахлый камыш, и ни малейших признаков жизни. Возле домишек ни души. Будто все вымерло. Неужели это публичный дом? Осмелев, Сянцзы направился к строениям. На дверях висели новые, еще не потускневшие соломенные занавески. Он слышал от бывалых людей, что летом женщины, обнаженные по пояс, сидят у дома и зазывают прохожих. Постоянные посетители еще издали запевают песенку, давая о себе знать. Почему же сейчас так тихо? Может, зимой это заведение закрыто?

Вдруг занавеска на дверях крайней комнаты шевельнулась, показалась женщина. Сянцзы в испуге отпрянул, так она была похожа на Хуню!

– Пришел искать Сяо Фуцзы, а нашел Хуню, – буркнул он. – Поистине, встретил дьявола!

– Входи, простофиля! – позвала женщина. Слава богу, хоть голос другой, сиплый, как у старого торговца снадобьями, которого Сянцзы часто видел на Тяньцяо.

В комнате не было ничего, кроме маленького кана без циновки, под каном горел огонь. Воздух был спертый. На кане лежало старое одеяло, такое же засаленное, как кирпичи кана.

Женщине перевалило за сорок. Она сидела неумытая, с растрепанными волосами, в узких брюках и синей куртке. Сянцзы, пригнувшись, шагнул в комнату. Женщина потянулась к нему, из расстегнутой куртки вывалились большие отвислые груди.

Сянцзы присел на кан: рост мешал ему говорить стоя. Сянцзы был рад этой встрече. Он слышал, что в этом публичном доме есть женщина по прозвищу Грудастая. Наверняка это она. Сянцзы тут же, без обиняков, спросил о Сяо Фуцзы. Вначале женщина не поняла, о ком идет речь, но, когда он описал внешность Сяо Фуцзы, вспомнила:

– Да, да, знаю. Молоденькая такая. У нее еще всегда зубки блестели. Ну да, это Лакомый Кусочек. Глаза Сянцзы загорелись гневом.

– Где ее комната?

– Ее? Так она давно умерла! Повесилась вон в том лесу!

– Что?!

– Когда Лакомый Кусочек пришла сюда, мы все ее полюбили. Но не смогла она вынести этой жизни, слишком хрупкой была. Однажды, помню, сидели мы вечером у входа. Заявился какой-то гуляка и прошел прямо к ней в комнату. Она не любила с нами сидеть. Вначале ее даже били за это, а потом разрешили сидеть у себя – уж очень она нравилась мужчинам. Кто к ней ходил, не хотел иметь дела с другими. Так вот, посмотрим, гуляка тот скоро вышел и отправился прямо в лес. Мы и внимания не обратили. В комнату к ней никто не пошел. Когда хозяйка начала собирать деньги, зашла к ней и видит: на кане лежит голый мужчина и дрыхнет. Пьян в стельку. Оказалось, Лакомый Кусочек надела на себя его одежду и убежала. Вот хитрая! Если бы не темнота, ей бы нипочем не уйти. Но она переделась мужчиной и всех провела. Побежали в лес, а она там висит на дереве. Сняли, да поздно. Язык чуть-чуть высунулся, но лицо совсем не страшное. Даже смерть ее не испортила. На нее и на мертвую приятно было смотреть. Уже прошло сколько месяцев, а в лесу тихо – ее душа никого не пугает. Вот какая она была добрая! Значит, я и говорю...

Сянцзы не дослушал. Пошатываясь, побрел он на кладбище. Здесь среди сосняка виднелось несколько могильных холмиков. Солнечные лучи, и без того бледные, сюда вообще не проникали. Сянцзы сел на сухую траву, вокруг валялись сосновые шишки. Тишину нарушали лишь печальные крики сорок на деревьях. Сянцзы знал, что Сяо Фуцзы не здесь похоронена, но слезы потоками лились из глаз. Все кончено, земля украла у него Сяо Фуцзы! Они оба так стремились к счастью. Но Сяо Фуцзы наложила на себя руки, а ему остается лишь плакать. Ее тело завернули в рогожку и зарыли где-то на свалке. Вот и все, чего она достигла!

Вернувшись в контору, Сянцзы проспал два дня. Он не пойдет к Цао, даже не напомним о себе! Господину Цао его не спасти!

Через два дня он вывез коляску. Сердце разрывалось от тоски. Он больше ни во что не верил, ни на что не надеялся, готов был терпеть любые оскорбления, лишь бы наесться до отвала, а потом спать. Глядя, как тощая, кожа да кости, собака сидит возле продавца бататов и дожидается, когда ей что-нибудь кинут, Сянцзы думал, что и сам он, как эта собака, ни о чем не мечтает, только брюхо набить. Нет, лучше не думать! Жить как живется – и все!

Человек стремится быть выше животного, а сам часто уподобляется дикому зверю. Именно это и случилось с Сянцзы, который жил в цивилизованном городе. Но Сянцзы не был в этом виноват. Он теперь жил не думая, словно в тумане, без всякой надежды, и сам мог бы убить человека без малейших угрызений совести. Он скатывался все ниже и ниже и очутился на самом дне человеческой ямы: обленился, пил, развратничал, играл в азартные игры, пускался на всякие хитрости. У него больше не было души, ее вырвали люди. Остался огромный, обтянутый кожей скелет, который постепенно разлагался и в любой момент мог развалиться.

Прошла зима. Весеннее солнце согревает лучше всякой одежды. Сянцзы снял ватник и продал. Сейчас он хотел вкусно поесть, хорошенько выпить, а завтра можно и умереть. Главное сегодня пожить в свое удовольствие. Так стоит ли думать о будущей зиме? Если, к несчастью, он еще будет жив, как-нибудь перебьется. Прежде он старался представить всю свою жизнь, как на ладони. Теперь же его заботил лишь нынешний день. Завтрашний, он знал по опыту, продолжение сегодняшнего – все те же незаслуженные обиды. Продал ватник – радость. Разве плохо, когда есть деньги? Зачем же их беречь до следующей зимы? Чтобы она в один присест сожрала и деньги, и саму жизнь?

Не только одежду, все, в чем не было необходимости. в данный момент, Сянцзы спускал с рук и радовался, когда тратил вырученные деньги. Сам истратишь другим не достанутся.

Так вернее. Надо все продать, а что понадобится – можно снова купить, или обойтись, если не окажется денег. Он не умывался, не чистил зубы, – эка важность! – и экономнее, и хлопот меньше. Очень нужно соблюдать приличия! Ходишь в рванье, и ладно, зато можно съесть блин с мясом, да еще в томатном соусе. Плохо ли? Кто вкусно ест, у того и после смерти в желудке полный порядок, не то что у дохлой крысы.

Когда-то чистоплотный, исполненный чувства собственного достоинства, Сянцзы превратился в тощего грязного рикшу самого низкого пошиба. Не умывался, не стирал одежду, месяцами не брил голову. Ему было все равно, новая или старая у него коляска – лишь бы меньше платить за прокат. Он вышвыривал из коляски пассажира, если по пути попадался более выгодный, часто дело доходило до драки, и день-другой Сянцзы проводил в полицейском участке. Но и это оставляло его равнодушным. В одиночку он всегда ездил медленно, зачем зря лить пот? Если же рядом бежали еще рикши, и Сянцзы к тому же был в хорошем настроении, он вырывался вперед, оставляя всех позади. Мчался наперерез другим коляскам, – метнется то в одну сторону, то в другую назло рикшам, бегущим позади; бегущих впереди толкнет, нисколько не заботясь о безопасности пассажиров, как раньше. Погибнет человек – ну и пусть, не велика важность. Рано или поздно каждому суждено умереть.

Задиристый, но в то же время замкнутый, он молча ел, молча пил, да и о чем, собственно, он мог говорить? У него не было ни своих взглядов, ни собственного мнения, он давно ни на что не надеялся.

Договорится о цене за коляску – и молчит до самого вечера. Рот, казалось, нужен ему для того лишь, чтобы есть, пить и курить. Выпьет и тоже молчит, пойдет к дереву, на котором повесилась Сяо Фуцзы, устроится в тихом уединенном местечке и плачет. Когда же слез уже нет, бредет в публичный дом и возвращается оттуда совершенно трезвый, с болью в теле и с пустым карманом. И никогда не раскаивается. Об одном лишь жалеет: что когда-то был таким трудолюбивым, таким честным. Но все это в прошлом. А сейчас жалеть не о чем.

Теперь он не упускал возможности поживиться за чужой счет. Радовался, если удавалось выкурить чужую сигарету, расплатиться фальшивым медяком, взять с тарелки лишний кусочек какого-нибудь соленья, запивая его соком зеленого горошка, получить, ничего не делая, лишний медяк, в общем, оставить другого в убытке. Он мстил и считал это справедливым. Мало того, Сянцзы наловчился занимать у приятелей деньги, вовсе не думая их возвращать, если же его припирали к стенке, начинал хулиганить или с жалобным видом просил отсрочки. Зная порядочность Сянцзы, ему поначалу доверяли, одалживали, и он этим пользовался. Занимал у кого только мог и тратил. Бывало и так: возьмет два мао, а вернет полтора, оставшиеся пять фэней пропьет. Со временем ему перестали одалживать, медяка и то не давали, тогда он пошел на обман. Стал ходить по домам, где прежде работал и хорошо себя зарекомендовал: его помнили и хозяева и слуги. Сянцзы сочинял какую-нибудь небылицу и выманивал деньги, а то выпрашивал старую одежку, которую потом продавал, чтобы купить вино и сигареты. Это оказалось куда легче, чем весь день гонять коляску, и при деньгах, и сил не надо тратить. Да, дело стоящее. Он даже не постеснялся пойти к дому господина Цао, где служила Гаома. Остановился поодаль и ждал, когда она пойдет за покупками. Только она появилась, Сянцзы догнал ее и жалобным голосом окликнул:

– Сестра Гао!

– Ой! До смерти напугал! Это ты, Сянцзы? Что за вид? – тараторила Гаома, тараща глаза, будто на привидение.

– Лучше не спрашивай! – опустил голову Сянцзы.

– Разве ты не договорился с господином Цао? И вдруг исчез, как в воду канул! Как же так? Я справляюсь о тебе у Лао Чэна, но и он ничего не знает. Куда же ты запропастился? Господин и госпожа очень переживают.

– Болел я, да так, что едва не помер! Помоги мне, поговори с господином, как полегчает, вернусь и буду работать. – Эта простая и трогательная ложь возымела действие.

– Господина нет дома, а ты пойди сам к госпоже.

– Что ты! В таком виде! Лучше ты ей скажи... Гаома протянула ему два юаня.

– Считаю, что это от госпожи тебе на лекарства.

– Спасибо госпоже, – Беря деньги, Сянцзы думал, как их лучше истратить, и едва Гаома отвернулась, кинулся на Тяньцяо и хорошенько повеселился денек.

Обойдя все дома, где когда-то работал, Сянцзы пошел по второму кругу, но на сей раз надежды его не сбылись. Он понял, что и этот путь ненадежен – надо придумать что-то другое,

полегче. Когда-то единственной его мечтой была коляска, теперь она ему опостылела. И он ее бросал, как только находил какой-нибудь другой способ раздобыть деньги. Сянцзы обленился, зато слух оставался острым. Услышит, что обсуждают какую-нибудь новость – и опрометью туда. Или обращается та или иная группа людей с петицией – Сянцзы тут как тут... Он брался за любое дело – лишь бы раздобыть денег. Дадут ему в руки флаг, он и бредет следом за толпой. Все лучше, чем возить коляску. Заработок, конечно, мизерный, зато силы экономишь. Идешь себе с маленьким флажком, покуливаешь, ухмыляешься. А когда надо что-то выкрикивать, можно просто раскрыть рот – зачем надрываться? Сянцзы все теперь делал вполсилы, по опыту знал: как ни старайся, ничего не добьешься. Как только появлялась опасность, он первым бежал прочь. Его жизнь принадлежит ему, и он не станет жертвовать ею ради других. Тот, кто всю жизнь трудится, знает, как себя щадить. Это эгоизм, но эгоизм особый.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Наступила пора паломничества в горные монастыри, а жара стояла невыносимая.

Откуда-то вдруг вынырнули продавцы бумажных вееров, веера будто выскочили из ящиков, позванивая колокольчиками, привлекая внимание прохожих. По обеим сторонам дороги высились груды зеленых абрикосов, выставленных на продажу, пламенели вишни, на блюде с ярко-красными финиками ползали золотистые пчелы, в большом фарфоровом тазу матово поблескивало желе, на коромысле висели корзины с лепешками из гречневой муки и кукурузным желе – все выглядело так аппетитно! А какие соусы и приправы! Самых разнообразных цветов.

Пестрой, словно радуга, была и уличная толпа – все сменили зимнюю одежду на легкую, яркую. Только пыль докучала, хотя уборщики усердно поливали улицы. Даже ветви плакучих ив, где резвились, радуя взор, проворные ласточки, тонули в пыли. Все наслаждались этим погожим весенним днем, сбросив усталость и лень. Паломники шли, изображая всевозможные представления: танец яньэ, танец львов, танец первопроходцев, танец пяти тигров с палками²⁰, всех представлений не перечесать. Дорожные корзины, оранжевые флаги, звуки барабанов, праздничные шествия – все вызывало добрые, светлые чувства. В городе было шумно, оживленно, пахло пылью. И сами паломники и те, кто пришел посмотреть на праздник, были исполнены серьезности, искренности, воодушевления. Ослепленные суевериями люди находили утешение в этой пестроте, в криках, в шуме, в самообмане. А прозрачные облака и клубы пыли вызывали необычайный душевный подъем. Каждый делал что хотел: кто поднимался в гору, кто шел в храм, кто любовался цветами... А некоторые лишь смотрели на веселье и возносили хвалу Будде...

Казалось, весна всех подняла на ноги, вызвала желание развлечься, чем-то заняться. Благодатное тепло торопило цветы и деревья быстрее зеленеть и цвести, разделить с людьми их радость. У озер в парках Бэйхай и Наньхай, возле плакучих ив и рогоза собираются парни и девушки. Одни ставят свои игрушечные кораблики в тени деревьев, другие – на молодые листья лотоса и принимаются играть на губных гармошках песни, глядя друг на друга влюбленными глазами. Привлеченные чудесными пионами, здесь бродят, обмахиваясь бумажными веерами редкой красоты, поэты и ценители прекрасного. Почувствовав усталость, они присаживаются отдохнуть у Красной стены под голубыми соснами и после нескольких чашек зеленого чая погружаются в мир праздной печали, украдкой наблюдая за гуляющими барышнями и любуясь знаменитыми цветами парков Бэйхай и Наньхай. Даже сюда, в это обычно малолюдное место, в ясную погоду, когда дует ласковый ветерок, слетаются, словно мотыльки, гуляющие. Пионы у храма Истинной веры, зеленый тростник у беседки Радости, тутовые деревья и заливной рис этот своеобразный музей под открытым небом – манят к себе посетителей везде слышны голоса, мелькают зонты. Даже у храма Неба, у храма Конфуция, у храма Гармонии, этих святых обителей – оживление. Любители дальних прогулок уходят вместе со студентами в Западные Горы, к теплым источникам, в парк Ихэюань, собирают там экспонаты для своих коллекций, оставляют надписи на камнях. Кто победнее – идет в храм Защиты Отечества, храм Истинного Счастья, храм Белой Пагоды, храм Зем-

²⁰ Китайские народные представления.

леделия, на рынок цветов. Всевозможные цветы, необыкновенно ярких расцветок, выставлены по обеим сторонам дороги. За пару медяков эту «красоту» можно унести домой. На лотках с напитками из зеленого горошка соленые овощи, похожие на букеты огромных цветов, с воткнутыми посередине стручками красного перца. Яйца на редкость дешевы, а яичница такая поджаристая, такая желтая и свежая, что у прохожих слюнки текут.

На Тяньцяо Небесном мосту – еще оживленнее. Здесь построены чайные под навесами, ска-терти на столах белые, чистые; поют прелестные певицы... и все это на фоне древних сосен храма Неба. Звуки гонгов и барабанов разносятся далеко вокруг и в чистом, прозрачном сухом воздухе звучат особенно звонко, отчетливо, будоража сердца. Женщины легкого поведения эти жертвы страстей, которыми охвачено общество, в ярких открытых платьях. Им легко наряжаться главное, чтобы все прелести были видны.

Есть где провести время и любителям тишины и уединения. В восточном пригороде на набережной возле водохранилища и за храмом Долголетия сохранились ямы, наполненные водой, где когда-то обжигали гончарные изделия, там можно порыбачить, и в западном пригороде, у Белокаменного моста тоже – рыба держится у самого берега, поросшего молодым тростником. Наловишь рыбы, а потом зайдешь в загородную закусочную, там – и свиные головы, и соленый соевый творог, и гаоляновая водка, и бобы, сваренные в соленой воде, – будешь и сыт и пьян. Из закусочной с удочкой на плече и рыбешками на кукане идешь вдоль берега, поросшего ивами, под лучами вечернего солнца, и так легко на душе! С этим чувствомходишь в городские ворота.

Повсюду радость, веселье, музыка.

Неожиданная жара в начале лета придает особое очарование каждому уголку древнего города. И хотя, быть может, она не сулит ничего хорошего, миллионы людей пробудились, согретые солнцем, они будто птицы расправили крылья и, словно замороженные, поют своему городу хвалебную песню. Этот город, грязный и в то же время прекрасный, дряхлый и полный сил, суетной и спокойный. Милый сердцу великий Пекин. В этот день всем не терпелось услышать либо прочесть о чем-то необыкновенном, каком-нибудь из ряда вон выходящем событии, которое не наскучит долгое время. Хорошо бы, конечно, увидеть нечто подобное собственными глазами.

День ясный, погожий и такой длинный! И удивительное событие не заставило себя долго ждать. На подножке трамвая, который только что отошел от завода, мальчишка, размахивая газетой в грязной руке, орал во все горло:

Всего медяк! Покупайте! Расстрел Жуань Мина. В девять вечера повезут по городу! Покупайте!

В трамвае, в лавках только и говорили что о Жунь Мине, ему была посвящена целая газетная полоса: фотоснимок, биография, интервью крупными и мелкими иероглифами, иллюстрации с подписями. Жуань Мин, казалось, заполнил собой весь этот старый город. Его имя можно было прочесть в глазах прохожих, услышать в беседах, словно на свете никого больше и не было, кроме Жуань Мина. Сегодня повезут по улицам, сегодня же расстреляют. Разве не о таком событии мечтали пекинцы? Они не только услышат, но и увидят. Женщины приоделись, старики, чтобы не опоздать, загодя вышли из дому. Детишки и те мечтали удрать с уроков. К восьми вечера люди заполнили все улицы, толкались, галдели; возбуждение достигло предела. Рикши остановили свои коляски, лавочники прекратили торговлю и перестали зазывать покупателей – все ждали телегу с Жуань Мином.

История знала и Хуанчао, и Чжан Сянчжуна²¹, и «Небесное государство великого благоденствия», еще тогда любили смотреть на казнь. Правда, расстрел не так интересен, другое дело, когда четвертуют, рубят голову, сдирают кожу, закапывают живьем – рассказы об этом слушали с таким наслаждением, будто ели мороженое, дрожа от удовольствия. Зато теперь приговоренного к казни возят по улицам напоказ – спасибо тому, кто это придумал: интересно же поглазеть на приговоренного, привязанного к телеге, по крайней мере, чувствуешь себя причастным к убийству, почти что палачом.

Эти люди не отличают добра от зла, правду от лжи, но хотят, чтобы их считали культурными

²¹ Хуанчао, Чжан Сянчжун – вождя крестьянских восстаний в средневековом Китае.

потому лишь, что они усвоили кое-какие приличия. Они с удовольствием посмотрели бы, как заносят над головами им подобных ножи и секиры, как четвертуют. Убивают же ребятишки собаку, испытывая при этом радость. Дай таким людям власть, они устроят кровавую бойню, будут отрезать у женщин груди и ноги и сваливать в кучу для собственного удовольствия. Но власти у них нет, так что приходится лишь смотреть, как убивают свиней, баранов и людей тоже – все-таки удовольствие. А не дай им такой возможности, сорвут злобу на ком угодно, даже на детях, чтобы отвести душу.

На восточном краю голубого безоблачного неба – красный диск солнца, ветер колышет ивы?; по обочинам дороги, укрывшись в тени, стоят люди – старики и молодые, мужчины и женщины, красивые и некрасивые – одни одеты по последней моде, другие – просто; все возбужденно беседуют, смеются, жаждут зрелища, вертят головами, думая лишь об одном: поскорее бы! Каждый норовит протиснуться вперед. Полицейские покрикивают на мальчишек, награждают их пинками на потеху всем, с трудом сдерживают сползающую на мостовую живую стену – видно лишь, как над всей этой массой шевелятся головы. Ноги затекли от долгого стояния, но все терпеливо ждут, никто не хочет уходить. Те, что сзади, напирают на стоящих впереди, а люди все подходят и подходят, стараясь

пролезть поближе, ругаются, поносят друг друга, кто кого перекричит, но руки в ход не пускают. Дети капризничают, им не вмоготу, но то и дело получают затрещины. Кто-то обнаружил пропажу и орет во все горло – воры времени не теряют. Шум, гам, крики, ругань. И тем не менее, люди полны решимости ждать. Все, без исключения.

Вдруг все стихло – вдали показался отряд полицейских.

– Везут! – крикнул кто-то. Толпа подалась вперед – еще, еще. Только и слышно:

– Везут! Везут!

Глаза сверкали. Крики слились в сплошной гул; резко пахло потом. Все жаждали увидеть кровавое зрелище. И это в стране, где так почитают этикет и ритуалы!

Жуань Мин, маленький, щупленький, очень напоминал больную обезьянку. Он молча сидел на телеге с опущенной головой, бледный, на спине – дощечка с надписью. Люди разглядывали его, презрительно скривив губы, и обменивались мнениями; гомон волнами прокатывался в толпе.

– Братья! – вдруг предложил кто-то. – Давайте крикнем ему что-нибудь! – И окружавшие телегу заорали, будто в театре: «Браво!» И столько было злости, столько пренебрежения в этом крике. Но Жуань Мин даже не поднял головы. Толпа негодовала: «На такого сморчка весь город вышел смотреть!...» Лицо Жуань Мина по-прежнему оставалось бесстрастным, и интерес к нему постепенно исчезал. Однако люди не расходились. А вдруг преступник что-нибудь скажет? Ну, например: «Лет через двадцать, может, еще появится молодец». Или попросит у торговца чайничек-другой гаоляновой водки и немного мяса, тушенного в сое. Ему, конечно, не дадут. Интересно, что он тогда будет делать? А может, когда телега доедет до арки, он возьмет да и запоем: «Четвертый сын навещает мать»²². Непременно надо идти за телегой. Вот и Небесный мост. Но ничего такого, что вызвало бы восторг и удовольствие толпы, не произошло. Однако с преступника не сводили глаз: как бы не пропустить, когда в него всадят пулю. Иначе можно считать, что время потеряно.

В этот жаркий день Сянцзы, понурившись, прибрел к озеру. На берегу огляделся. Ни души. Стараясь ступать без шума, он крадучись, на цыпочках подошел к самой воде. Прислонился к стволу старого дерева, постоял немного. Вокруг было тихо, и Сянцзы в изнеможении опустился на землю. Слегка покачивался под ветром тростник, чирикали птички. Неожиданно Сянцзы вскочил, лоб покрылся испариной. Он стал озираться, прислушался. Тишина. Сянцзы снова сел. Его больше не пугал шелест тростника и голоса птиц. Он тупо уставился на плавающих в канаве рядом с озером рыбок – глаза у них сверкали, словно жемчужинки; рыбки то собирались стайками, то расплывались в разные стороны, пуская пузыри, к чешуе у них прилипала ряска. К склонам канавы лепились головастики, покачивая огромными головами. Вдруг и головастиков и рыб унесло течением только хвосты мелькнули, и при несло новых, которые всеми силами старались удержаться

²² Название акта пекинской оперы «Семейство воинов Ян».

на месте; головастики пытались выбраться из потока. Вода перестала бурлить. Рыбешки собрались в стайки, раскрывая широко рты, хватали листочки и траву. Крупная рыба, спешила опуститься ко дну, от ее движений по воде расходились круги. Промчался над водной поверхностью зимородок, и рыбы тотчас исчезли, только ряска осталась. Сянцзы смотрел перед собой невидящим взглядом; нехотя поднял с земли несколько камешков и стал бросать в воду, сбивая ряску и поднимая брызги. Вдруг, словно испугавшись чего-то, он едва не вскочил, а потом долго ощупывал грязный пояс – в нем были спрятаны деньги. Сянцзы достал их, покачал головой, аккуратно пересчитал и снова спрятал.

Сердце взволнованно забилося: как бы получше истратить их, но чтобы никто не узнал? Тогда он успокоится. Он думал не о себе – о деньгах, он как бы стал их придатком, они им распоряжались. Деньги эти добыты бесчестным путем и так же должны быть истрачены. Тот, кто их взял, не смеет смотреть на солнечный свет. Народ ходит по городу, разглядывает Жуань Мина, а Сянцзы прячется и думает: хорошо бы найти еще более глухое место. О том, чтобы появиться на улице, не может быть и речи – ведь это он предал Жуань Мина, и теперь сидит здесь в одиночестве, у городской стены, не смея поднять голову, словно его преследует тень самого дьявола. Сянцзы везде чудится Жуань Мин: то в луже крови на Небесном мосту, то даже в ассигнациях, спрятанных в поясе. Сянцзы не раскаивается, он только боится дьявола.

Жуань Мин был обречен с того самого момента, как получил чиновничью должность и стал прожигать жизнь. Деньги затягивают в порочный круг, лишают высоких идеалов, приводят в ад. Жуань Мин одевался в роскошные европейские костюмы, развлекался с продажными женщинами, играл в азартные игры и даже покуривал опиум. Но вдруг в нем заговорила совесть, и он решил, что виной всему безнравственное общество, в котором он живет, – слишком много вокруг соблазнов, и у него нет сил им противиться. Ему все чаще не хватало денег, и он приду мал, как раздобыть их, спекулируя на радикальных идеях, и приступил к осуществлению своего плана.

Нечто подобное он проделывал в школе, всячески подлизываясь к учителям, чтобы получить удовлетворительную оценку. Бездельнику неведомо чувство собственного достоинства, он готов на все ради собственной выгоды. Жуань Мин получил солидную сумму и возглавил организацию по пропаганде революционных идей. Однако, с присущим ему легкомыслием, принимал в организацию не борцов за идею, а кого попало. В то же время он знал, что, получив казенные деньги, надо что-то делать. И Жуань Мин решил заняться организацией работы среди рикш. Все знали старого опытного рикшу Сянцзы, знал его и Жуань Мин и решил использовать его в своих целях, разумеется, за плату, уверенный в том, что при случае можно будет все свалить на Сянцзы. Но случилось по-другому: Сянцзы продал Жуань Мина. Для тех, кто работает только ради наживы, большие деньги таят опасность: честным путем их не заработаешь. Радикальные идеи помогали Жуань Мину оправдывать свои бесчестные поступки. Его разглагольствования Сянцзы считал вполне справедливыми. «Будь у меня побольше денег, я хоть несколько дней пожил бы, как он», с завистью думал Сянцзы.

Ради денег Жуань Мин потерял человеческое достоинство, ради денег – шестидесяти сребреников – Сянцзы продал Жуань Мина. Жуань Мину нужна была поддержка масс, Сянцзы роскошная жизнь Жуань Мина. И вот деньги, окропленные его кровью, у Сянцзы за поясом.

До самого захода солнца Сянцзы сидел у озера. И лишь когда тростник и плакучие ивы засветились золотисто-красным светом, он поднялся и пошел вдоль городской стены в западном направлении. Не раз добывал он деньги нечестным путем, но никогда еще не предавал человека. К тому же сам он считал разглагольствования Жуань Мина в высшей степени справедливыми. Городские стены своей огромностью пугали Сянцзы. Он обошел мусорную кучу, где сидело несколько старых ворон, боясь, как бы они не накаркали ему беды, и, подойдя к западной части города, прибавил шагу, напоминая собаку, стащившую у хозяев еду. Кто мог бы ему вечером составить компанию, чтобы снять с души боль и страх, хоть ненадолго? Лучше всего пойти в публичный дом.

С приходом осени болезнь обострилась, и у Сянцзы уже не было сил работать рикшей. Да и кто даст ему в аренду коляску? Он давно потерял доверие. Пришлось наняться сторожем в лавку... За ночь – два медяка, к тому же переночевать можно. Он теперь едва зарабатывал на миску

жидкой каши. Попрошайничать? Бесполезно. Кто подаст милостыню здоровенному детине? Можно бы отправиться за подаванием в монастырь, но для этого надо было разрисовать свое тело «ранами», чтобы пожалели, а этого Сянцзы не умел. Воровать он тоже не научился. У воров свои шайки, свои способы; ему же приходилось добывать деньги на пропитание в одиночку. Сянцзы никогда ни до кого не было дела, он старался только ради себя, а пришел к собственной гибели. Его неприкаянная душа пока еще держалась в теле, но скоро и она вместе с телом где-нибудь сгинет.

Пекин, с той поры, как был назван древней столицей, стал терять свою самобытность: его блистательный облик, ручные ремесла, пекинская кухня, язык, полицейские – все постепенно уплывало в поисках столь же могущественного и богатого покровителя, как Сын Неба, для поддержания своего величия. Приготовленную по-пекински баранину теперь уже можно было встретить на европеизированном Циндао, в шумном Тяньцзине в полночь услышать голос зазывалы: «Пекинские пампушки! Кому пекинские пампушки!»; в Шанхае, в Ханькоу, в Нанкине встречаешь полицейских и прислугу, которые говорят на пекинском диалекте, едят лепешки из семян кунжута, пьют цветочный чай, привезенный с юга на север, – в Пекине он проходил двойную ароматизацию и его снова отправляли на юг; даже носильщики из Пекина ездили в Тяньцзинь и Шанхай носить гробы с высокопоставленными чиновниками и знатными людьми.

Пекин понемногу терял свой прежний блеск, свою респектабельность; правда, в кондитерских еще можно было купить после праздника «двойной девятки»²³ пирожные «хуагао» с фруктовой начинкой, а также сладкие юаньсяо; в осенние дни торговцы вдруг вспоминали о двухсот – трехсотлетней традиции – к празднику полнолуния рекламировали продажу товаров по сниженным ценам...

Экономические трудности заставляют забыть о респектабельности и вынуждают искать выход из положения: престижем сыт не будешь. Только свадьбы и похороны проходят так же, как и в давние времена, соблюдаются все обряды и церемонии, хотя не всегда одинаково пышно. Не всем по карману ведающий свадебным и похоронным обрядом, ударные музыкальные инструменты, свадебный паланкин или погребальные покрывала.

Для выноса покойника делают бумажные фигурки – сосновых журавлей и сосновых львов; для свадебной церемонии – фигурки людей, паланкин, лошадей. Свадьбу тоже празднуют со всеми положенными аксессуарами, с двадцатью четырьмя музыкальными инструментами. Устраивают, как и прежде, торжественные шествия по улицам, создавая иллюзию, что все так же, как было в прежние добрые времена.

Жизнь Сянцзы была теперь тесно связана с этими церемониями и обычаями: то он нес над кем-нибудь зонт, то траурные полотнища или венки на похоронах. Он не испытывал радости на свадьбах и не плакал на похоронах. Он мерял шагами улицы ради нескольких жалких медяков. Надевая зеленую рубаху или длиннополый голубой халат, он хоть на время прикрывал свои лохмотья и выглядел немного приличнее. Он даже брился, если обслуживал какую-нибудь знатную персону, надевал сапоги, словом, полностью приводил Себя в порядок. Болезнь все время напоминала о себе и особенно мучила как раз в те моменты, когда Сянцзы нес флаг или траурное полотнище, так что он с трудом, тащился по улицам.

Даже эту нетрудную работу Сянцзы выполнял кое-как. Давно прошла его золотая пора. Когда-то любое дело у него спорилось, словно по мановению волшебной палочки, а теперь что? Такой верзила, а хватает флажок или какое-нибудь маленькое траурное полотнище – вместо того чтобы нести красный зонт или большой транспарант с надписью «тишина». Он мог сцепиться со стариком, с ребенком, даже с женщиной. Себе в убыток ничего не делал. Даже с легкой ношей шел согнувшись, низко опустив голову, жуя подобранный с земли окурочек, едва волоча ноги. Все останавливаются – он идет вперед. Продолжают двигаться – он останавливается, словно не слышит ни ударов гонга, ни команд. Он все время выбивался из ряда, шел, как во сне, погруженный в

²³ Праздник «двойной девятки» – традиционный осенний праздник, отмечаемый в девятый день девятого месяца по лунному календарю.

свои думы. Барабанщик, одетый в красное, с шелковым флажком в руке, поторапливал идущих и то и дело ругал Сянцзы:

– Эй, ты, выродок!... Я тебе говорю, Лото! Держи равнение, мать твою так!

Но Сянцзы будто не слышал. Барабанщик толкал его своей колотушкой, Сянцзы таращил глаза, обводил всех тусклым взглядом, ни слова не говорил, уставившись в землю в поисках окурка. Когда-то порядочный, гордый, целеустремленный, он видел прекрасные сны, мечтал о лучшей жизни для себя... Не счесть покойников, которых похоронил Сянцзы, но кто знает, где сам он закончит дни свои, где найдет успокоение его несчастная душа? Он был типичным порождением больного общества и, одинокий, шел к своему концу...

ПРИМЕЧАНИЯ